

12+

**ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Серия № 1
**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Выпуск 1/2021

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

12 +

**ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия № 1
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Выпуск 1 / 2021

Электронный научный журнал

Пермь
ПГГПУ
2021

Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 1. Психологические и педагогические науки. Вып. 1 / 2021: электрон. науч. журн.[Электронный ресурс] / ред. кол. вып.: Е.А. Силина (отв. ред. вып.), Н.В. Коптева, О.С. Самбикина, Л.Л. Баландина (отв. секретарь вып.); Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь, 2021. – 1,5 Мб – Текст (визуальный) : электронный.

Предлагаемый выпуск «Вестника ПГГПУ» (серия «Психологические и педагогические науки») посвящен психологическим исследованиям, проводимым преподавателями, аспирантами, магистрантами и студентами кафедры педагогики и психологии ПГГПУ, кафедр общей и клинической психологии, психологии развития ПГНИУ и РАНХиГС (г. Москва). Теоретико-эмпирические исследования сгруппированы по разделам психологии: общая психология и психология личности, психология развития и возрастная психология, клиническая и специальная психология.

Издание адресовано ученым в области психологии, аспирантам, магистрантам, студентам и всем тем, кто интересуется предложенной проблематикой.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Е.А. СИЛИНА – канд. психол. наук, проф. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (отв. ред.)
Л.А. КОСОЛАПОВА – д-р пед. наук, проф., и. о. зав. кафедрой педагогики ПГНИУ (зам. отв. ред.)
Л.Л. БАЛАНДИНА – канд. психол. наук, доц. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (отв. секретарь)
Н.А. ГАНГНУС – канд. пед. наук, доц. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА:

Е.А. СИЛИНА – канд. психол. наук, проф. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (отв. ред. вып.)
Н.В. КОПТЕВА – д-р психол. наук, проф. кафедры практической психологии ПГГПУ
О.С. САМБИКИНА – канд. психол. наук, доц., зав. кафедрой теоретической и прикладной психологии ПГГПУ
Л.Л. БАЛАНДИНА – канд. психол. наук, доц. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (отв. секретарь вып.)

Электронный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-78183 от 27.03.2020 г.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), договор № 270-04/2014 от 28.04.2014 г.
Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание в международном регистрационном каталоге (ISSN International Centre, Франция, Париж)

Сайт журнала Вестник ПГГПУ. Серия № 1 «Психологические и педагогические науки»:

URL: <http://www.vestnik1.pspu.ru>

Префикс DOI: 10.24412/2308-717X

Электронная почта журнала: lbalandina2017@yandex.ru – Баландиной Людмиле Леонидовне;
pedagog@pspu.ru – Гангнус Наталии Андреевне

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

**ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ..... 4

ДЕРИШ Ф.В. ПОЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ЧЕРТ ТЕМНОЙ ТРИАДЫ ЛИЧНОСТИ И ДИСПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ АГРЕССИИ 4

КОРНИЕНКО Д.С., ГОРБУШИНА Е.А. ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ И ХАРАКТЕРИСТИК ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ 13

КРАСНОВ А.В., ЖИКИНА Л.Р. ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ ВОЛОНТЕРОВ В СВЯЗИ С ПРЕДПОЧИТАЕМЫМ НАПРАВЛЕНИЕМ МЕРОПРИЯТИЙ 22

КРАСНОВ А.В., МОРДВИНОВА С.А. ВОСПРИЯТИЕ НОСИТЕЛЕЙ ТЕМНОЙ ТРИАДЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ 31

ПЕТРОВА Е.А. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НРАВСТВЕННОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ 40

II. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ 53

БАЛАНДИНА Л.Л., МИТРЮШИНА Н.Б. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ 53

БАЛАНДИНА Л.Л., ПАНЬКОВА А.А. КОПИНГ-СТРАТЕГИИ В СВЯЗИ С САМООТНОШЕНИЕМ СТУДЕНТОВ..... 63

БАРКОВСКАЯ Д.В. ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ ПОДРОСТКОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ СПОРТОМ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ) 72

ПОПОВА Т.А. ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛОКУСА РОЛЕВОГО КОНФЛИКТА И ЛИЧНОСТНЫХ СВОЙСТВ В СРЕДНЕМ И ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ 78

СИЛИНА Е.А., ДИМУХАМЕТОВА А.С. ВЗАИМОСВЯЗЬ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ У СТУДЕНТОВ РАЗЛИЧНЫХ ПРОФИЛЕЙ 89

III. КЛИНИЧЕСКАЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ 95

ИГНАТОВА Е.С., СПЕХОВА А.В. ВЗАИМОСВЯЗЬ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАЩИХСЯ КОРРЕКЦИОННЫХ КЛАССОВ..... 95

ХАРЛАМОВА Т.М., КАНЮКОВА Ю.М. СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИОННОГО СТРЕССА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕЛЬДШЕРОВ СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ 109

РАЗДЕЛ 1. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.922

DOI: 10.24412/2308-717X-2021-1-4-12

Дериш Федор Валерьевич

старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии

ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

614990, Пермь, Букирева, 15, (342) 239-66-17

e-mail: derish@psu.ru

ПОЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ЧЕРТ ТЕМНОЙ ТРИАДЫ ЛИЧНОСТИ И ДИСПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ АГРЕССИИ

Fedor V. Derish

Senior Lecturer of Clinical and General Psychology Department

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education

«Perm State National Research University»

15, Bukireva, 614990, Perm, Russia

e-mail: derish@psu.ru

SEX DIFFERENCES IN RELATIONSHIP OF DARK TRIAD PERSONALITY AND AGGRESSION DISPOSITION

Аннотация. Целью исследования является изучение взаимосвязи диспозициональной агрессии и черт Темной триады личности. Выборка состоит из 409 студентов в возрасте 18–29 лет, где 66,5 % – женщины. Для проверки гипотез использовался Краткий опросник Темной триады (SD3) и Опросник агрессии Басса – Перри (BPAQ-24). Результаты показывали, что все взаимосвязи черт Темной триады и агрессии оказались положительными. Также было обнаружено, что психопатия сильно, а макиавеллизм умеренно связаны со всеми компонентами агрессии (инструментальным, аффективным и когнитивным). Нарциссизм же оказался слабо связан только с физической агрессией (поведенческим компонентом). Обнаружены обусловленные полом взаимосвязи нарциссизма и диспозициональной агрессии: нарциссизм мужчин характеризуется агрессивностью на поведенческом, аффективном и когнитивном уровнях. Изучение агрессии и черт Темной триады обусловлено полом, что требует в дальнейшем контроля пола как фактора индивидуальных различий в оценке взаимосвязей черт Темной триады и других диспозициональных характеристик.

Ключевые слова: пол, психопатия, нарциссизм, макиавеллизм, физическая агрессия, гнев, враждебность, личность, Темная триада.

Abstract. The aim of the study is the analysis of relationship of dispositional aggression and Dark triad personality traits. The sample consists of 409 students of the Perm State University, age 18–29 years, 66.5 % female. The short form questionnaire «Short Dark triad» (SD3) and Buss – Perry Aggression Questionnaire (BPAQ-24) were used for testing the hypotheses. The data were processed descriptive statistics and linear correlation analysis (Pearson). The results show that Dark triad traits have different relations with components of aggression disposition by sex. Psychopathy and Machiavellianism have strong positive correlations with all of components of aggression in men and women samples. Otherwise Narcissism was correlated with aggression. This trait has positive correlations only in men sample (from 0.19 to 0.34). In the study were received sex differences of relationship in Narcissism and components of aggression (i.e. Physical aggression, Anger, Hostility).

Key words: gender, psychopathy, narcissism, Machiavellianism, physical aggression, anger, hostility, personality, Dark triad.

Изучение относительно новой модели личности под названием «Темная триада» остается актуальным в связи со спецификой самих черт и взаимосвязи с патологическими личностными характеристиками. Темная триада, или три негативные нормативные черты личности, включают в себя макиавеллизм, грандиозный нарциссизм и психопатию [20]. Данные черты характеризуют различные социально нежелательные формы поведения. К таким формам можно отнести асоциальное, девиантное и делинквентное поведение, доминирование, манипулирование и эксплуатацию в парных и рабочих отношениях и пр. [2, 21]. Характерными особенностями таких черт являлись выраженные агрессивные тенденции, которые даже можно рассматривать как часть комплекса Темная триада [21].

При определении агрессии выделяются разные толкования относительно места агрессии среди психических явлений. С одной стороны, исследователи выделяют агрессивное поведение и его виды (физическая, вербальная, инструментальная, враждебная, реактивная, проактивная и др.) [12, 13, 14, 15].

С другой стороны, существует позиция, согласно которой агрессия является личностной чертой, характеризующейся многомерностью проявлений, стабильностью и кросс-ситуативностью [6, 7]. Включение агрессии в ранг личностных черт является достаточно неоднозначным и сложным из-за гетерогенности проявлений агрессии [6]. Такая гетерогенность проявляется в различных мотивационных факторах агрессивного поведения, сложности в концептуализации, что выражается в большом круге явлений, обычно относящихся к агрессии (например, враждебность, насилие, подозрительность, негативность, антагонизм и др.) [10]. В данном исследовании не стоит задача определения статуса агрессии. Для избежания неоднозначности исследовательской позиции агрессия будет рассматриваться как диспозиция или склонность к агрессивному реагированию на поведенческом, аффективном

и когнитивном уровне в широком спектре ситуаций, что отчасти соответствует модели А. Басса и М. Перри [5].

Тесные и сложные взаимосвязи между темными чертами личности и диспозициональной агрессией были обнаружены относительно давно. В исследовании П. Джонасона и К. Вебстера (2010) психопатия и макиавеллизм сходным образом предсказывают прямую агрессию, а нарциссизм – только враждебность [16]. Исследователи Д. Джонс и А. Нерия [18] выделили так называемое Темное ядро – переменную, полученную при обобщении черт Темной триады с помощью моделирования структурными уравнениями. Такая переменная оказалась тесно связанной с общим индексом агрессии по Бассу – Перри ($r = 0,62$). В этом же исследовании показано, что связи различных аспектов агрессии и черт Темной триады, измеренных многофакторными опросниками, оказались различными. Психопатия тесно связана со всеми гранями агрессии по Бассу – Перри, а макиавеллизм и нарциссизм – только с некоторыми. При рассмотрении половых различий было показано, что нарциссизм мужчин был связан только с физической и вербальной агрессией, а нарциссизм женщин оказался не связанным с агрессией по Бассу – Перри. В исследованиях показано, что связи между чертами Темной триады и диспозициональной агрессией являются сложными и обусловленными другими факторами, в частности, полом.

При рассмотрении агрессивного поведения наиболее тесные связи черт Темной триады были обнаружены для различных видов и форм агрессии, но наиболее существенные – для реактивной и проактивной агрессии. Психопатия оказывается наиболее «агрессивной» чертой – она тесно связана с обоими видами агрессивного поведения [9, 17]. Психопатия совместно с макиавеллизмом являются значимыми предикторами насильственных действий [19]. Нарциссизм характеризуется реактивной агрессией в ситуациях провокаций, оскорблений и при угрозе Я [23]. В недавнем исследовании [11] было показано, все черты Темной триады связаны с реактивной и проактивной агрессией. Причем с реактивной агрессией связи слабее, чем с проактивной. Такое постоянство в реализации агрессивных тенденций предполагает сниженную способность в сопереживании (или эмпатии) объектам агрессии, что описывает темные черты личности.

Особенной для черт Темной триады и агрессивного поведения, в частности, рассматривалась проблема половых различий. Так, еще в ранних исследованиях были обнаружены половые различия в психопатии при большей выраженности у мужчин [8]. Аналогичные данные были получены для всех черт Темной триады [4]. Существует единственное относительно крупное исследование [22], в котором рассматривались связи агрессии по Бассу – Перри и черт Темной триады, измеренных Кратким опросником Темной триады. Результаты показали отсутствие существенных различий во взаимосвязях. Одного исследования недостаточно для окончательной точки в вопросе половых различий взаимосвязей черт Темной триады и диспозициональной агрессии. Кроме того, в российской выборке такие данные и вовсе отсутствуют.

Стоит отметить, что половые различия во взаимосвязях черт Темной триады и других черт (и диспозиций) уже ранее наблюдались [1].

Таким образом, целью настоящего исследования является анализ половых различий взаимосвязи черт Темной триады и диспозициональной агрессивности. Цель исследования позволила сформулировать несколько гипотез: (1) молодые мужчины характеризуются большей выраженностью черт Темной триады личности; (2) молодые мужчины характеризуются большей диспозициональной агрессивностью в поведенческих, аффективных и когнитивных проявлениях; (3) существует специфика взаимосвязи черт Темной триады личности и диспозициональной агрессии, обусловленная полом.

Организация исследования

В исследовании приняли участие 409 студентов пермских вузов в возрасте 18–29 лет ($M = 18,9$; $SD = 3,01$), из них 272 – женщины (66,5 %). Участие в исследовании было добровольным и поощрялось дополнительными баллами для получения зачета по учебной дисциплине. Респонденты заполняли опросники, направленные на измерение диспозициональной агрессии и черт Темной триады личности.

Для диагностики макиавеллизма, психопатии и нарциссизма применялся Краткий опросник Темной триады (Short-Dark Triad) [3]. Он содержит 27 утверждений, оцениваемых по 5-балльной шкале. Надежность шкал опросника составила от 0,62 до 0,71 (альфа Кронбаха). Диспозициональная агрессия измерялась с помощью опросника агрессии Басса – Перри (BPAQ-24), который позволяет оценить у респондентов три компонента: физическая агрессия, гнев и враждебность [5]. Надежность компонентов диспозициональной агрессии составила от 0,72 до 0,75 (альфа Кронбаха). Каждый из компонентов рассматривается как диспозиция к соответствующему поведению, переживанию и отношению.

Данные обрабатывались методами математической статистики. Для проверки гипотез использовались описательные статистики, сравнительный анализ с помощью t -критерия и линейный корреляционный анализ по К. Пирсону. Статистический анализ был осуществлен с помощью статистического пакета JASP (<https://jasp-stats.org/>).

Результаты и их обсуждение

Перед проведением статистических анализов, направленных на проверку гипотез исследования, были рассчитаны описательные статистики для всей выборки и для двух подвыборок мужчин и женщин. Результаты представлены в табл. 1. Несмотря на то что наша выборка представлена исключительно респондентами молодого возраста, средние значения и стандартные отклонения которых сопоставимы с исследованием половых различий М.С. Егоровой и коллег (2015) [4]. Аналогичное сходство показателей агрессии с данными С.Н. Ениколопова и Н.П. Цыбульского (2007) наблюдается в средних значениях и стандартных отклонениях [5]. Однако для физической агрессии были получены гораздо меньшие средние значения, что, вероятно, обусловлено отсутствием в выборке правонарушителей.

Таблица 1

Описательные статистики и половые различия диспозициональной агрессии и черт Темной триады

№ п/п	Переменная	Общая выборка		Женщины		Мужчины		Ур. знач.	d
		M	SD	M	SD	M	SD		
1	Макиавеллизм	3,08	0,65	2,87	0,68	3,28	0,62	0,001	-0,632
2	Нарциссизм	2,69	0,64	2,62	0,63	2,76	0,65	0,037	-0,218
3	Психопатия*	2,21	0,67	1,96	0,59	2,47	0,75	0,001	-0,760
4	Индекс Темной триады	2,66	0,51	2,48	0,48	2,84	0,54	0,001	-0,696
5	Физическая агрессия*	2,27	0,61	2,01	0,54	2,52	0,69	0,001	-0,837
6	Гнев*	2,97	0,71	3,09	0,77	2,85	0,65	0,001	0,345
7	Враждебность	2,48	0,76	2,53	0,76	2,44	0,76	0,259	0,118
8	Индекс агрессии	2,57	0,57	2,54	0,56	2,60	0,58	0,312	-0,105

Примечание. Значения переменных были подсчитаны путем усреднения первичных ответов на утверждения в соответствии с ключом методик; * – дисперсии групп различаются ($p < 0,01$), различия представлены для критерия Welch, для остальных использовался t -критерий Стьюдента; $n(\text{жен}) = 272$, $n(\text{муж}) = 137$; M – среднее арифметическое; SD – стандартное отклонение; d – размер эффекта Коэна (Cohen, 1988).

Первая гипотеза нашла свое подтверждение. С помощью t -критерия Стьюдента и критерия Уэлча были обнаружены достоверные различия в выраженности всех черт Темной триады личности и суммарного индекса. Данная гипотеза носит подтверждающий характер и соотносится со многими известными исследованиями. Однако специфичным для относительно молодой выборки является большая выраженность нарциссизма у мужчин по сравнению с женщинами. Размер эффекта (D Коэна) для макиавеллизма и психопатии оказался высоким ($|d| > 0,5$), а для нарциссизма – относительно слабым ($|d| \sim 0,2$). Результаты сравнения представлены в табл. 1. В упомянутом исследовании М.С. Егоровой и коллег (2015) размер эффекта оказался ниже для всех трех черт: для психопатии и макиавеллизма – средний, для нарциссизма – низкий [4]. В целом молодые мужчины характеризуются более выраженными социально нежелательными чертами в сравнении с женщинами.

Для диспозициональной агрессии были получены достоверные различия между мужчинами и женщинами в выраженности только двух компонентов, а именно физической агрессии и гнева (см. табл. 1). Физическая агрессия, как ожидалось, больше выражена у мужчин. Мужчины демонстрируют большую готовность к прямой агрессии путем нанесения физического вреда, в том числе насилия. Неожиданным фактом оказалось наличие большей выраженности гнева у молодых женщин: они в большей мере склонны переживать чувство гнева по отношению к другим людям, объектам и событиям. Возможно, это связано с менее выраженной способностью к регуляции собственных эмоциональных переживаний по сравнению с мужчинами [1]. Размер эффекта

для физической агрессии оказался очень высоким ($|d| > 0,8$), а для гнева – средним. В целом половые различия в диспозициональной агрессии обнаружены только на уровне компонентов. Таким образом, вторая гипотеза нашла свое подтверждение лишь частично.

С целью проверки третьей гипотезы о наличии половых различий во взаимосвязи черт Темной триады и диспозициональной агрессии использовался линейный корреляционный анализ по К. Пирсону. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Корреляции диспозициональной агрессии и черт Темной триады в связи с полом

№ п/п	Переменные	Физическая агрессия	Гнев	Враждебность	Индекс агрессии
1	Макиавеллизм	0,38** (0,23**)	0,26** (0,29**)	0,37** (0,37**)	0,40** (0,36**)
2	Нарциссизм	0,10 (0,34**)	-0,04 (0,23**)	0,03 (0,19*)	0,02 (0,29**)
3	Психопатия	0,45** (0,63**)	0,39** (0,54**)	0,35** (0,49**)	0,48** (0,67**)
4	Индекс Темной триады	0,42** (0,52**)	0,26** (0,47**)	0,33** (0,45**)	0,39** (0,58**)

Примечание. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; $n(\text{жен}) = 272$, $n(\text{муж}) = 137$; в скобочках указаны корреляции для мужчин.

Были обнаружены тесные достоверные и положительные взаимосвязи между макиавеллизмом, психопатией, нарциссизмом, суммарным индексом Темной триады и компонентами диспозициональной агрессии, а также с суммарным индексом агрессии. Две черты триады – макиавеллизм и психопатия – сильнее нарциссизма оказались связанными с компонентами диспозициональной агрессии.

Как оказалось, связи психопатии и компонентов агрессии, обнаруженные в мужской подвыборке, немного сильнее связей, полученных в женской. Вероятно, такие отличия обусловлены большей выраженностью психопатии у мужчин, для которой склонность к асоциальному поведению (одним из видов агрессивного) является характерным признаком.

Макиавеллизм молодых мужчин и женщин в относительно равной степени связан с гневом и враждебностью. Только физическая агрессия мужчин в меньшей степени связана с макиавеллизмом ($r_{\text{муж}} = 0,23$) по сравнению с женщинами ($r_{\text{жен}} = 0,38$). Возможно, женщины, при использовании манипуляций и обмана, в большей мере склонны использовать стратегии запугивания, угроз и шантажа, нежели мужчины.

Наиболее заметная половая специфика взаимосвязей с агрессией выявлена для нарциссизма. В женской подвыборке не было обнаружено значимых взаимосвязей, а в мужской, наоборот, нарциссизм оказался умеренно связанным со всеми компонентами агрессии. Другими словами, для женского нарциссизма агрессивные проявления не являются характерными

особенностями. В свою очередь для мужского нарциссизма, как и для других черт Темной триады, склонность к агрессии и агрессивному поведению является одним из проявлений.

Суммарные индексы агрессии и Темной триады мужчин и женщин оказались тесно взаимосвязанными, где большая взаимосвязь наблюдается для мужчин ($r = 0,68$) и меньшая для женщин ($r = 0,39$). На основании таких данных можно утверждать, что характерным для Темной триады личности, вне зависимости от пола, является склонность к агрессивному поведению. Однако агрессивное поведение наиболее ожидаемо для мужчин с выраженными негативными чертами, и такое поведение, вероятно, будет встречаться в более широком круге ситуаций. Присоединяемся к мнению Д. Полхуса и коллег (2018), что, по крайней мере, включение диспозициональной агрессии в состав комплекса Темная триада находит свое эмпирическое подтверждение [22]. Стоит учитывать наличие своеобразного дисбаланса связей темного комплекса черт и агрессии, обусловленных половой принадлежностью.

Выводы

1. Характерной особенностью черт Темной триады личности является диспозициональная агрессия, выражаемая в физической агрессии, переживании чувства гнева и враждебному отношению к другим.

2. Мужские темные черты личности характеризуются большей агрессивностью, чем женские черты.

3. Специфика, обусловленная половой принадлежностью, обнаружена для нарциссизма. Диспозициональная агрессия является характерной только для мужского нарциссизма.

4. Агрессию и ее виды можно рассматривать в составе комплекса негативных черт личности Темная триада.

Список литературы

1. Дериш Ф.В. Половые особенности взаимосвязи Темной триады личности и эмоционального интеллекта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2019. – Вып. 3. – С. 356–371. – DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-356-371

2. Егорова М.С., Ситникова М.А. Темная триада [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7, № 38. – С. 12. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n38/1071-egorova38.html> (дата обращения: 13.09.2021).

3. Егорова М.С., Паршикова О.В., Ситникова М.А. Адаптация Короткого опросника Темной триады [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 43. – С. 1. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 13.09.2021).

4. Егорова М.С., Паршикова О.В., Ситникова М.А. Половые различия по показателям Темной триады [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 39. – С. 12. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.10.2016).

5. Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. – 2007. – № 1. – С. 115–124.
6. Шестакова Е.Г., Дорфман Л.Я. Агрессивное поведение и агрессивность личности // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования. – 2009. – № 7(64). – С. 51–66.
7. An integrative typology of personality assessment for aggression: Implications for predicting counterproductive workplace behavior / M.N. Bing, S.M. Stewart, H.K. Davison et al. // Journal of Applied Psychology. – 2007. – V. 92, № 3. – P. 722–744.
8. Archer J. Sex differences in aggression in real-world settings: A meta-analytic review // Review of General Psychology. – 2004. – V. 8, № 4. – P. 291–322. – DOI: 10.1037/1089-2680.8.4.291
9. Bartlett C.P. Exploring the correlations between emerging adulthood, Dark Triad traits, and aggressive behavior // Personality and Individual Differences. – 2016. – V. 101. – P. 293–298. – DOI: 10.1016/j.paid.2016.05.061
10. Becker G. The Buss-Perry aggression questionnaire: Some unfinished business // Journal of Research in Personality. – 2007. – V. 41, № 2. – P. 434–452. – DOI: 10.1016/j.jrp.2006.05.004
11. Dinić B.M., Wertag A. Effects of Dark Triad and HEXACO traits on reactive/proactive aggression: Exploring the gender differences // Personality and Individual Differences. – 2018. – V. 123. – P. 44–49. – DOI: 10.1016/j.paid.2017.11.003
12. Dodge K.A., Coie J.D. Social-information-processing factors in reactive and proactive aggression in children's peer groups // Journal of Personality and Social Psychology. – 1987. – V. 53, № 6. – P. 1146–1158. – DOI: 10.1037/0022-3514.53.6.1146
13. Fontaine R.G. Disentangling the psychology and law of instrumental and reactive subtypes of aggression // Psychology Public Policy, and Law. – 2007. – V. 13, № 2. – P. 143–165. – DOI: 10.1037/1076-8971.13.2.143
14. Gelles R.J., Berkowitz L. Aggression: Its Causes, Consequences, and Control // Contemporary Sociology. – 1994. – V. 23, № 4. – P. 575. – DOI: 10.2307/2076412
15. Impulsive and premeditated aggression: A factor analysis of self-reported acts / E.S. Barratt, M.S. Stanford, L. Dowdy et al. // Psychiatry Research. – 1996. – V. 86. – P. 163–173.
16. Jonason P.K., Webster G.D. The dirty dozen: A concise measure of the dark triad // Psychological Assessment. – 2010. – V. 22, № 2. – P. 420–432. – DOI: 10.1037/a0019265
17. Jonason P.K., Duineveld J.J., Middleton J.P. Pathology, pseudopathology, and the Dark Triad of personality // Personality and Individual Differences. – 2015. – V. 78. – P. 43–47. – DOI: 10.1016/j.paid.2015.01.028
18. Jones D.N., Neria A.L. The Dark Triad and dispositional aggression // Personality and Individual Differences. – 2015. – V. 86. – P. 360–364. – DOI: 10.1016/j.paid.2015.06.021

19. Pailing A., Boon J., Egan V. Personality, the Dark Triad and violence // *Personality and Individual Differences*. – 2014. – V. 67. – P. 81–86. – DOI: 10.1016/j.paid.2013.11.018
20. Paulhus D.L., Williams K. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // *Journal of Research in Personality*. – 2002. – V. 36. – P. 556–563. – DOI: 10.1016/S0092-6566(02)00505-6.
21. Paulhus D.L., Curtis S.R., Jones D.N. Aggression as a trait: the Dark Tetrad alternative // *Current Opinion in Psychology*. – 2018. – V. 19. – P. 88–92. – DOI: 10.1016/j.copsyc.2017.04.007
22. The CAT: A Gender-Inclusive Measure of Controlling and Abusive Tactics / J. Hamel, D.N. Jones, D.G. Dutton, N. Graham-Kevan // *Violence and Victims*. – 2015. – V. 30, № 4. – P. 547–580. – DOI: 10.1891/0886-6708.vv-d-13-00027
23. Unpacking more “evil”: What is at the core of the dark tetrad? / A. Book, B.A. Visser, J. Blais et al. // *Personality and Individual Differences*. – 2016. – V. 90. – P. 269–272. – DOI: 10.1016/j.paid.2015.11.009

УДК 159.923.3

DOI: 10.24412/2308-717X-2021-1-13-21

Корниенко Дмитрий Сергеевич

доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии

*Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия**119571, Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1**e-mail: dscorney@mail.ru***Горбушина Елена Анатольевна**

аспирант кафедры общей и клинической психологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», Пермь, Россия**614990, Пермь, Букирева, 15, (342) 239-66-17**e-mail: lego4155@gmail.com***ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ И ХАРАКТЕРИСТИК
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ****Dmitriy S. Kornienko**Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of General
Psychology*Institute for Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
82, Prospekt Vernadskogo, 119571, Moscow, Russia**e-mail: dscorney@mail.ru***Elena A. Gorbushina**

Postgraduate Student of the Department of General and Clinical Psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»**15, Bukireva, 614990, Perm, Russia**e-mail: lego4155@gmail.com***ASSOCIATION OF PERSONALITY TRAITS AND CHARACTERISTICS
OF USING THE SOCIAL NETWORK**

Аннотация. Распространение социальных сетей и их активное использование в личных и профессиональных целях привело к исследованию проявления социальных и психологических закономерностей, аналогичных реальному общению. Социальные сети предоставляют исследователям возможности для соотнесения поведенческих характеристик, характеристик профиля и психологических (личностных) характеристик. В данной статье приводятся результаты исследования связей личностных черт Большой пятерки и частоты контактов, публикаций и их содержания в социальной сети. Выборка исследования – 201 студент. Характеристики использования социальной сети были оценены с помощью разработанной анкеты. Также респонденты заполняли Портретный опросник Большой пятерки. Обнаружено что общение с большим числом друзей из списка контактов характерно для более экстравертированных и эмоциональных людей. Частота публикаций различается для людей с более высокой экстраверсией, доброжелательностью и открытостью. Тематика публикаций не связана с выраженностью черт Большой пятерки. Однако текстовые сообщения предпочитают более доброжелательные, менее эмоциональные и менее открытые пользователи. Фотографии предпочитают люди с низкой доброжелательностью, высокой эмоциональностью и открытостью.

Ключевые слова: социальные сети, «ВКонтакте», личность, экстраверсия, нейротизм, пользователи социальной сети.

Abstract. The spread of social network sites and their active use for personal and professional purposes has led to an active study of the manifestation of social and psychological patterns similar to real-life communication. Social networks allow researchers to correlate behavioral characteristics, profile characteristics, and psychological (personality) characteristics. This article presents a study of the relationships between personality traits of the Big Five and the frequency of contacts, publications, and content of posts on social network sites. The sample consisted of 201 students. Social network usage characteristics were assessed using the developed questionnaire. Respondents also completed the Big Five Portrait Questionnaire. Communication with numerous friends from the contact list was discovered to indicate more outgoing and emotional persons. The frequency of publication differs for people with higher extraversion, agreeableness, and openness. The topics of publications are not related to the Big Five traits. However, text messages are favored by more friendly, less emotional, and less open users. Photos are preferred by people with low friendliness, high emotionality, and openness.

Key words: social networks, VKontakte, personality, extraversion, neuroticism, social network users.

Социальные сети являются неотъемлемой частью жизни большинства людей (4,2 млрд пользователей, 53,6 % населения Земли [6]) и активно используются как в профессиональной, так и в досуговой деятельности. Новый план социального взаимодействия привел к активным исследованиям психологических особенностей и поведения пользователей социальной сети.

Большинство социальных сетей предполагают создание профиля пользователя, в котором размещается персональная информация, информация, доступная для других, различные фото-, видео-, текстовые материалы. Кроме того, так как сети направлены на поддержание взаимодействия между людьми, существуют различные варианты установления социальных связей, например, формирование группы друзей, взаимные подписки, вступление в группы по интересам. При этом актуальным вопросом остается, как соотносятся данные, которые размещает пользователь, и то, насколько активно ведет себя человек в Сети с его личностными особенностями. Значительная масса исследований ориентирована на изучение психологических характеристик, которые могут быть не связаны с реальными действиями, такими как размещение фотографий, вступление в группы по интересам или контакт с другим пользователем. Вместе с тем особый интерес представляет именно то, как поведение в социальной сети связано с психологическими характеристиками.

Одним из направлений исследований поведения в социальных сетях является изучение «цифровых следов», т.е. конкретных действий в социальной сети (например, подписка на пользователя, сохранение публикации, комментариев и др.), которые сохраняются в социальной сети и могут быть специальным образом извлечены и сопоставлены с социально-демографическими и психологическими характеристиками пользователя. Отслеживание «цифровых следов» прежде всего востребовано в сфере маркетинга и рекламы для создания персонализированных предложений пользователю. Возможности и ограничения психологических исследований с использованием подобных технологий подробно обсуждались Я.А. Ледовой с коллегами [2–4]. Прикладное значение подобных исследований связано, например, с возможностью диагностики депрессивных проявлений и предложением пользователю социальной сети рекламы психологической помощи. Ярким примером подобного исследования является World Well-Being Project, в котором на основе содержания публикаций в сети «Твиттер» и «Фейсбук» были получены данные о возможностях предсказания пола пользователя, личностных черт и удовлетворенности жизнью. Еще одним исследованием, показавшим потрясающие возможности предсказания характеристик пользователя на основе «лайков» (способ выражения положительного отношения к публикации в социальной сети), является проект Mypersonality.org. Точность предсказания пола, расы, вероисповедания была от 0,82 до 0,95, личностных черт 0,4–0,5, интеллекта 0,39 и удовлетворенности жизнью – только 0,17 [2]. Проект «Стресс, здоровье и психологическое благополучие в социальных сетях: кросс-культурное исследование» на основе сравнения данных России и США показал наличие лингвистических коррелятов черт, составляющих Темную триаду. В частности, было установлено что психопатия коррелирует с использованием политических высказываний, нарциссизм – высказываний о себе, а макиавеллизм – отрицательно с положительными межличностными отношениями [3].

На сегодняшний день существует множество исследований черт Большой пятерки и различных параметров, связанных с поведением в социальных сетях.

В частности, доказано что экстраверсия и открытость опыту связаны с более активным использованием возможностей социальной сети и большим количеством записей [5], а доброжелательность проявляется в большем количестве лайков и числе друзей [7]. Добросовестность проявляется в увеличении количества личных фотографий в качестве аватара, которая упростит идентификацию [5], в аккуратности, пунктуальности предъявляемой окружающим информации и в отсутствии лишних эмоций [7], а также количестве личных сообщений, отправленных другим пользователям [8]. Изучение нейротизма показало, что увеличение активности в Сети может быть результатом как повышенной тревожности относительно восприятия индивида окружающими, так и реализации компенсаторной, более безопасной в сравнении с «живым общением», онлайн-коммуникации [5]. В других исследованиях показано, что интровертированность, застенчивость и социальная тревожность негативно отражаются на активности в сети [10]. Также индивиды, которые характеризуются большим нейротизмом, предпочитают чаще размещать собственные мысли, интересующую их информацию, фотографии и другое на своей странице, т.е. пользоваться «стеной» [9].

Таким образом, можно констатировать что социальные сети как новая социально-психологическая среда могут характеризоваться теми же закономерностями, что проявляются и в традиционном общении. Превосходство социальных сетей, в отличие от оффлайн-общения, проявляется в возможности просмотреть профиль пользователя в любой момент и составить собственное представление о его личности. Как показывает обзор исследований, такое представление может быть достаточно близко к реальности. Большинство исследований выполнено среди пользователей социальных сетей «Фейсбук» и «Твиттер», в связи с этим интерес представляет то, насколько воспроизводятся полученные факты в социальной сети «ВКонтакте». Для решения этой задачи было организовано исследование, которое носит в определенной степени репликационный характер.

Организация и методы исследования

Исследование проводилось при помощи онлайн-платформы опросов onlinetestpad.com. Участники исследования получали ссылку на страницу с опросом, после информации об исследовании и согласия на участие в нем следовала инструкция.

Выборку исследования составил 201 человек, студенты от 18 до 25 лет ($M = 22,4$; $SD = 4,23$). Все респонденты являются пользователями социальной сети «ВКонтакте».

Для оценки характеристик использования и общения в социальной сети была составлена анкета, которая включала следующие тематические вопросы: 1) количество друзей, с которыми общается пользователь; 2) частота публикаций информации на странице; 3) тематика публикаций; 4) вид публикаций (фото, текст, др.); 5) особенности фотографий; 6) тематическое содержание текстов; 7) тематика подписок на сообщества в социальной сети. Каждый вопрос содержал

набор вариантов ответов, из которых респонденту предлагалось выбрать только один, отражающий его наиболее частое или предпочитаемое поведение в Сети.

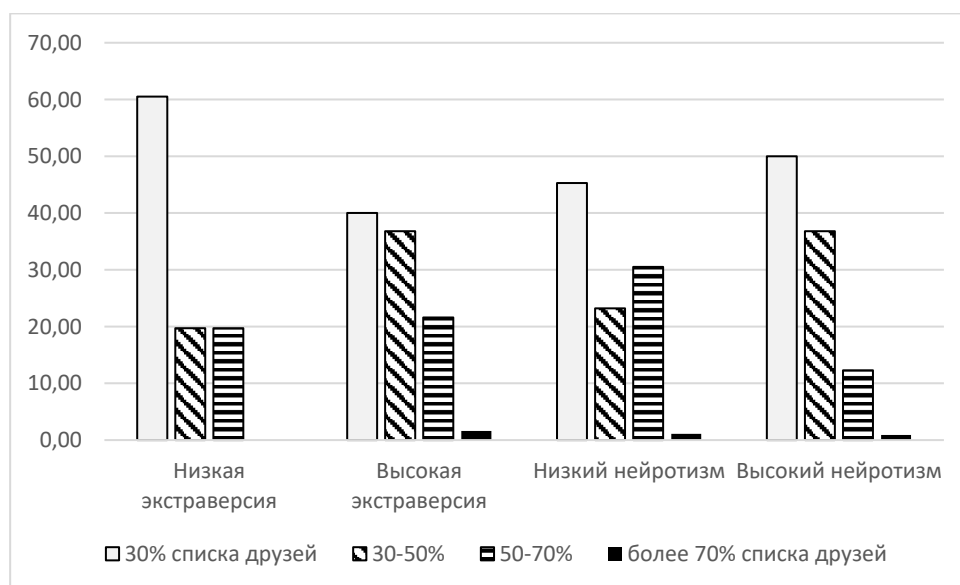
Диагностика базовых черт личности осуществлялась при помощи Портретного опросника Большой пятерки [1]. Опросник включает 10 описаний людей, сравнивая себя с которыми респонденту необходимо было указать степень сходства при помощи шкалы от 1 – совсем не похож на меня, до 6 – очень похож на меня. Методика позволяет оценить выраженность пяти черт: экстраверсии, нейротизма, открытости опыту, доброжелательности и сознательности.

Обработка данных. Респонденты были поделены на основе среднего показателя на группы с большей и меньшей выраженностью каждого личностного свойства. В связи с использованием номинальных данных был применен анализ хи-квадрат.

Результаты и их обсуждение

Частота общения в социальной сети и личностные черты

При анализе частоты общения с друзьями в социальной сети были обнаружены значимые различия между группами с высокой и низкой экстраверсией (хи-квадрат = 9,98; $p < 0,05$) и высоким и низким нейротизмом (хи-квадрат = 11,31; $p < 0,01$) (рисунок).

Частота общения с людьми из списка друзей в группах респондентов с различным уровнем экстраверсии и нейротизма

Так, высоко экстравертированные и эмоциональные люди общаются с большим количеством тех, кто находится у них в списке друзей. При этом при сравнении частоты ответов о взаимодействии с различным процентом друзей (от 30 до 70 %) также проявляется это различие. Интересно отметить, что 60 % взаимодействий у людей с низкой экстраверсией приходится на треть контактов, тогда как у людей с высокой экстраверсией 70 % приходится на половину списка контактов. Общей тенденцией является то, что по мере уменьшения количества контактов возрастает оценка их частоты, т.е. люди

независимо от уровня экстраверсии и эмоциональности склонны общаться с меньшим количеством своих друзей. Полученный результат согласуется с фактами о большем круге контактов и большей их частоте у экстравертов [8].

В отношении нейротизма обнаружено, что более 30 % контактов у людей с высокой эмоциональностью приходится на общение с широким кругом, а у людей с низкой эмоциональностью – с ограниченным кругом контактов.

Списки друзей в социальных сетях являются очень широким понятием, в которое включаются родственники, близкие друзья, коллеги по работе, знакомые и другие люди, контакт с которыми человек решает сохранить в социальной сети. В связи с этим количество друзей является скорее показателем *общей* широты контактов. Выделение большей или меньшей группы друзей, с которыми общение происходит постоянно, может являться показателем широты *постоянного* круга общения. Можно констатировать, что именно круг постоянного общения скорее ограничен 30 % от всех людей, которые находятся в списке друзей, для людей с низкой экстраверсией и эмоциональностью и 50 % для людей с высокой выраженностью данных характеристик. В данном случае результат также согласуется с установленным ранее в отношении более узкого круга друзей в социальной сети у интровертов [10].

Частота публикаций информации в социальной сети и личностные черты

При сравнении количества частоты публикаций обнаружены различия при сравнении групп с высокой и низкой экстраверсией (хи-квадрат = 17,9; $p < 0,001$), доброжелательностью (хи-квадрат = 10,65; $p < 0,05$) и открытостью (хи-квадрат = 19,63; $p < 0,001$). Несмотря на то, что есть общая тенденция к уменьшению частоты публикаций (от ежедневной к редкой), независимо от выраженности экстраверсии и доброжелательности, обнаруживаются как межгрупповые, так и внутригрупповые различия. Так, для высоко экстравертированных 30 % публикаций являются минимум ежемесячными, а для низко экстравертированных – только 15 %. В отношении различий в связи с уровнем доброжелательности обнаружено, что люди с высокой доброжелательностью делают 45 % публикаций от ежедневной до ежемесячной, тогда как у людей с низкой доброжелательностью только 24 % публикаций с аналогичной частотой. Различия между респондентами с разным уровнем открытости новому проявляются в том, что на еженедельные и ежемесячные публикации приходится 50 % публикаций у людей с высокой и 21 % с низкой открытостью. Минимальная частота публикаций характерна для 70 % с низкой и для 50 % с высокой экстраверсией, доброжелательностью и открытостью.

В целом можно утверждать, что высокое стремление к взаимодействию с другими, положительное отношение и открытость для других связаны с желанием регулярно (еженедельно или ежемесячно) делиться событиями жизни, состоянием, настроением с другими в социальной сети. Следует отметить, что высокую активность в публикациях проявляет примерно половина респондентов, независимо от личностных характеристик.

Полученные факты в отношении частоты публикаций экстравертов уже были отмечены в исследовании, а отсутствие различий в частоте публикаций при разном уровне нейротизма может косвенно свидетельствовать об U-образной кривой в связях данных показателей, что было установлено Я. Амичай-Хамбургер, Г. Винитски [5].

Тематика публикаций в социальной сети и личностные черты

При анализе основных тем, которые содержатся в публикациях, не обнаруживается различий между респондентами с различной выраженностью личностных черт. Однако при сравнении частоты публикаций различных тем выявлено, что значимо больше (хи-квадрат = 73,1; $p < 0,001$) публикаций делается относительно личных событий (49 %), а также информации от сообществ, на которые подписан человек (46 %). При этом минимальное количество приходится на публикации, связанные с друзьями. Данный факт показывает, что социальные сети действительно связаны со стремлением публиковать информацию о себе и своих интересах, тогда как информация о друзьях будет на их персональных страницах и не требует отдельной публикации. Следует отметить, что публикации, являющиеся публикациями информации сообществ, скорее всего являются копированием, дублированием информации и не являются персональными, только в отношении того, что человеку данная информация является интересной и важной.

При анализе содержания публикаций обнаружено значимое отличие между группами высоко и низко доброжелательных (хи-квадрат = 9,7; $p < 0,05$), эмоциональных (хи-квадрат = 12,53; $p < 0,05$) и открытых (хи-квадрат = 9,87; $p < 0,05$) респондентов.

Независимо от уровня выраженности личностных характеристик, половина публикаций приходится на смешанный контент, сочетающий в себе фотографии, текст, видео. Это, вероятно, объясняется тем, что возможности социальной сети устроены такими образом, что стимулируют пользователя к публикации разнородной информации, например, предлагается добавить фото к тексту или, наоборот, текстовое сообщение о публикуемом изображении. Межгрупповые сравнения показывают, что низко доброжелательные отдают предпочтение фотографиям, тогда как высоко доброжелательные – тексту. Текстовые сообщения предпочитают эмоционально сдержанные респонденты, люди открытые новому предпочитают публиковать фотографии. Однако при анализе частоты встречаемости на фотографиях различных сюжетов не выявлено значимых различий в связи с личностными чертами. Вместе с тем значимо отличается количество публикаций с разными изображениями (хи-квадрат = 151,66; $p < 0,001$), почти 60 % фотографий приходится на изображения самого пользователя, а 30 % – на фотографии с друзьями, при этом минимальное количество составляют фотографии с членами семьи. Сходная ситуация и с содержанием публикуемых текстов. Независимо от личностных характеристик большая часть публикаций связаны с событиями или историями из жизни (40 %), 33 % приходится на публикации смешанного содержания, не включающие персональную информацию или информацию о совместном проведении времени с друзьями (хи-квадрат = 43,56; $p < 0,001$).

Учитывая изложенный выше факт, что около половины публикаций приходится на информацию, которая связана с сообществами, в которых состоит человек, и то, что треть публикаций являются публикациями смешанного содержания, можно предполагать, что достаточно большая часть информации, размещаемая в профиле социальной сети, связана не с личностью пользователя или его персональными публикациями, а с информацией о группах, в которых состоит человек, что скорее свидетельствует о его интересах.

При анализе различий в предпочитаемых сообществах установлено, что предпочтение отдается группам, связанным с интересами (хи-квадрат = 370,47; $p < 0,001$), независимо от личностных характеристик. При этом более экстравертированные (хи-квадрат = 10,8; $p < 0,05$) и более открытые (хи-квадрат = 12,87; $p < 0,05$) люди отличаются большим предпочтением групп, связанных с эмоциональным состоянием и настроением (например, мотивационные цитаты, группы психологической поддержки). Возможно, именно направленность на других, на внешние стимулы является причиной такого предпочтения.

Выводы

Анализ различий в группах пользователей социальной сети, различающихся выраженностью базовых личностных черт, позволяет сделать следующие выводы.

Общение с большим количеством друзей из списка контактов характерно для более экстравертированных и эмоциональных людей. При этом регулярное общение происходит с более чем 50 % списка друзей в социальной сети у людей с более высокой экстраверсией. Люди с более высокой эмоциональностью также склонны к большим контактам, тогда как при низкой эмоциональности взаимодействие происходит с менее чем 30 % списка друзей.

Частота публикаций различается для людей с более высокой экстраверсией, доброжелательностью и открытостью. Однако даже при высокой выраженности данных черт частота публикаций варьирует от ежедневной до ежемесячной. Вместе с тем, независимо от выраженности экстраверсии, доброжелательности и открытости, частота редких (реже раза в месяц) составляет половину от всех публикаций пользователя. Все это не позволяет сделать однозначный вывод о том, что высокая экстраверсия, доброжелательность и открытость новому могут способствовать большему числу публикаций.

Тематика публикаций (личная или другая информация) одинакова для людей с различной выраженностью черт Большой пятерки. Общей тенденцией является размещение личной информации, которая составляет почти половину от всех публикаций пользователя, что объясняется функциональным назначением личной страницы в социальной сети. Вторая половина публикаций приходится на информацию сообществ, на которые подписан пользователь, что также отражает его интересы и склонности.

Различия в предпочтениях содержания постов проявились в том, что текстовые сообщения предпочитают более доброжелательные, менее эмоциональные и менее открытые пользователи. Предпочтения фотографиям отдают люди с низкой доброжелательностью, высокой эмоциональностью и открытостью. Независимо от личностных черт почти половина фотографий являются фотографиями самого пользователя или текстами о событиях собственной жизни.

Предпочтения в тематических группах, сообществах, в которых состоит пользователь или на которые он подписан, проявилось в предпочтении более экстравертированными пользователями групп, связанных с эмоциональным состоянием и настроением.

Несмотря на установленные факты, необходимо отметить ограничение исследования, которое состоит в том, что респонденты сами оценивали частоту

контактов, публикаций и преобладающие тематическое содержание публикаций в социальной сети, что может отличаться от анализа реальных «цифровых следов».

Список литературы

1. Егорова М.С., Паршикова О.В. Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (Б5-10) [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2016. – Т. 9, № 45. – С. 9. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 04.06.2021).
2. Ледовая Я.А. Социальные сети и их возможности для сбора поведенческих и психологических данных: «за» и «против», этические вопросы и примеры исследований // Психологические исследования. – М., 2018. – С. 151–166.
3. Ледовая Я.А., Тихонов Р.В., Боголюбова О.Н. Социальные сети как новая среда для междисциплинарных исследований поведения человека // Вестник СПбГУ. Сер. 16. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 7, № 3. – С. 193–210.
4. Организационно-методические вопросы сбора данных в онлайн-исследовании поведения пользователей социальной сети «Фейсбук» из России и США / Я.А. Ледовая, Р.В. Тихонов, В.Ю. Иванов и др. // Вестник СПбГУ. Сер. 16. «Психология. Педагогика». – 2017. – Т. 7, № 4. – С. 308–327.
5. Amichai-Hamburger Y., Vinitzky G. Social Network Use and Personality // Computers in Human Behavior. – 2010. – № 26 (6). – P. 1289–1295. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2010.03.018>
6. Digital 2021: Global overview report [Электронный ресурс]. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (дата обращения: 14.06.2021).
7. Gosling S., Vazire S. E-Perceptions: Personality impressions based on personal websites // Journal of personality and social psychology. – 2004. – 87 (1). – P. 123–132.
8. Muscanell Nicole L. Guadagno Rosanna E. Make New Friends or Keep the Old: Gender and Personality Differences in Social Networking Use // Computers in Human Behavior. – 2012. – 28 (1). – P. 107–112. – DOI: 10.1016/j.chb.2011.08.016
9. Personality and motivations associated with Facebook use / C. Ross, E.S. Orr, M. Sisic et al. // Computers in Human Behavior. – 2009. – Vol. 25. – P. 578–586.
10. Posting Photos on Facebook: The Impact of Narcissism, Social Anxiety, Loneliness, and Shyness / Graham G. Scott, E. Boyle, K. Czerniawska, A. Courtney // Personality and Individual Differences. – 2018. – 133. – P. 67–72. – DOI: 10.1016/j.paid.2016.12.039

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00775.

УДК 159.9

DOI: 10.24412/2308-717X-2021-1-22-30

Краснов Алексей Витальевич

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической
психологии

e-mail: aleks-krasnov@yandex.ru

Жикина Лиана Ростиславовна

студентка II курса магистратуры направления подготовки «Психология»

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», Россия, Пермь
614990, Пермь, Букирева, 15, (342) 239-66-17*

**ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ ВОЛОНТЕРОВ В СВЯЗИ
С ПРЕДПОЧИТАЕМЫМ НАПРАВЛЕНИЕМ МЕРОПРИЯТИЙ****Alexey V. Krasnov**

Ph. D., Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology

e-mail: aleks-krasnov@yandex.ru

Liana R. Zhikina

Student of the Second Year of the Master's Degree in the field of Psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia*

**FEATURES OF THE VALUE SPHERE OF VOLUNTEERS
IN CONNECTION WITH THE PREFERRED DIRECTION OF EVENTS**

Аннотация. Исследование посвящено изучению ценностной сферы волонтеров в связи с предпочитаемым волонтерами направлением мероприятий: событийного, социального и смешанного. Выборку составили 210 человек в возрасте от 16 до 25 лет. Для изучения ценностной сферы был использован Ценностный опросник Ш. Шварца. Различия в ценностях между тремя группами волонтеров, предпочитающих различное направление мероприятий, изучались с помощью однофакторного дисперсионного анализа. Результаты исследования показывают, что волонтеры, предпочитающие социальное направление мероприятий, стараются самостоятельно принимать различные решения, следовать традициям и нормам общества

и приспосабливаться в своей жизни; волонтеры, предпочитающие событийное направление мероприятий, стремятся управлять другими людьми, чтобы достичь хороших результатов в своей деятельности, и способны к чувственному удовольствию; волонтеры, предпочитающие и социальное и событийное направления мероприятий, стараются разнообразно устраивать свою жизнь, терпимо и благожелательно относиться к близким и окружающим.

Ключевые слова: волонтеры, ценности, событийное направление мероприятий, социальное направление мероприятий.

Abstract. Research is devoted to the study of the value sphere of volunteers in connection with the preferred direction of events by volunteers: event-based social and mixed. The sample consisted of 210 people aged 16 to 25 years. The Schwartz Value Questionnaire was used to study the value sphere. The differences in values between the three groups of volunteers were studied using a one-way analysis of variance. The research results show that volunteers who prefer the social direction of events try to make various decisions independently, follow the traditions and norms of society and adapt in their lives; volunteers who prefer the event direction of events seek to manage other people in order to achieve good results in their activities and are capable of sensual pleasure; volunteers who prefer both social and event-oriented directions of events try to arrange their lives in a variety of ways, to treat their relatives and others with tolerance and benevolence.

Key words: volunteers, values, event direction of events, social direction of events.

Введение

Согласно статистике фонда «Общественное мнение» по итогам 2018 года [5], число людей, вовлеченных в волонтерскую деятельность, удвоилось и составило более 14 млн человек, что говорит о возрастании популярности волонтерства в России. Волонтерство помогает выявить и развить новые потребности, ценности и смыслы личности [5].

Цель работы заключается в выявлении особенностей ценностной сферы волонтеров в связи с предпочитаемым волонтерами направлением мероприятий. В данном направлении проводятся исследования Ю.С. Черкасовой, О.В. Бубновской, И.Н. Макаровой, А.В. Шашковой, А.С. Игнатьевой и др., но в них не изучается специфика направления мероприятий, в которых принимают участие волонтеры.

Волонтерская деятельность может принимать различные формы – от всевозможной помощи до известной лишь небольшому количеству людей, которые стремятся предотвращать инциденты и искоренять нищету [2].

Согласно П. Джордан и М. Олчман [6], волонтерская деятельность – это неоплачиваемая сознательная добровольная деятельность на благо других.

На данный момент основными направлениями волонтерской деятельности являются [10]:

- 1) социальное волонтерство;
- 2) событийное волонтерство.

Социальное волонтерство является самым известным из всех направлений волонтерской деятельности. Оно заключается в помощи прежде всего незащищенным слоям населения, которые нуждаются во внимании и (или) в постоянном уходе (помощь детям-сиротам, многодетным семьям, инвалидам, пожилым одиноким людям, бездомным, бывшим заключенным, беженцам и др.). Чаще всего, когда человек планирует попробовать себя в качестве волонтера, он участвует в социальном волонтерстве [1].

Событийное волонтерство подразумевает добровольную и осознанную деятельность, направленную на помощь в организации и проведении крупных значимых событий местного, регионального, федерального и международного уровней (фестивали, форумы, городские мероприятия, концерты и т.д.) [4].

В исследовании ценностно-смысловой сферы, проведенном Г.М. Романовой и др. [8], сравнительный анализ смысловых предпочтений лиц, занимающихся волонтерской деятельностью, и лиц, не занимающихся волонтерской деятельностью, показал различия в их векторах. У лиц, занимающихся волонтерской деятельностью, было отмечено, что для них смыслы жизни указывают на ценность их самостоятельного личностного развития, также они стремятся быть счастливыми с помощью собственных усилий и активностей.

У лиц, не занимающихся волонтерской деятельностью, было выявлено, что они не способны к самодетерминации и определяют смыслы через обязательное наличие значимых других в своей жизни.

К.И. Харламова [12] пришла к выводу, что лица, занимающиеся волонтерской деятельностью, в большей степени привержены к созданию семьи, наличию друзей и общественному призванию, т.е. они любят общаться с людьми и дорожат их вниманием.

Исследователи Ю.С. Черкасова и О.В. Бубновская [13] в результате анализа характеристик ценностных и смысловых ориентаций лиц, занимающихся волонтерской деятельностью, выявили, что:

1) волонтеры имеют такую характеристику, как целеустремленность, т.е. они ставят перед собой реальную цель, исходя из адекватного уровня требований. Достижение цели помогает им двигаться вперед и полностью ощущать жизнь. Процесс жизни для них достаточно интересен, эмоционален, насыщен и наполнен смыслом;

2) волонтеры достаточно удовлетворены своей жизнью и своими успехами, ориентированы в большей степени на настоящее, представляют себя как сильную личность, обладая достаточной свободой выбора для построения своей жизни в соответствии со своими целями и представлениями о смысле;

3) волонтеры на первое место ставят такую ценность, как свобода. Автор объясняет это тем, что волонтер ценит возможность самовыражения и выбора, именно поэтому он и хочет помочь другому;

4) в большей степени волонтеры ценят такое качество, как честность в себе и в других;

5) волонтеры с помощью волонтерской деятельности, вероятнее всего, приобретают уверенность в своих силах, смелость в отстаивании своей точки зрения и находят подтверждение своей нужности;

6) у волонтеров отмечается активность в решении социальных проблем и помощи обществу и безучастность по отношению к политической жизни страны.

А.С. Игнатьева [3], проводя экспериментальное исследование ценностно-смысловых детерминант готовности к волонтерской деятельности, отмечает, что одними из главных мотивов для участия в волонтерской деятельности являются: желание быть социально полезным, способствовать изменениям в обществе, самореализация, возможность достаточно интересно проводить досуг.

Автор выделяет несколько главных качеств, которые присущи волонтерам: доброта, коммуникабельность, толерантность, человеколюбие.

Также она выявила, что лица, которые занимаются волонтерской деятельностью, в большей степени считают себя активными субъектами собственной деятельности.

По ее мнению, все вышесказанное доказывает, что у лиц, занимающихся волонтерской деятельностью, более высокий уровень осмысленности жизни и интернальности, что, соответственно, показывает высокий уровень развития ценностно-смысловой сферы личности.

Исследователи В.В. Семикин и др. [9] рассматривали ценностно-смысловой компонент волонтерской деятельности и пришли к следующим выводам:

1) ценностно-смысловой компонент волонтерской деятельности включает в себя осознанные цели, способность к выбору задач и получению высоких результатов;

2) волонтеры в возрасте выше 24 лет способны быть хозяевами своей жизни, сознательно контролировать события, происходящие в их жизни;

3) наиболее важными ценностями волонтерской деятельности являются ценности активной деятельной жизни, здоровья, познания и развития;

4) наименее важной ценностью волонтерской деятельности является свобода.

К.А. Палкин [7] в результате изучения ценностных детерминант готовности человека к волонтерской деятельности выявил значимые различия в структуре человеческих ценностей лиц, занимающихся волонтерской деятельностью, и лиц, не занимающихся волонтерской деятельностью. Это проявилось в различии терминальных ценностей в определенных жизненных сферах:

1) наиболее важными терминальными ценностями лиц, не занимающихся волонтерской деятельностью, являются достижения в сфере профессиональной жизни, духовное удовлетворение в сфере обучения и образования, высокое материальное положение в сфере семейной жизни;

2) наиболее важными терминальными ценностями лиц, занимающихся волонтерской деятельностью, являются активные социальные контакты в сфере

увлечения и сохранение собственной индивидуальности в сфере семейной жизни.

При проверке наличия взаимосвязи между восемью терминальными ценностями и стажем волонтерской деятельности К.А. Палкин выявил небольшое расхождение между ценностями волонтеров, которые начали заниматься волонтерской деятельностью недавно, и волонтеров, которые имеют значительный стаж в волонтерской деятельности. Максимальные расхождения между ними были выявлены в отношении ценности активных социальных контактов в сфере общественной жизни. Обобщив полученные данные, автор считает, что для волонтеров, которые начали заниматься волонтерской деятельностью недавно, приоритетом является стремление к установлению благоприятных взаимоотношений с другими людьми. Для волонтеров, имеющих значительный стаж волонтерской деятельности, приоритетом является стремление к получению морального удовлетворения в сфере за пределами профессиональной деятельности, сохранение своих взглядов, убеждений, своего стиля жизни и стремление не поддаваться влиянию массовых тенденций.

Таким образом, исследования ценностно-смысловой сферы волонтерской деятельности показывает, что волонтерская деятельность положительно влияет на ценностно-смысловую сферу: формируется духовно здоровая личность в современном обществе. В основном она подразумевает такие ценности, как свобода и самостоятельность личностного развития. Волонтеры имеют достаточно высокий уровень осмысленности жизни и интернальности, их смыслом является стремление быть счастливыми с помощью собственных усилий и активностей, а также одна из главных целей для них – делать людей счастливее. Однако в исследованиях различных авторов не были рассмотрены особенности ценностной сферы волонтеров в связи с предпочитаемым направлением мероприятий. Сложность данной проблемы заключается в том, что большая часть волонтеров принимают участие только в событийных мероприятиях или в таких мероприятиях, которые включают и событийные и социальные.

В результате исследования планируется изучить особенности ценностной сферы волонтеров в связи с предпочитаемым направлением мероприятий.

Организация и методы исследования

Участники исследования

В исследовании приняли участие 210 человек в возрасте от 16 до 25 лет ($M = 21,2$; $SD = 1,33$), 40 % – мужчины, 60 % – женщины; 162 респондента – студенты, 28 респондентов – школьники, 20 человек – работающее население. Минимальный стаж участия в волонтерской деятельности – 1 год. Минимальное участие в волонтерской деятельности – посещение одного мероприятия в месяц. Выборка состояла из трех групп:

- 1) волонтеры, предпочитающие событийное направление мероприятий (70 человек);
- 2) волонтеры, предпочитающие социальное направление мероприятий (70 человек);

3) волонтеры, предпочитающие смешанное направление мероприятий: посещающие событийные и социальные (70 человек).

Эмпирическое исследование проводилось с февраля по апрель 2021 года. Испытуемыми были лица, которые добровольно, без чужого вмешательства, проходили исследование онлайн с помощью сервиса Onlinetestpad в индивидуальном порядке.

В исследовании проверялась следующая гипотеза: волонтеры в связи с предпочитаемым направлением мероприятий имеют различия в индивидуальных и социальных ценностях (гипотеза опиралась на данные исследований Г.М. Романовой и др. [8], Ю.С. Черкасовой и О.В. Бубновской [13]).

Методики и методики

Для изучения социальных и индивидуальных ценностей был использован Ценностный опросник (ЦО) Ш. Шварца [11].

Для выявления различий в ценностях между волонтерами, предпочитающими разный тип мероприятий, был использован однофакторный дисперсионный анализ. Для того чтобы оценить соотношение межгрупповой и внутригрупповой изменчивости (оценка эффекта), применялся F -критерий Фишера. Для более полного понимания различий между группами далее использовался анализ post hoc.

Для обработки данных использовалось программное обеспечение MS Excel и IBM SPSS Statistics 23.

Результаты

Для проверки гипотезы о том, что у волонтеров в связи с предпочитаемым направлением мероприятий имеются различия в индивидуальных и социальных ценностях, использовался однофакторный дисперсионный анализ в группах волонтеров, предпочитающих различное направление мероприятий. В качестве зависимых показателей выступали шкалы ценностного опросника Ш. Шварца. По результатам проведения однофакторного дисперсионного анализа показано, что три группы различаются между собой по показателям:

- индивидуальных ценностей: власть ($F = 22,08$; $p < 0,001$); достижение ($F = 7,28$; $p < 0,01$); гедонизм ($F = 27,15$; $p < 0,001$); стимуляция ($F = 8,06$; $p < 0,001$); самостоятельность ($F = 3,28$; $p < 0,05$);

- социальных ценностей: доброта ($F = 3,54$; $p < 0,05$); традиции ($F = 23,29$; $p < 0,001$); конформность ($F = 24,33$; $p < 0,001$);

- а также ценностей, которые выражают как индивидуальные, так и социальные ценности: универсализм ($F = 39,83$; $p < 0,001$); безопасность ($F = 62,20$; $p < 0,001$).

В качестве post hoc анализа для попарного сравнения групп был использован критерий Тьюки.

В индивидуальных ценностях было выявлено следующее. Ценности «власть» ($p < 0,001$; $p < 0,001$), «достижение» ($p < 0,001$; $p < 0,05$), «гедонизм» ($p < 0,05$; $p < 0,001$) в большей степени выражены в группе волонтеров, предпочитающих событийное направление мероприятий, по сравнению с группами, предпочитающими социальное и смешанное направление

мероприятий; группы, предпочитающие социальное и смешанное направление, не различаются между собой по данным показателям. Ценность «самостоятельность» ($p < 0,05$) в большей степени выражена у волонтеров, предпочитающих социальное направление мероприятий, в отличие от волонтеров, предпочитающих смешанное направления мероприятий. Ценность «стимуляция» ($p < 0,05$; $p < 0,001$) в большей степени выражена у волонтеров, предпочитающих смешанное направления мероприятий, по сравнению с группами, предпочитающими социальное и событийное направление мероприятий.

В социальных ценностях было выявлено следующее. Ценность «традиции» ($p < 0,001$; $p < 0,001$) в большей степени выражена у волонтеров, предпочитающих социальное направление мероприятий, в сравнении с группами волонтеров, которые предпочитают событийное и смешанное направления мероприятий. Последние две группы не различаются по данному показателю. Ценность «конформность» ($p < 0,001$; $p < 0,001$) в большей степени выражена у волонтеров, предпочитающих смешанное направление мероприятий, в сравнении с группами, предпочитающими социальное и событийное направления мероприятий. Последние две группы не различаются по данному показателю.

В ценностях, которые выражают как индивидуальные, так и социальные ценности, было выявлено следующее. Ценность «универсализм» ($p < 0,001$; $p < 0,001$) в большей степени выражена у волонтеров, предпочитающих смешанное направление мероприятий, по сравнению с группами, предпочитающими социальное и событийное направления мероприятий. Последние две группы не различаются по данному показателю. Ценность «безопасность» ($p < 0,001$; $p < 0,001$) в большей степени выражена у волонтеров, предпочитающих социальное направление мероприятий, по сравнению с группами, предпочитающими событийное и смешанное направления мероприятий. Последние две группы не различаются по данному показателю.

По остальным индивидуальным и социальным ценностям различий не было выявлено.

Таким образом, было показано, что волонтеры, предпочитающие социальное направление мероприятий, стараются самостоятельно принимать различные решения, следовать традициям и нормам общества и приспосабливаться в своей жизни. Это подтверждается в исследованиях Г.М. Романовой и др. [8], они говорят о том, что данная группа умеет сохранять оптимальное функционирование психики, чтят знания, которые передаются из поколения в поколение, и способны брать на себя ответственность за свои слова и действия.

Причины таких результатов могут быть связаны с тем, что данная группа оказывает помощь нуждающимся, не ожидая ничего взамен, что говорит об альтруистических взглядах и самостоятельном выборе в их пользу. Следует отметить, что при общении со старшим поколением на мероприятиях волонтеры могут перенимать их традиции и использовать в своей жизни. Также при работе с нуждающимися волонтерам важно проявлять терпение

и понимание, тем самым развивая в себе умение подстраиваться и сдерживать отрицательные эмоции по отношению к другим людям.

Волонтеры, предпочитающие событийное направление мероприятий, стремятся управлять другими людьми, чтобы достичь хороших результатов в своей деятельности и способны к чувственному удовольствию. В исследованиях Г.М. Романовой, Ю.С. Черкасовой и др. были схожие результаты: данная группа стремится к лидерству и получению удовольствия в жизни [8, 13].

Причины таких результатов могут быть связаны с тем, что данная группа на различных городских мероприятиях в большей степени направляет людей и помогает им разобраться в интересующих их вопросах (например, следит за рассадкой зрителей, не пускает в определенные зоны и т.д.), тем самым осуществляя контроль за ситуацией. Помимо этого, на таких мероприятиях волонтеры могут бесплатно насладиться различными выступлениями, шоу и т.д., что позволяет им увидеть жизнь в разных ее направлениях.

Волонтеры, предпочитающие и социальное и событийное направления мероприятий, стараются разнообразно устраивать свою жизнь, терпимо и благожелательно относиться к близким и окружающим. Исследования данной группы отсутствуют.

Причины таких результатов могут быть связаны с тем, что данная группа принимает участие в разных направлениях волонтерского движения, что способствует расширению кругозора и получаемого опыта и оказывает помощь нуждающимся, тем самым проявляя нежность и заботу по отношению к ним.

Выводы

Таким образом, в исследовании было показано, что волонтеры, предпочитающие разный тип мероприятий, обладают разными ценностными ориентациями:

1. Волонтеры, предпочитающие социальное направление мероприятий, стараются самостоятельно принимать различные решения, следовать традициям и нормам общества и приспосабливаться в своей жизни.
2. Волонтеры, предпочитающие событийное направление мероприятий, стремятся управлять другими людьми, чтобы достичь хороших результатов в своей деятельности и способны к чувственному удовольствию.
3. Волонтеры, предпочитающие и социальное и событийное направления мероприятий, стараются разнообразно устраивать свою жизнь, терпимо и благожелательно относиться к близким и окружающим.

Ограничения

Ограничением данного исследования является корреляционный дизайн. Он не позволяет выявить время и причину формирования ценностных ориентаций: не ясно, ценности ли способствуют предпочтению определенного типа мероприятий волонтерской деятельности или деятельность способствует формированию данных ценностей.

Список литературы

1. Белановский Ю.С., Ширшова И.В. Мир социального волонтерства / ГБУ г. Москвы «Мосволонтер». – М., 2018. – 96 с.
2. Биякова Е.А., Демидович Е.А. К вопросу возникновения волонтерства // Вестник науки и образования. – 2019. – № 15. – С. 73–74.

3. Игнатьева А.С. Ценностно-смысловые детерминанты готовности к волонтерской деятельности студентов Кемеровского государственного университета // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 1–6.
4. Козель В.Н. Событийное волонтерство как технология вовлечения горожан в системную волонтерскую деятельность / ГБУ г. Москвы «Мосволонтер». – М., 2018. – 98 с.
5. Мерсиянова И.В. Вовлеченность россиян в добровольчество // Информационно-аналитический бюллетень Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. – 2019. – № 4 (дек.). – С. 1–6.
6. Олчман М., Джордан П. Добровольцы – ценный источник. – М.: Олма-Пресс, 2000. – 336 с.
7. Палкин К.А. Ценностные детерминанты готовности человека к волонтерской деятельности // Психологическая наука и образование. – 2019. – Т. 24, № 3. – С. 52–62.
8. Романова Г.М., Макарова И.Н., Шашков А.В. Динамика развития ценностно-смысловой сферы волонтеров как показателя эффективности деятельности добровольческих организаций // Известия Сочинского государственного университета. – 2015. – № 2 (35). – С. 1–8.
9. Семикин В.В., Игнатенко М.С., Белогубец Т.А. Результаты эмпирического исследования волонтерской деятельности // Письма в Эмиссия. Оффлайн: электрон. науч. журн. – 2013. – № 11. – С. 2098–2098.
10. Ульянова Е.В. Специфика волонтерской деятельности российских некоммерческих организаций / Орловский гос. ин-т культуры. – Орел, 2017. – С. 348–351.
11. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т.П. Бутенко, Д.С. Седова, А.С. Липатов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9, № 1. – С. 43–70.
12. Харламова К.И. Смыслжизненные и ценностные ориентации спортивных волонтеров / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2017. – 53 с.
13. Черкасова Ю.С., Бубновская О.В. Характеристика ценностных и смыслжизненных ориентаций участников волонтерского движения (на примере центра волонтеров ВГУЭС) [Электронный ресурс] // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 5, ч. 2. – URL: <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=13287> (дата обращения: 21.04.2020).

УДК 159.923

DOI: 10.24412/2308-717X-2021-1-31-39

Краснов Алексей Витальевичкандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической
психологии*e-mail: aleks-krasnov@yandex.ru***Мордвинова Светлана Алексеевна**студентка VI курса по направлению подготовки специалистов «Клиническая
психология» философско-социологического факультета*e-mail: sveta.mordvinova98@mail.ru**ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», Россия, Пермь
614990, Пермь, Букирева, 15, (342)239-66-17***ВОСПРИЯТИЕ НОСИТЕЛЕЙ ТЕМНОЙ ТРИАДЫ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ****Alexey V. Krasnov**

Ph. D., Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology

*e-mail: aleks-krasnov@yandex.ru***Svetlana A. Mordvinova**

Sixth Year Student of Psychology, Philosophy and Sociology Faculty

*e-mail: sveta.mordvinova98@mail.ru**Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia***THE PERCEPTION OF DARK TRIAD CARRIERS IN THE CONTEXT
OF SOCIAL INTERACTION**

Аннотация. Темная триада как симптомокомплекс трех черт, макиавеллизма, нарциссизма и психопатии, является одной из наиболее исследуемых проблем в последнее десятилетие. В данной статье рассматривается роль черт Темной триады в оценке образа другого человека. Целью исследования стало выявление специфики восприятия носителей макиавеллизма, нарциссизма и психопатии. Выборку составили 50 человек в возрасте от 18 до 27 лет. В рамках экспериментальной части респондентов просили поучаствовать в игре, направленной на создание ситуации сотрудничества. Затем респондентам предлагалось оценить образ другого

участника по когнитивному, эмоциональному и поведенческому компонентам, а также по степени выраженности черт Темной триады и Большой пятерки. Результаты исследования показывают, что образ человека с выраженным нарциссизмом и Темной триадой оценивался в целом благосклонно, в то время как макиавеллизм оказался не связан с оценкой образа. Носители выраженных нарциссизма и психопатии оценивали образ других в целом негативно.

Ключевые слова: Темная триада, макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, восприятие, образ.

Abstract. The dark triad, as a constellation of the three traits of Machiavellianism, Narcissism, and Psychopathy, is one of the most studied problems in the recent decade. This article examines the role of the Dark triad traits in evaluating the image of another person. The aim of the study was to identify the specifics of the perception of carriers of Machiavellianism, narcissism and psychopathy. The sample consisted of 50 people aged 18 to 27 years. In the experimental part, respondents were asked to participate in a game aimed at creating a situation of cooperation. Then the respondents were asked to evaluate the image of the other participant by cognitive, emotional, and behavioral components and by the degree of expression of the Dark triad and Big five traits. The results of the study show that the image of a person with pronounced narcissism and a Dark triad was generally evaluated favorably, while Machiavellianism did not affect the assessment of the image. The media pronounced narcissism, and psychopathy was assessed negatively the image of the other.

Key words: Dark triad, Machiavellianism, narcissism, psychopathy, perception, image.

Темная триада является симптомокомплексом негативно оцениваемых социумом субклинических черт личности: макиавеллизма, нарциссизма и психопатии [2, 4, 5]. Это понятие вошло в число психологических терминов в 2002 г. [2, 4] и стало одним из наиболее перспективных и актуальных направлений исследования «темных» сторон личности.

Каждая составляющая Темной триады имеет свою историю исследования в психологической науке, собственное внутреннее содержание и представляет собой самостоятельный конструкт, не сводимый к двум другим. Стоит отметить, что взаимосвязанные составляющие данного симптомокомплекса имеют ряд сходств: социальная нежелательность, концептуальное сходство (например, направленность на злонамеренность поступков, эгоцентризм), корреляции (например, с низкой конформностью), поведение (например, манипулирование) и направленность личности (например, на достижение власти, престижа и статуса) [7].

Большое количество исследований Темной триады позволило определить, что «негативные» черты личности оказывают влияние на формирование Я-концепции, динамику межличностных отношений и карьерную успешность, но вместе с тем каждая составляющая этого симптомокомплекса вносит свою специфику в асоциальное поведение [2, 7].

Отдельным направлением исследования является изучение того, как воспринимаются носители различной выраженности черт Темной триады. Обсуждению данного вопроса посвящен ряд исследований, где установлено, что высокий нарциссизм воспринимается более позитивно, чем две другие черты [7].

Данное исследование продолжает серию работ, связанных с изучением восприятия носителей Темной триады. В нашем предыдущем исследовании было обнаружено, что оценка образа с низкой выраженностью Темной триады оказывается выше вне зависимости от пола респондентов, т.е. оценки «плохого» человека всегда будут ниже, чем «хорошего». Кроме того, различные личностные черты респондентов связаны с оценкой как положительного, так и отрицательного образов. Низкая выраженность нарциссизма и психопатии, а также высокая выраженность доброжелательности и сознательности у респондентов повышает оценку положительного образа. Также нарциссизм респондентов усиливает оценку отрицательного и снижает оценку положительного образов [4].

Исходя из обозначенного выше основными гипотезами данного исследования являются следующие предположения.

1. Человек с выраженной Темной триадой, макиавеллизмом и психопатией будет оцениваться респондентами скорее негативно. Однако можно ожидать, что носитель нарциссизма будет воспринят позитивно.

2. Реальные и воспринимаемые черты респондентов будут по-разному связаны с оценкой образов.

3. Респонденты с выраженными чертами Темной триады будут оценивать образ других людей негативно вне зависимости от личностных черт воспринимаемых участников исследования.

Организация и методы исследования

Участники исследования

В исследовании приняли участие 50 человек в возрасте от 18 до 27 лет ($M = 21,78$; $SD = 2,57$), 48 % мужчины.

Организация эксперимента

Участники приглашались к исследованию с помощью социальной сети «ВКонтакте», исследование было полностью добровольным. Участникам после предварительной инструкции предъявлялся ряд личностных опросников и бланк игры «Потерпевшие кораблекрушение». Далее участники были разделены на однополые пары методом рандомизации. В каждой паре участникам предлагалось совместно выполнить задание игры. Затем участники индивидуально оценивали свое отношение к образу партнера по игре и заполняли личностные опросники, давая оценку чертам личности воспринимаемого человека.

Стимульный материал и методики

1. Участники заполняли адаптированную версию краткого опросника Темной триады (Short Dark Triad), состоящую из 27 пунктов, с которыми респондент выражает согласие при помощи шкалы от 1 («совершенно не

согласен») до 5 («совершенно согласен»). Опросник позволяет диагностировать три черты: макиавеллизм, нарциссизм и психопатию [3].

2. «Шкала отношения к образу» [1, 4] включает в себя 15 утверждений, которые оцениваются по шкале от 1 («совершенно не согласен») до 7 («совершенно согласен»). Шкала позволяет получить когнитивную, эмоциональную и поведенческую оценки образа, а также кумулятивную оценку на основе среднего от трех оценок.

3. Игра «Потерпевшие кораблекрушение» была выбрана по нескольким причинам: легкость проведения, создание ситуации сотрудничества, стимуляция социального взаимодействия (обсуждения) [7]. Целью данной игры является изучение процессов выработки и принятия группового решения в ходе общения и дискуссии [6].

Обработка данных осуществлялась на основе *W*-критерия Уилкоксона для связанных выборок, а также корреляционного анализа по Ч. Спирмену для выявления взаимосвязей исследуемых показателей.

Результаты

Для выявления различий между реальными и воспринимаемыми чертами личности было проведено сравнение при помощи *W*-критерия Уилкоксона для связанных выборок. Обнаружено, что в процессе взаимодействия участники воспринимались друг другом как менее нарциссичные (2,150; $p < 0,05$), менее сознательные (2,775; $p < 0,01$) и менее эмоционально устойчивые (-4,669; $p < 0,001$). Средние и стандартные отклонения приведены в табл. 1.

Таблица 1

Средние и стандартные отклонения шкал для оценки реальных и воспринимаемых черт личности

Шкала	Реальные черты		Воспринимаемые черты	
	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.
Макиавеллизм	28,88	5,40	28,08	5,71
Нарциссизм	25,50	4,93	29,36	6,07
Психопатия	21,54	4,93	23,14	6,65
Темная триада	25,32	3,73	26,88	4,78
Экстраверсия	8,42	2,52	8,62	2,17
Доброжелательность	9,06	1,85	8,04	1,94
Сознательность	7,40	2,16	7,96	1,88
Невротизм	6,84	2,11	5,88	2,04
Открытость опыту	8,76	2,09	8,58	2,11

Примечание. Полужирным шрифтом отмечены шкалы, по которым были найдены различия.

При рассмотрении корреляционных связей реальных и воспринимаемых черт личности в группе, оценивавшей носителей симптомокомплекса «Темная триада», был использован корреляционный анализ по Ч. Спирмену. Полученные корреляции представлены в табл. 2.

Макиавеллизм отрицательно связан с воспринимаемым макиавеллизмом, при этом связей макиавеллизма с другими воспринимаемыми чертами не

обнаружено. Нарциссизм имеет прямые взаимосвязи с такими воспринимаемыми чертами, как нарциссизм, экстраверсия и открытость опыту.

Психопатия положительно связана с воспринимаемой открытостью опыту. Темная триада как симптомокомплекс обнаруживает положительные взаимосвязи с воспринимаемыми нарциссизмом, сознательностью и открытостью опыту.

Таблица 2

Корреляционные взаимосвязи реальных и воспринимаемых личностных черт

Воспринимаемые черты личности	Реальные черты Темной триады			
	Макиавеллизм	Нарциссизм	Психопатия	Темная триада
Макиавеллизм	-,337*			
Нарциссизм		,301*		,315*
Экстраверсия		,410**		
Сознательность				,297*
Открытость опыту		,498***	,421**	,438**

Примечание. * – корреляция значима на уровне $p < 0,05$; ** – корреляция значима на уровне $p < 0,01$; *** – корреляция значима на уровне $p < 0,001$.

При рассмотрении взаимосвязей реальных и воспринимаемых личностных черт с компонентами оценки образа был использован корреляционный анализ по Ч. Спирмену. Полученные корреляции представлены в табл. 3.

Таблица 3

Корреляционные взаимосвязи реальных и воспринимаемых черт личности с компонентами оценки образа носителя этих черт

Черты личности	Показатели оценки образа						
	Оценка образа носителя черт Темной триады различной выраженности				Оценка образа, предоставленная носителем черт Темной триады различной выраженности		
	К	Э	П	О	К	П	О
Нарциссизм	,448***	,415***	,440**	,474**	-,296*	-,323*	-,298*
Психопатия	,308**	,428**	,302*	,423**	-,382**	-,457**	-,381**
Темная триада	,453**	,370**	,429***	,480***			
Доброжелательность						,308*	
Сознательность	-,308*	-,418**	-,361*	-,381**			
Воспринимаемый нарциссизм	,378**	,426**	,328*	,425**			
Воспринимаемая психопатия		-,281*		-,326*			
Воспринимаемая экстраверсия			308*				
Воспринимаемая доброжелательность	309**	382**	518***	454**			
Воспринимаемая сознательность	374**	349*	446**	376**			

Черты личности	Показатели оценки образа						
	Оценка образа носителя черт Темной триады различной выраженности				Оценка образа, предоставленная носителем черт Темной триады различной выраженности		
	К	Э	П	О	К	П	О
Воспринимаемый невротизм			- ,379**				
Воспринимаемая открытость опыту	596**	607***	607***	646***			

Примечание. * – корреляция значима на уровне $p < 0,05$; ** – корреляция значима на уровне $p < 0,01$; *** – корреляция значима на уровне $p < 0,001$; компоненты отношения к образу: К – когнитивный, Э – эмоциональный, П – поведенческий, О – общая оценка.

Рассмотрение корреляционных связей оценки образа носителя черт Темной триады с реальными и воспринимаемыми чертами личности показало, что реальный и воспринимаемый нарциссизм положительно связан со всеми компонентами отношения к образу. Реальная психопатия имеет положительную взаимосвязь с каждым компонентом оценки образа, а воспринимаемая психопатия – отрицательную взаимосвязь с эмоциональным компонентом и общей оценкой. Реальная Темная триада обнаруживает прямые корреляции со всеми компонентами отношения к образу, при этом связей воспринимаемой Темной триады с компонентами оценки образа обнаружено не было. Реальная сознательность имеет отрицательную связь со всеми компонентами отношения к образу, в то время как воспринимаемая сознательность имеет положительную связь с каждым из данных показателей. Воспринимаемые доброжелательность и открытость опыту имеют прямые взаимосвязи со всеми компонентами оценки образа. Поведенческий компонент обнаруживает прямую взаимосвязь с воспринимаемой экстраверсией и обратную с воспринимаемым невротизмом.

Рассмотрение взаимосвязей оценки образа, предоставленной носителем черт Темной триады, с реальными чертами воспринимающего респондента показало, что нарциссизм и психопатия имеют отрицательные взаимосвязи с когнитивным, поведенческим компонентами и оценкой образа. В то же время доброжелательность обнаруживает положительную взаимосвязь с поведенческим компонентом.

Обсуждение результатов

В процессе игры как типа социального взаимодействия участники воспринимались как менее дисциплинированные, ответственные и нарциссичные, но более тревожные и эмоционально лабильные. Вероятно, это может свидетельствовать об особом влиянии экспериментальной ситуации. Возможно, игра «активировала» у респондентов определенные стереотипы поведения в ситуации сотрудничества – соперничества, что не позволило в достаточной степени проявиться сознательности и эмоциональной устойчивости. В то же время занижение оценок нарциссизма может быть связано с поверхностным обаянием нарциссов [7].

Реальные черты воспринимаемых респондентов обнаруживают различные взаимосвязи с воспринимаемыми чертами личности. Так, участники с высокой выраженностью нарциссизма оценивались как общительные, энергичные и веселые, что в целом согласуется с общими характеристиками данного конструкта Темной триады. Респондентов с выраженной Темной триадой воспринимали как ответственных и добросовестных, что, вероятно, связано с их склонностью выстраивать социальное взаимодействие, исходя из личной выгоды. Кроме того, участников исследования с выраженным нарциссизмом, психопатией и Темной триадой воспринимали как интересных и открытых для нового опыта. Таким образом, полученные взаимосвязи не противоречат накопленным данным о взаимосвязи симптомокомплекса «Темная триада» с другими чертами личности.

Отношение к образу носителя черт Темной триады различной степени выраженности обнаруживает взаимосвязи с реальными и воспринимаемыми чертами личности. В рамках данного исследования было выявлено, что носители нарциссизма и Темной триады как симптомокомплекса воспринимаются как интересные, приятные собеседники, их ценности и взгляды разделяют, они вызывают желание вступать с ними в социальное взаимодействие. Так, в исследовании Дж. Раутманна было выявлено, что нарциссов воспринимают в целом благоприятно [7]. В то же время полученная позитивная оценка носителя симптомокомплекса «негативных» черт личности противоречит результатам исследования Д.С. Корниенко, М.В. Балевой, Н.А. Рудновой [4, 5], где было выявлено, что носитель высокой выраженности черт Темной триады получает более низкую оценку. Также было обнаружено, что сознательные респонденты оценивались как неприятные люди, неинтересные собеседники, продолжать социальное взаимодействие с которыми не возникает желания. В связи с этим возникает предположение, что полученные позитивные оценки носителей Темной триады являются особенностью данной выборки.

Кроме того, интерес для нас представляет взаимосвязь отношения к образу с реальной и воспринимаемой психопатией. Респонденты с такой чертой, как психопатия, воспринимались в целом позитивно. Вероятно, это связано с тем, что выраженность психопатии по выборке в целом достаточно низкая. В то же время участники, которые воспринимались как носители психопатии, оценивались как в целом неприятные, неинтересные люди, с которыми не хочется вступить в социальное взаимодействие. Эти данные согласуются с результатами исследования Дж. Раутманна, где было выявлено, что людей с выраженной психопатией в целом воспринимают негативно [7].

Также было обнаружено, что люди, которых воспринимают как доброжелательных, отзывчивых, ответственных и открытых новому опыту, оцениваются как вызывающие симпатию и желание общаться. Людей, которых воспринимают как общительных и энергичных, рассматривают как подходящих для длительного социального контакта, а эмоционально неустойчивых – наоборот. В основном полученные результаты соответствуют общепринятым представлениям о чертах личности, входящих в пятифакторную модель.

Наибольший интерес для нас представляет то, что эмоционально холодные, склонные к эгоцентризму и самовосхвалению респонденты оценивают других негативно, вне зависимости от черт личности воспринимаемых участников исследования. Эти результаты подтверждаются исследованием Дж. Раутманна, где было выявлено, что люди с выраженными чертами Темной триады оценивают других в целом негативно [7].

Выводы

Оценка образа носителей нарциссизма и Темной триады как симптомокомплекса оказалась выше, чем оценка людей с выраженным макиавеллизмом и психопатией: нарциссов и носителей Темной триады в целом оценивают достаточно благосклонно. Кроме того, носителей неклинической психопатии оценивают также позитивно. Вероятно, это связано с особенностями данной выборки, где средний показатель психопатии оказался достаточно низким. Это подтверждается тем, что оценка воспринимаемой психопатии носит негативный характер.

Кроме того, было выявлено, что люди с выраженным нарциссизмом и психопатией в целом негативно оценивают других, вне зависимости от черт личности воспринимаемого человека.

Ограничения

Данное исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, не рассматривался аспект взаимосвязи отношения к образу при различной выраженности черт Темной триады как у воспринимающего, так и у воспринимаемого респондента. Во-вторых, не был учтен фактор сходства и привлекательности оцениваемых респондентов с оценивающими. В-третьих, в выборку вошли респонденты с достаточно низкими показателями выраженности психопатии. В-четвертых, был рассмотрен только один вид социального взаимодействия – игра. Вместе с тем данные ограничения дают возможность сформулировать гипотезы, которые могут быть проверены в дальнейшем.

Список литературы

1. Балева М.В., Корниенко Д.С. Эмоциональный характер информационного воздействия как фактор восприятия иммигрантов в России // Вестник Перм. гос. ин-та искусства и культуры. – 2007. – № 5. – С. 167–186.
2. Егорова М.С., Ситникова М.А. Темная триада [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7, № 38. – С. 12. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.11.2020).
3. Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 43. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 29.10.2020).
4. Корниенко Д.С., Мордвинова С.А. Восприятие человека с различной выраженностью симптомокомплекса Темная триада // Вестник ПГПУ. Сер. № 1. Психологические и педагогические науки. – 2019. – № 1. – С. 4–12.

5. Корниенко Д.С., Балева М.В., Руднова Н.А. Хороший и простой, плохой и сложный: как воспринимается образ другого при разных уровнях Темной триады [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11, № 62. – С. 2. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 29.10.2020).

6. Тренинги. Психокоррекционные программы. Деловые игры [Электронный ресурс] / под ред. Л.Г. Бузуновой, О.П. Степановой. – 2-е изд., стер. – М: ФЛИНТА, 2015. – 266 с. – URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785976523746.html> (дата обращения: 25.10.2020).

7. Rauthmann J.F. The Dark Triad and Interpersonal Perception: Similarities and Differences in the Social Consequences of Narcissism, Machiavellianism, and Psychopathy [Электронный ресурс] // Social Psychological and Personality Science. – 2012. – Vol. 3(4). – P. 487–496. – URL: <https://doi.org/10.1177/1948550611427608>

УДК 17.021.2:159.9

DOI: 10.24412/2308-717X-2021-1-40-52

Петрова Елизавета Александровна
аспирант кафедры общей и клинической психологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15*

психолог

*ГБУ ЦПСД «Планета семьи», Москва, Россия
e-mail: elisaveta1994@icloud.com*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НРАВСТВЕННОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

Elizaveta A. Petrova
Postgraduate Student of the Department of General and Clinical Psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia*

Psychologist

*State Budgetary Institution of the city of Moscow Family and Childhood Support
Center «Family Planet», Moscow, Russia
e-mail: elisaveta1994@icloud.com*

HISTORICAL REVIEW AND MODERN ASPECTS OF THE STUDY OF THE MORAL SPHERE OF PERSONALITY IN PSYCHOLOGY

Аннотация. В статье представлен исторический обзор подходов к изучению нравственности. Рассматриваются концепции нравственности в основных классических школах: в психоанализе, бихевиоризме и когнитивном направлении. Также выделяется ряд направлений к описанию и определению нравственности в отечественной науке. Подход к исследованию нравственности как к нравственной сфере личности автором описывается как наиболее современный и теоретически проработанный. В заключение на основании выделенных исследовательских проблем автором предлагаются актуальные направления исследований, которые позволят расширить уже имеющиеся представления о нравственной сфере личности.

Ключевые слова: нравственность, нравственная психология, нравственное сознание, нравственная сфера личности, компоненты нравственной сферы личности.

Abstract. The article presents a historical overview of approaches to the study of morality. The concepts of morality in the main classical schools are considered: in psychoanalysis, behaviorism and cognitive psychology. There are also a number of directions for the description and definition of morality in Russian science. The author describes the approach to the study of morality as the moral sphere of the individual as the most modern and theoretically developed. In conclusion, based on the identified research problems, the author suggests current research directions that will expand the existing ideas about the moral sphere of the individual.

Key words: morality, moral psychology, moral consciousness, moral sphere of personality, components of the moral sphere of personality.

Мораль и нравственность является неотъемлемым элементом духовной культуры общества на любом этапе его развития, поэтому вопросы изучения данных явлений всегда беспокоили умы мыслителей.

Первые научные труды о морали появились еще в Древнем мире (4 тыс. до н.э. – V в. н.э.) [14.]. Так, античные философы Демокрит, киренаики, киники, стоики, эпикурейцы, Платон, Аристотель пытались осмыслить то, как должно жить человеку и как ему относиться к окружающему миру [6]. В дальнейшем, в период Средних веков (Отцы Церкви и философы-схоласты) и в эпоху Возрождения (Дж. Бруно [5]), ученые также затрагивали вопросы морали и нравственности [14], однако о нравственности в психологическом русле ученые впервые заговорили лишь в эпоху Просвещения. Так, Р. Декарт [12] и Т. Гоббс [10], в противовес Средневековью, отметили, что природой морали является психика человека. Они определили мораль как явление, заключающееся в научном познании, механике поведения и механизмах психики, личностном интересе и технике целесообразного действия личности.

В Новейшее время философы-неопозитивисты А. Айер, Р. Карнап, Ч. Стивенсон, Г. Райхенбах определили моральное поведение и взгляды людей областью исследования психологии [35].

На сегодняшний день в психологии уже выделилось направление, занимающееся вопросами нравственности, это нравственная психология [8], и в данную область научного познания из философии и этики перешли некоторые проблемы, с которыми исследователи сталкиваются по сей день.

Первой проблемой является разброс терминологии, обусловленный различными взглядами исследователей на определение таких понятий, как «нравственность», «мораль», «духовность». Многие исследователи в области нравственной психологии используют вышеуказанные термины как синонимы, другие же их разграничивают, описывая мораль как форму сознания, нравственность – как область практических поступков (Н.В. Мельникова [25]), а духовность – как свойство личности, состоящее в преобладании духовных,

нравственных и интеллектуальных интересов над материальными (Н.В. Мельникова, Н.В. Овчарова [26]).

Второй проблемой является некоторая исследовательская субъективность при изучении нравственности. Данная проблема имеет несколько составляющих, заключающихся в следующем: во-первых, большинство исследователей нравственности самостоятельно выделяют определенные личностные показатели как «нравственные» и «безнравственные», описывая данные показатели в позитивном или негативном свете в зависимости от: своего личного жизненного опыта, своих политических и религиозных взглядов, общественных норм того времени и той социальной группы, в которой находятся, и т.д. Подобная картина особенно часто встречается в исследованиях общего нравственного состояния общества (А.Л. Журавлев, А.В. Юревич, М.А. Юревич [18, 36] и др.) и групповых нравственных показателей: гражданственности, патриотизма (О.А. Ахвердова, А.Н. Каргалева [3] и др.), духовности, сведенной к религиозности (С.А. Черняева [34], Е.В. Тарасова [29] и др.) и т.д. Также субъективный подход авторов распространен и в исследованиях отдельных показателей нравственности личности, таких как: эгоизм (И.В. Нехорошева [27], И.Г. Лаверычева [21] и др.), совестливость (А.Ж. Махмудова [24] и др.), ответственность, в том числе профессиональная (П.Ю. Калистратов [19], В.П. Жуковский, И.М. Ильковская, Л.А. Скворцова [16]).

Во-вторых, культурные особенности, нормы, правила, традиции определенных народностей влияют на оценку исследователей нравственных составляющих личности. Это приводит к тому, что качества личности, описанные одними авторами как положительные, у авторов – представителей другой этнической группы – могут быть оценены иным образом. Эта черта субъективного подхода особенно ярко в нравственной психологии проявляется при исследовании эгоизма и альтруизма. Так, если в отечественной науке эгоизм всегда оценивается как негативное явление для личности в общем и ее функционирования в обществе, то в зарубежных исследованиях многие авторы описывают и позитивное влияние эгоизма личности на ее навыки самосохранения и способности противостоять стрессам, вызванным внешними факторами [13], на уровень мотивации к достижению цели [37] и уровень удовлетворенности собственной жизнью [38], а также на осознание собственной индивидуальности [39].

Таким образом, субъективный подход к исследованию составляющих нравственности посредством описания ее явлений через призму категории «хорошо / плохо» обуславливает не только влияние «шумовых» факторов на ход исследования и исключения значимых показателей, также способных обусловить полученные результаты и выводы, но и наличие большого количества данных, противоречащих друг другу, несопоставимых друг с другом, мешающих выделению и мультикультурной оценке нравственных явлений.

Возвращаясь к истокам нравственной психологии, стоит отметить, что исследователи начинают изучать проблемы в данной области обычно с теории

нравственного развития Лоуренса Колберга, однако основные концепции нравственности так или иначе прослеживались в теориях почти всех классических психологических школ и направлений [33].

В рамках психоаналитического учения З. Фрейда нравственность и нравственное развитие рассматривались через призму воздержания. Так, в психоаналитическом учении подчеркивалась негативная сторона влияния морали на психологическое здоровье человека. В психоанализе рассматривалась только одна функция морали – регулятивная. По мнению З. Фрейда, она осуществляется не только с помощью внешнего принуждения, но и посредством совести, вызываемой чувством вины [15].

Э. Торндайк, придерживаясь бихевиоризма, рассматривал нравственное развитие как взаимодействие инстинктов, данных человеку от природы, и идей, воспринятых им благодаря воспитанию [30]. Д.Б. Уотсон ведущими факторами поведения считал, помимо инстинктов, эмоции и навыки [31]. Здесь совесть человека выступила не как создатель, а как создание его деятельности. По мнению бихевиористов, нравственность создается из привычек к действию, и нет иного пути обеспечить привычки к действию, как само действие.

В когнитивной психологии нравственное поведение фактически рассматривалось как переход от «житейской» ориентировки к «научной» в области моральных вопросов и постепенной реализации знаний в поведении. Данный подход освещался в трудах Ж. Пиаже и Л. Колберга, объединенных в современной науке в концепцию когнитивного конструктивизма морального самосознания [11].

Отечественные психологи также не обошли в своих исследованиях тему нравственности. Историю развития подходов к описанию и определению нравственности российскими психологами можно представить следующим образом (таблица).

Нравственность в отечественной психологии

Нравственность как высшее идейное чувство		
1873 г.	Естественно-научное направление в психологии (И.М. Сеченов)	Нравственность – приобретенные изначально при помощи чувственного познания и воспитывающих воздействий и в дальнейшем переработанные и усвоенные психикой идеалы и чувства, которые детерминируют поведение человека
1897–1917 гг.	Объективная психология (А.Ф. Лазурский)	
Нравственность как основополагающая инстанция внутреннего мира человека, определяющая его развитие и взаимоотношения с обществом		
1934–1940 гг.	Субъективный подход (С.Л. Рубинштейн). Принцип единства сознания и деятельности	Нравственность – этика, включенная в онтологию, являющаяся содержанием жизни человека и выражающаяся в его отношении к другим людям и миру. Нравственность и нравственное поведение имеет тесную связь с рефлексивным слоем сознания. Именно за счет рефлексии осуществляется регуляция внутренних нравственных норм и поведения личности

1935 г.	Теория отношений (В.Н. Мясищев)	Нравственность – важнейший продукт общественных отношений, выражающийся в способности подчинять личное общественному. Нравственные отношения личности определяют мотивы и выбор поступка и формируют нравственное ядро личности как систему идейно-нравственных мотивов и качеств личности
1928 г.	Культурно-историческая теория (Л.С. Выготский)	Нравственность – единство сознания и поведения, формирующихся в культурно-исторической среде и соответствующих идеалам того общества, в котором человек находится, и выражается в свободном выборе социальных форм поведения
1960 г.	Теория деятельности (А.Н. Леонтьев)	Личность – человек с присущими ему нравственными качествами, а именно: субъект, способный активно и сознательно строить свою жизнь, осуществлять самостоятельный выбор, преодолевая борьбу мотивов
Нравственность как эквивалент нравственного сознания		
с 1952 г. по наст. время	Л.Н. Антилогова, Л.И. Анцыферова, В.Д. Шадриков, А.А. Хвостов	Нравственное сознание – сложное и многогранное социальное явление, отражающее общественное бытие сквозь призму общих, особенных и личных интересов людей в виде нравственных идеалов и представлений, норм и оценок поведения, выступающее регулятором поведения и деятельности
Нравственность – комплексное личностное образование		
наст. время	А.Н. Бражникова, Р.Ю. Ветров, А.Л. Журавлев, Л.М. Попов, Ю.Н. Устина и др.	Нравственность как комплексное личностное образование, охватывающее различные сферы психики, включающее осознание, усвоение и реализацию общественных моральных норм, законов, правил и моральные переживания, выражающиеся в поведении и отношении к другим людям
Нравственность как сфера личности		
наст. время	Б.С. Братусь, Н.В. Мельникова, Р.В. Овчарова, Э.Р. Гизатуллина, А.Е. Воробьева, А.Б. Купрейченко, Р.В. Лебедева и др.	Нравственность как сфера личности, включающая в себя взаимосвязанные компоненты системы регуляции жизнедеятельности

Из данного исторического экскурса видно, что во времена становления отечественной психологии, включая советский период, была отмечена необходимость определения места нравственности в структуре личности, совершены попытки дать определение нравственности, выделить условия ее формирования и функции в личности человека.

Однако лишь в конце XX в. в рамках подходов к нравственности как к эквиваленту нравственного сознания, комплексному личностному

образованию и нравственной сфере личности отечественными психологами проблема нравственности стала рассматриваться более предметно.

Так, основываясь на постулатах теории деятельности А.Н. Леонтьева [23], следующие авторы: Л.Н. Антилогова [1], Л.И. Анцыферова [2], А.А. Хвостов [33] и др., подошли к исследованию нравственности посредством описания данного явления как эквивалента нравственного сознания. Данные авторы дали определение нравственному сознанию и сошлись во мнении, что нравственное сознание имеет определенную структуру, включающую в себя рациональную, эмоционально-чувственную, волевую сферы, проявляющееся в деятельности, поведении человека и его отношениях с другими людьми.

Несмотря на то, что данный подход и по сей день привлекает большое количество исследователей, целесообразным является обозначить его основной недостаток, а именно – невозможность качественного изучения сложной структуры нравственности без учета ее бессознательной части: регулятивных механизмов нравственного поведения, нравственных мотивов, истинный смысл которых личностью не осознается, особенностей морального поведения, которое автоматизировано или стереотипно и т.д. Здесь стоит отметить, что данный недостаток является скорее терминологическим, поскольку ряд авторов (Л.И. Анцыферова и др.) поднимали вопрос о необходимости выхода за предметную область сознания для изучения влияния внутреннего содержания нравственности на поведение личности.

Подход к исследованию нравственности как к комплексному личностному образованию является более глубоким, нежели предыдущий. Здесь исследователи (Р.Ю. Ветров [7], А.Л. Журавлев [17], Ю.Н. Устина [32] и др.) постарались учесть как сознательные, так и бессознательные уровни развития нравственности, однако не пришли к единому мнению о структуре нравственности и ее месте в структуре личности. Подобный подход обуславливает большое количество исследований отдельных компонентов нравственности, где авторы самостоятельно определяют эмпирические показатели, используют методы, которые не всегда стандартизированы и валидны, что способствует разбросу несопоставимых между собой полученных результатов. Подобная разобщенность не только мешает структурированию как самих исследований, так и полученных в них результатов, но и обуславливает сложность составления дизайна исследования в рамках данного подхода.

Исследование нравственности посредством выделения ее в отдельную сферу личности на данный момент является наиболее современным подходом. Так, в рамках данного подхода авторами (Б.С. Братусь [4], Н.В. Мельникова [25], Р.В. Овчарова, Э.Р. Гизатуллина [28], А.Е. Воробьева [9], А.Б. Купрейченко [20], Р.В. Лебедева [22] и др.) дается определение нравственной сферы личности, предоставляются четкие варианты ее структуры, уделено внимание регулятивным механизмам нравственной сферы, а также описывается место и функции нравственной сферы в структуре личности. В связи с этим целесообразным представляется рассмотреть данный подход подробнее.

Одним из первых понятие «нравственная сфера личности» использовал в своих работах Б.С. Братусь [4]. Он определил нравственную сферу личности как позицию, выражающую качество и степень проявления совокупности нравственных личностных смыслов человека по отношению к окружающему миру, основным стержнем развития которой являются ее компоненты.

Н.В. Мельникова определила нравственную сферу как интегративное взаимодействие когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов. Когнитивный компонент, с точки зрения автора, представлен нравственным сознанием, нравственными ценностями, нравственными образами, нравственными нормами. Эмоциональный компонент включает нравственные чувства, эмпатию нравственных отношений, а поведенческий – нравственное поведение в поступках и действиях мотивационной направленности. В качестве основы нравственной регуляции Н.В. Мельникова выделяет потребность личности в соответствии намерений и поведения нравственным принципам [25].

Р.В. Овчарова и Э.Р. Гизатуллина также рассматривают нравственную сферу посредством взаимосвязи вышеописанных компонентов и определяют ее как интегральное психологическое образование, включающее совокупность общечеловеческих ценностей и убеждений, чувств и переживаний, мотивов, потребностей и поступков личности на основе свободного выбора [28].

А.Б. Купрейченко предложила иерархическую структуру моральной сферы личности. Автор выделила две взаимосвязанные составляющие: «ценностно-нравственный стержень» (идеалы, эталоны, нравственное мировоззрение и т.д.) и «оболочку» (нравственные принципы, этические стратегии, нормы и правила поведения в различных ситуациях и с различными категориями людей и т.д.) [20].

А.Е. Воробьева нравственную сферу представляет как совокупность следующих компонентов: представления о нравственности, нравственные ориентации, нравственные стратегии, оценка явлений окружающего мира. Данные компоненты могут быть интерпретированы как когнитивный, конативный, ценностный и рефлексивный, а самоопределение в данном случае является объединяющим их регулятивным механизмом [9].

Говоря о месте нравственной сферы в структуре личности, данные авторы опираются на функционально-содержательный подход, согласно которому в личности можно выделить ряд сфер: интеллектуальную, эмоционально-волевою, поведенческую, мотивационно-потребностную и др. Нравственная сфера также занимает отдельное место в личности. Таким образом, авторы в русле данного подхода отмечают, что нравственная сфера обуславливает целостность личности [26].

Таким образом, можно выдвинуть предположение о том, что подход к исследованию нравственности через выделение ее в отдельную сферу личности на сегодняшний день является наиболее теоретически проработанным, однако в области эмпирических исследований здесь можно выделить следующее.

В области психологии развития на сегодняшний день существует большое количество работ, связанных с исследованием особенностей

формирования нравственной сферы личности детей и подростков, однако данных о возможности развития нравственных качеств и в общем коррекции нравственной сферы личности взрослого человека почти нет. Данный факт не только обуславливает теоретический пробел в изучении нравственной сферы личности, но и вызывает вопрос о целесообразности разработки психокоррекционного инструментария для развития нравственной сферы личности человека.

При исследовании нравственной сферы особый интерес у психологов вызывает когнитивный компонент, о чем свидетельствует большое количество исследований. Это может быть связано с тем, что существует большое количество методик, направленных на исследование данного компонента. Однако здесь можно выделить весомый недостаток: большое количество данных методик не только не имеет авторства, описания процедуры проведения, самого текста методики, описания шкал и ключей для подсчета результатов, но в науке отсутствует подтверждение их валидности.

Также одной из методологических проблем в данной области является тот факт, что психологи до сих пор не пришли к единому мнению касательно целесообразности использования определенных методик изучения поведенческого компонента нравственной сферы. Так, часть авторов не согласны с использованием методик, направленных на исследование поведенческих стратегий, стилей взаимодействия, решения проблем ввиду того, что они являются достаточно косвенными.

Еще одной эмпирической особенностью исследований нравственной сферы личности является нехватка методов исследования эмоционального компонента, а также сочетания всех компонентов морально-нравственной сферы личности. Это может быть связано со сложностью стандартизированной оценки влияния эмоций на нравственное поведение личности.

Таким образом, сложившаяся ситуация в области эмпирических исследований нравственной сферы личности является достаточно проблемной, так как, ограничиваясь при исследовании нравственной сферы личности, рассмотрением лишь ее когнитивного компонента, исследователи нравственной сферы личности лишают себя возможности ответить на вопрос о том, почему знание личности моральных норм не всегда выражается в ее соответствующих поступках.

Обобщая данные теоретического анализа по проблеме изучения нравственности в психологии, можно сделать следующие выводы, которые также обуславливают актуальность психологических исследований нравственности.

1. Нравственность является важной и неотъемлемой составляющей личности, о чем свидетельствуют большинство отечественных и зарубежных научных психологических трудов.

2. В современной отечественной психологии отсутствует единый подход к исследованию нравственности, что обуславливает многообразие подходов к дизайну исследования нравственной сферы, тяжесть их структурирования и несопоставимость полученных в них результатов.

3. Исследование нравственности посредством выделения ее в отдельную сферу личности является наиболее теоретически проработанным на сегодняшний день.

4. Ощущается нехватка психологических методик, изучающих все компоненты нравственной сферы, и, как следствие этого, нехватка исследований компонентов нравственной сферы в совокупности.

Таким образом, можно выделить следующие актуальные направления психологических исследований нравственной сферы личности, которые позволят расширить уже имеющиеся представления о ней.

1. Разработка единого терминологического подхода к определению таких явлений, как нравственность, мораль, духовность.

Здесь речь идет не столько о том, что исследователи должны выбрать варианты из большого количества уже данных определений и строго придерживаться их, ограничивая свой исследовательский потенциал, а скорее о необходимости активного обсуждения в научном сообществе уже имеющихся теоретических и практических данных, их синтеза и дальнейшего создания более инновационного и универсального терминологического подхода к определению явлений, связанных с нравственной сферой личности.

2. Внедрение объективного подхода к исследованию нравственной сферы личности, в рамках которого авторы отойдут от полярной оценки нравственных явлений, оставив ее лишь для определенных патологических случаев.

Разработка данного направления будет способствовать всестороннему и глубокому описанию компонентов нравственности, а также возможности сопоставления полученных данных, в том числе в мультикультурных исследованиях, что, несомненно, расширит теоретическую базу по изучаемому вопросу. Также окажется полезным в области практической психологии: в психотерапевтической и психокоррекционной работе, направленной не просто на ликвидацию «негативных», с точки зрения общества или отдельного психолога, нравственных характеристик, а на помощь личности в создании у нее успешных способов совладания с определенными нравственными качествами и эффективное, здоровое и гармоничное использование их в социуме.

3. Изучение вопроса о возможности развития и, как следствие, психологической коррекции, нравственной сферы личности взрослого человека.

Вариантами организации исследований здесь может служить сравнение данных описания взрослыми людьми определенных составляющих / компонентов нравственности в период своего детства / юношества и данных показателей, свойственных личности уже на момент исследования. Разумеется, психологи здесь могут столкнуться с рядом организационных проблем: выбор и адаптация валидных методов исследования, учет и внимание к факторам, способным повлиять на ответы респондентов, и, соответственно, на результаты исследования, однако подобные вопросы приходится решать всем исследователям, предлагающим респондентам методический материал, основанный на самоописании своей личности.

Также возможна разработка или применение уже имеющихся психокоррекционных программ для развития нравственных качеств личности и оценка эффективности их применения на взрослых людях.

4. Разработка и апробация стандартизированных комплексных методик для исследования нравственной сферы личности, а также отдельно эмоционального и поведенческого компонентов.

Работы психологов в данном направлении расширят методологическую базу для исследования нравственной сферы личности, что позволит свести к минимуму использование авторами не валидных, устаревших методик, надежность которых подвергается сомнению, а также дадут возможность исследователям приступить к изучению тех компонентов нравственной сферы, данные о которых на сегодняшний день являются дефицитными.

5. Организация и проведение исследований компонентов нравственной сферы личности в совокупности, а также взаимосвязи данных компонентов с другими подструктурами и сферами личности.

Так, данные исследования не только эмпирическим путем подтвердят мнение большинства авторов об интегральности нравственной сферы и ее способности обуславливать целостность личности, но и позволят раскрыть роль и функции каждого компонента нравственной сферы в личности, особенности взаимовлияния нравственных компонентов и других личностных подструктур, что также имеет большое теоретическое и практическое значение для нравственной психологии как науки.

Список литературы

1. Антилогова Л.Н. Психологические механизмы развития нравственного сознания личности: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. – Новосибирск, 1999. – 434 с.
2. Анцыферова Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследования Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. – 1999. – № 3. – С. 4–17.
3. Ахвердова О.А., Каргалева А.Н. Результаты опытно-экспериментального исследования влияния индивидуально-типологических особенностей личности студентов на формирование структурных компонентов гражданственности и патриотизма [Электронный ресурс] // Вестник Моск. ун-та МВД России. – 2008. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-opytno-eksperimentalnogo-issledovaniya-vliyaniya-individualno-tipologicheskikh-osobennostey-lichnosti-studentov-na> (дата обращения: 20.05.2021).
4. Братусь Б.С. Психология. Нравственность. Культура. – М.: Роспедагентство, 1994.
5. Бруно Дж. О героическом энтузиазме. – М.: Рипол-Классик, 2018. – 412 с.
6. Введение. О предмете этики // Этика / под ред. А.А. Гусейнова, Е. Дубко. – [Б. м.], [Б. г.].
7. Ветров Р.Ю. Психологические условия нравственного развития старшеклассников: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – Ставрополь, 2005. – 179 с.

8. Воловикова М.И. Опыт построения курсов «Основы нравственной психологии» для студентов психологов // Психология человека в современном мире. Т. 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов (материалы Всерос. юбилейной науч. конф., посв. 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.) / отв. ред.: А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.А. Ребеко. – М.: Ин-т психологии РАН, 2009. – 412 с.

9. Воробьева А.Е. Психологические методики для изучения нравственной сферы личности: анализ разработок и авторские приемы // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Ин-т психологии РАН, 2012. – 413 с. – (Психология социальных явлений).

10. Гоббс Т. Сочинения. – М.: Мысль, 1989. – 627 с.

11. Гулевич О.А. Основные стадии моральной социализации // Ин-т психологии РАН. – 2010. – С. 52–66.

12. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: пер. с лат. и фр. / сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.

13. Докинз Р. Эгоистичный ген. – М.: Мир, 1993. – 376 с.

14. Дробицкий О.Г. Моральная философия: избр. тр. / сост. Р.Г. Апресян. – М.: Гардарики, 2002. – 523 с.

15. Дубко Е.Л. Человек и моральный нигилизм в теории классического психоанализа // Социальная сущность и функции нравственности. – М., 1975.

16. Жуковский В.П., Ильковская И.М., Скворцова Л.А. Нравственно-этические подходы к проблеме ответственности в деятельности педагогических работников [Электронный ресурс] // Вестник СГТУ. – 2013. – № 1 (69). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvenno-etiches..> (дата обращения: 20.05.2021).

17. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. – М.: ИП РАН, 2003. – 436 с.

18. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Нравственные проблемы современной России (вместо введения) // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Ин-т психологии РАН, 2012. – 413 с. – (Психология социальных явлений).

19. Калистратов П.Ю. Эмоционально-ценностное отношение к нравственности и ответственности у представителей различных социальных групп [Электронный ресурс] // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2014. – № 4-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalno-tsennostnoe-otnoshenie-k-nravstvennosti-i-otvetstvennosti-u-predstaviteley-razlichnyh-sotsialnyh-grupp> (дата обращения: 20.05.2021).

20. Купрейченко А.Б., Воробьева А.В. Нравственное самоопределение молодежи: изд. Ин-та психологии РАН. – М., 2013.

21. Лаверычева И.Г. Альтруизм и эгоизм как основа нравственной определенности [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2008. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/altruizm-i-eg-oizm-kak-osnova-nravstv-ennoy-opredelennosti> (дата обращения: 20.05.2021).

22. Лебедева Р.В. Нравственная сфера и личностные особенности студентов с разными типами жизненных ориентаций // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – № 2, т. 7.

23. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. – М., 1983. – Т. 1.

24. Махмудова А.Ж. Психологические особенности развития совести и совестливости личности [Электронный ресурс] // Инновационная наука. – 2015. – № 12-3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-razvitiya-sovesti-i-sovestlivosti-lichnosti> (дата обращения: 20.05.2021).

25. Мельникова Н.В. Развитие нравственной сферы личности дошкольника: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.13. – Казань, 2009.

26. Мельникова Н.В., Овчарова Р.В. Нравственная сфера личности дошкольника: моногр. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007. – 240 с.

27. Нехорошева И.В. Субъективное качество жизни людей с различной нравственной направленностью [Электронный ресурс] // Вестник Костром. гос. ун-та. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2012. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnoe-kachestvo-zhizni-lyudey-s-razlichnoy-npravstvennoy-napravlennostyu> (дата обращения: 20.05.2021).

28. Овчарова Р.В., Гизатуллина Э.Р. Психологическая структура нравственной сферы личности [Электронный ресурс] // Вестник Курган. гос. ун-та. – 2012. – № 1 (23). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-struktura-npravstvennoy-sfery-lichnosti> (дата обращения: 20.04.2021).

29. Тарасова Е.В. Духовность как основа жизнеспособности психологов-консультантов [Электронный ресурс] // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер.: Психология. – 2020. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnost-kak-osnov..> (дата обращения: 20.05.2021).

30. Торндайк Э. Принципы обучения, основанные на психологии [Электронный ресурс]. – М.: Юрайт, 2021. – 270 с. – (Антология мысли). – URL: <https://urait.ru/bcode/468138> (дата обращения: 01.05.2021).

31. Уотсон Д.Б. Психология как наука о поведении. – М.: АСТ-ЛТД, 1998. – 704 с.

32. Устина Ю.Н. Детерминанты нравственности в представлении современных студентов // Материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. «Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики». – Казань: КГУ, 2009. – С. 126–135.

33. Хвостов А.А. Структура и детерминанты морального сознания личности: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. – М., 2005. – 496 с.

34. Черняева С.А. Влияние христианской религиозности на нравственные представления [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 78. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-hristianskoj-religioznosti-na-npravstvennye-predstavleniya> (дата обращения: 20.05.2021).

35. Шварцман К.А. Неопозитивизм и вопросы этики // Сборник статей: Философия марксизма и позитивизм / под ред. Т.И. Ойзермана. – М.: Из-во Моск. ун-та, 1968. – С. 515–530.

36. Юревич А.В., Юревич М.А. Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Ин-т психологии РАН, 2012. – 413 с. – (Психология социальных явлений).

37. Holmes S. The Secret History of Self-Interest/S. Holmes / ed. by J.J. Mansbridge. Beyond Self-Interest. – Chicago: University of Chicago Press, 1990. – P. 267–286.

38. Psychological Egoism [Электронный ресурс] // Internet Encyclopedia of Philosophy. – URL: <http://www.iep.utm.edu>

39. Robinson J.B. Egoism [Электронный ресурс] // Green Anarchy. – 2005. – Is. 20. – URL: www.greenanarchy.org

РАЗДЕЛ 2. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.5

DOI: 10.24412/2308-717X-2021-1-53-62

Баландина Людмила Леонидовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия*

614990. г. Пермь, ул. Сибирская, 24, (342) 215-18-49

e-mail: ludbal23@yandex.ru

Митрюшина Наталья Борисовна

магистрант II курса кафедры педагогики и психологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия*

614990, Пермь, Пушкина, 44, (342) 215-19-40 (409)

e-mail: postmaster@pspu.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ

Lyudmila L. Balandina

Ph. D., Associate Professor at Department of Pedagogy and Psychology

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education

«Perm State Humanitarian Pedagogical University»

24, Sibirskaya, 614990, Perm, Russia

e-mail: ludbal23@yandex.ru

Natalya B. Mitryushina

Second-year Master's Student of the Department of Pedagogy and Psychology

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education

«Perm State Humanitarian Pedagogical University»

44, Pushkin, 614990, Perm, Russia

e-mail: postmaster@pspu.ru

EMOTIONAL INTELLIGENCE AS A PSYCHOLOGICAL RESOURCE OF STUDENTS' PERSONALITY

Аннотация. Представлен теоретический анализ исследований психологических ресурсов в зарубежной и отечественной психологии. Ресурсы рассматриваются как многогранное понятие, включающее в себя различные характеристики личности и среды. Внимание акцентировано на эмоциональном интеллекте как личностном ресурсе, который способствует оптимальному функционированию человека. Представленное в статье исследование посвящено изучению эмоционального интеллекта в контексте теории сохранения ресурсов С. Хобфолла. Обсуждаются различия показателей жизнестойкости, самоэффективности, мотивации обучения в вузе студентов с высоким и низким уровнем эмоционального интеллекта, а также особенности проявления эмоционального интеллекта у студентов разных факультетов.

Ключевые слова: психологические ресурсы, эмоциональный интеллект, жизнестойкость, самоэффективность.

Abstract. The article presents the theoretical analysis of studies on psychological resources in foreign and Russian domestic psychology. The resources are seen as a complex concept which includes various characteristics of a personality and their environment. Emotional intelligence is highlighted as a personal resource that facilitates optimal performance of an individual. The research analyzed in the article is devoted to emotional intelligence based on the conservation of resources theory by S. Hobfoll. Differences of resilience indicators, self-effectiveness, and motivation for studying in high educational establishments among students with high and low level of emotional intelligence as well as specifics of emotional intelligence of students from different faculties are discussed in the article.

Key words: psychological resources, emotional intelligence, resilience, self-effectiveness.

В процессе поисков источников внутренней силы человека, позволяющей преодолевать различные трудности, достигать успеха, справляться с нестандартными ситуациями, зарубежные и отечественные исследователи обратились к проблеме психологических ресурсов личности. Ресурсы (*ressource*, фр. – вспомогательное средство) – это многогранное понятие, включающее в себя различные характеристики личности и среды, обеспечивающие эффективное существование и необходимые для поддержания качества жизни (Hobfoll, 1989). Проблема ресурсов рассматривалась в работах отечественных (Д.А. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, К. Муздыбаев, Н.Е. Водопьянова, В.А. Бодров, Е.А. Сергиенко, Л.В. Куликов, А.Г. Маклаков и др.) и зарубежных психологов (Э. Фромма, С. Хобфолла, С. Фолкман, С. Мадди, Р. Баумайстера и др.).

В своей работе, посвященной изучению ресурсов человека в преодолении трудных жизненных ситуаций, Э. Фромм выделяет три психологические категории, такие как: мужество (духовная сила), рациональная вера и надежда. Надежда влияет на желание и возможность личностного развития, а также способствует адекватному отношению к будущему и готовности к нему; вера отвечает за восприятие мира как полного возможностей, а мужество является

защитником веры и надежды, укрепляя их и не давая трансформироваться в негатив [8].

О важности ресурса социальной среды говорит С. Фолкман. Исследования показывают, что у человека, имеющего социальную поддержку от своей семьи, друзей, близких для него людей, здоровье является гораздо более крепким, он легче справляется со стрессами, более устойчив к психологическим травмам [6].

Особого внимания требует рассмотрение теории сохранения ресурсов С. Хобфолла, который определяет ресурсы как систему ценностей и средств, представляющих собой ресурсный запас, помогающий человеку адаптироваться в сложных жизненных ситуациях. Автор выделяет четыре группы ресурсов (Hobfoll, 1989, 2001):

- объективные ресурсы – материальные ценности (квартира, машина или земля);
- социальные ресурсы – статус, положение в обществе, поддержка семьи, друзей;
- энергетические ресурсы – нематериальные ресурсы, такие как знания или время, которые человек инвестирует в свою деятельность, для получения других ресурсов.
- личностные ресурсы – персональные качества человека, его индивидуальные особенности, которые помогают человеку в процессе адаптации и совладанию со стрессом, такие как: самоуважение, оптимизм, самоконтроль, профессиональные умения, система верований и др.

В основе ресурсного подхода Хобфолла лежит принцип «консервации» ресурсов. Это возможность приобретать, сохранять, преумножать и накапливать ресурсы, так как они являются предикторами благополучия и качества жизни человека. При потере одного из ресурсов (работы, здоровья), смене социального статуса запускается механизм стрессовой реакции, что влечет за собой потерю субъективного благополучия и негативно сказывается на состоянии здоровья [7].

Аналогичный подход представлен в работах Н.Е. Водопьяновой, рассматривающей психологические ресурсы как эмоциональные, мотивационно-волевые, когнитивные и поведенческие конструкты, которые человек использует для адаптации к стрессовым ситуациям, что способствует психологической устойчивости [5].

В рамках психологии стресса В.А. Бодров говорит о ресурсах как о физических и духовных возможностях человека, которые мобилизуют стратегию поведения для предотвращения или купирования стресса [3]. К. Муздыбаев определяет ресурсы как средства к существованию, возможности людей и общества, то, что человек использует, чтобы удовлетворить требования среды; как жизненные ценности, которые образуют реальный потенциал для совладания с неблагоприятными жизненными событиями [15].

По мнению Л.В. Куликова, ресурсы играют различную роль в адаптации человека и преодолении трудных жизненных событий. К наиболее изученным личностным ресурсам автор относит: активную мотивацию преодоления,

отношение к стрессам как к возможности приобретения личного опыта и возможности личностного роста; силу Я-концепции, самоуважение, самооценку, ощущение собственной значимости, «самодостаточность»; активную жизненную установку; позитивность и рациональность мышления; эмоционально-волевые качества; физические ресурсы – состояние здоровья и отношение к нему как к ценности [10].

Рассматривая проблему личностных ресурсов, А.Г. Маклаков вводит понятие «*личностный адаптационный потенциал*» как способность к адаптации, т.е. умение приспосабливаться к изменяющимся внешним условиям [14]. Выделяются такие психологические характеристики человека, значимые для адаптации, как: нервно-психическая устойчивость; самооценка личности, адекватность восприятия себя и среды; ощущение социальной поддержки, чувство собственной значимости; уровень конфликтности личности; опыт социального общения.

Изучая личностный потенциал, С. Мадди использует понятие *hardiness* (стойкость, выносливость), под которым понимает убеждения человека, позволяющие ему оставаться активным и препятствующие негативным последствиям стресса. А также отражают отношение человека к изменениям, его возможности воспользоваться имеющимися внутренними ресурсами, способность эффективно управлять ситуацией, определяют, насколько личность способна справляться с трудностями жизни [13].

Мадди выделил три компонента *hardiness*, которые определяют взаимодействие человека с миром: *вовлеченность, контроль и вызов*. Высокая вовлеченность предполагает активное участие во всем, что происходит, дает возможность чувствовать себя значимым. Проявление контроля выражается в сознательной установке, что путем борьбы можно влиять на последствия происходящих событий; противоположность – ощущение собственного бессилия. Вызов (принятие риска) выражается в стремлении пережить собственный опыт, будь он позитивным или негативным.

Позднее Д.А. Леонтьев предложил обозначать характеристику *hardiness* как «жизнестойкость», добавив к слову «стойкость» такое важное и значимое понятие, как «жизнь». Автор рассматривает жизнестойкость в рамках концепции личностного потенциала и определяет как способность личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю уравновешенность и не снижая успешность деятельности [11].

Анализ исследований, посвященных проблеме психологических ресурсов, дает возможность выделить два класса ресурсов: *личностные (внутренние) ресурсы* и *средовые (внешние) ресурсы*. Личностные ресурсы – навыки и способности человека (психологические, физические, профессиональные); средовые ресурсы включают социальные условия, оказывающие поддержку личности (благоприятные отношения в семье, друзья, психологический климат коллектива, статус и т.д.) и физические условия (условия жизни, материальное обеспечение и т.д.).

Среди личностных ресурсов авторы выделяют жизнестойкость (Мадди, 2001), самоэффективность (Бандура, 1977), оптимизм (Карвер, Шейер, 2002;

Селигман, 1998), толерантность к неопределенности (McLain, 1993), надежду (Снайдер, 1991), добродетели и силу характера как личностные достоинства (Петерсон, Селигман, 2004), локус контроля (Роттер, 1975), чувство связности (Антоновски, 1984).

Среди «ресурсов», предлагаемых разными авторами, рассматривается и эмоциональный интеллект как личностный ресурс человека. Исследованию феномена эмоционального интеллекта посвящены работы зарубежных и отечественных ученых (Р. Бар-Он, 1985; Д. Гоулмен, 1995; Д.В. Люсин, 2004; М.А. Манойлова, 2004; И.Н. Андреева, 2015). Авторы, не используя понятие «ресурс», выделяют характеристики эмоционального интеллекта, которые способствуют продуктивным отношениям и социальной адаптации и функционально являются ресурсными. Р. Бар-Он определяет эмоциональный интеллект как «все некогнитивные способности, знания и компетентность, дающие человеку возможность успешно справляться с различными жизненными ситуациями». В своей работе Д. Гоулмен определяет эмоциональный интеллект как набор черт или способностей, позволяющий сдерживать эмоциональный порыв, налаживать взаимоотношения, стремиться к своей цели, несмотря на провалы [2]. Д.В. Люсин под эмоциональным интеллектом понимает набор способностей (когнитивные и личностные характеристики человека) [12]. Эмоциональный интеллект, по мнению И.Н. Андреевой, является особым качеством человека, которое формируется в процессе социального взаимодействия и общения [2].

Об эмоциональном интеллекте как о психологическом ресурсе личности говорили Дж. Мейер и П. Сэловей (1990). Они утверждали, что эмоциональный интеллект может рассматриваться как важнейший личностный ресурс, развитие которого, с одной стороны, способствует оптимальному функционированию человека, установлению конструктивных и взаимно продуктивных межличностных отношений, а с другой – снижает риск возникновения различных форм личностной деструкции и социальной дезадаптации [18]. По мнению Ю.А. Бреус (2014), это объясняется тем, что эмоции отражают связи внутреннего мира личности с ее поведением и взаимодействием с реальностью [4]. Т.И. Солодкова (2011) предполагает, что эмоциональный интеллект занимает значимое место в структуре личностных ресурсов преодоления синдрома выгорания и способствует снижению риска его развития в процессе педагогической деятельности [16]. В качестве личностного ресурса Н.П. Александрова и Е.Н. Богданов рассматривают эмоциональную устойчивость как способность регулировать свое эмоциональное состояние, препятствующее проявлению депрессивных и тревожных симптомов [1]. Схожее мнение – у Е.А. Столярчук, которая рассматривает эмоциональный интеллект как один из ресурсов предупреждения и устранения профессионального стресса [17].

На основании теоретического анализа изучаемой проблемы можно сделать вывод, что эмоциональный интеллект занимает значимое место в структуре личностных ресурсов, проявляется в способности формировать отношение к себе, прогнозировать результат собственной деятельности,

понимать собственное поведение, поведение других людей, что способствует успешной социальной адаптации.

Эмоциональный интеллект развивается по мере приобретения жизненного опыта, значительно возрастая в период юности, когда формируется эмоциональная культура человека. Проблема эмоционального интеллекта как ресурса в юношеском возрасте актуальна и требует внимания исследователей.

Целью проведенного исследования стало изучение жизнестойкости, самооффективности, мотивации студентов с высоким и низким уровнем эмоционального интеллекта, а также эмоционального интеллекта у студентов, обучающихся на разных факультетах. Мы полагали, что различия по изучаемым показателям у испытуемых с разным уровнем эмоционального интеллекта могут стать подтверждением его ресурсных возможностей.

Теоретической основой эмпирического исследования являются: теория сохранения ресурсов С. Хобфолла, двухкомпонентная теория эмоционального интеллекта Д.В. Люсина, теоретические положения Дж. Майера, П. Сэловей; Ю.А. Бреус.

Организация и методы исследования

В исследовании принимали участие студенты второго курса ПГПУ в возрасте от 18 до 20 лет. Использовались: опросник эмоционального интеллекта (ЭМИн) Д.В. Люсина, тест жизнестойкости С. Мадди, шкала общей самооффективности Шварцера, опросник Т.И. Ильина «Мотивация обучения в вузе». Анализ результатов осуществлялся с использованием кластерного анализа, *t*-критерия Стьюдента для независимых выборок.

Результаты исследования и их обсуждение

На основании кластерного анализа было выделено три группы испытуемых с высоким, средним и низким эмоциональным интеллектом. Для дальнейшего анализа использовались данные испытуемых с высоким (кластер 1) и низким (кластер 2) уровнями эмоционального интеллекта (ЭИ).

Сравнительный анализ показателей жизнестойкости студентов с высоким и низким уровнем эмоционального интеллекта показал различия изучаемых показателей на высоком уровне значимости (табл. 1).

Таблица 1

Статистически значимые различия показателей жизнестойкости студентов с высоким и низким уровнем эмоционального интеллекта

Показатели	Среднее значение		Достоверность различий	
	Высокий ЭИ 1 кластер	Низкий ЭИ 2 кластер	<i>t</i>	<i>p</i>
Вовлеченность	37,33	22,78	6,89 ***	0,001
Контроль	31,79	18,56	6,88 ***	0,001
Принятие риска	19,13	13,92	4,26 ***	0,001
Жизнестойкость	88,25	55,36	7,17 ***	0,001

Примечание. *** $p \leq 0,001$.

Интегрированный показатель «жизнестойкость» значимо выше у студентов с высоким уровнем эмоционального интеллекта ($p \leq 0,001$).

Испытуемые характеризуются как активные и уверенные в своих силах, способные справляться со стрессом, продолжая эффективно работать, не теряя душевного равновесия. Это повышает способность испытывать любовь, получать поддержку, увеличивает интерес к миру и окружающим.

Различия на высоком уровне значимости показали отдельные компоненты жизнестойкости: «вовлеченность», «контроль» и «принятие риска» ($p \leq 0,001$). Развитый компонент «вовлеченность» отражает умение получать искреннюю радость от своей собственной деятельности. Имея активную творческую позицию, испытуемые в повседневных делах находят много ценного и интересного. Высокое значение компонента «контроль» показывает уверенность человека, его возможности влияния на происходящее, самостоятельного выбора собственной деятельности и свой путь.

Наиболее интересны результаты по шкале «принятие риска». Испытуемые первого кластера рассматривают жизнь как способ приобретения опыта и готовы действовать и рисковать в отсутствие надежных гарантий успеха. Они убеждены, что на любых ошибках можно учиться; из всего, что случается, положительного и отрицательного, можно извлечь новые знания.

Испытуемые с низким эмоциональным интеллектом более чувствительны к неудачам в деятельности и общении; у них более выражено ощущение неуверенности и тревоги. Низкий показатель «вовлеченность» порождает ощущение себя вне жизни, человек не надеется найти для себя что-то стоящее и интересное в жизни. Характерно ощущение собственной беспомощности при низком значении показателя «контроль». Стремление к простому комфорту и безопасности является главным для студентов второго кластера. Боязнь риска и неудачного жизненного опыта тормозит развитие личности и обедняет жизнь.

Полученные результаты находят подтверждение в ранее проводимых работах. Связь жизнестойкости и эмоционального интеллекта отмечается в исследовании П.Е. Григорьева и И.В. Васильевой (2018), где личность, способная управлять своими эмоциями, демонстрирующая эмоциональную гибкость, обладает лучшей жизнестойкостью, а управление своими эмоциями способствует принятию контролируемого риска и вовлеченности в деятельность. В исследовании Н.С. Краснопольской (2012) также подтверждается взаимосвязь между осознанием своих чувств и эмоций и всеми показателями жизнестойкости [9].

Средние значения показателей *самоэффективности* студентов с высоким и низким уровнем эмоционального интеллекта представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Статистически значимые различия самоэффективности
студентов с высоким и низким уровнем эмоционального интеллекта**

Показатели	Среднее значение		Достоверность различий	
	Высокий ЭИ 1 кластер	Низкий ЭИ 2 кластер	<i>t</i>	<i>p</i>
Самоэффективность	30,75	25,25	4,26 ***	0,001

Примечание. *** $p \leq 0,001$.

Показатель самоэффективности на значимом уровне ($p \leq 0,001$) выше у студентов с высоким уровнем эмоционального интеллекта. Испытуемые

более уверены в себе, быстро принимают решения, берутся за сложные задачи и ставят перед собой более высокие цели, с оптимизмом смотрят в будущее. Студенты с низким уровнем эмоционального интеллекта более склонны к депрессивным состояниям, беспокойству. У них выражено чувство беспомощности, часто обнаруживается низкая самооценка, пессимистические мысли о собственных достижениях. Данные факты соотносятся с результатами Л.И. Курганиковой относительно влияния эмоционального интеллекта на успешность и самоэффективность.

Сравнение показателей *мотивации обучения в вузе* студентов с высоким и низким уровнем эмоционального интеллекта не выявило значимых различий. Это говорит о том, что уровень эмоционального интеллекта студента не влияет на мотивацию к приобретению знаний, овладение профессией, получение диплома.

В ходе исследования проверялась гипотеза о возможной специфике изучаемых показателей эмоционального интеллекта у студентов разных факультетов, что могло быть связано со своеобразием индивидуальных характеристик, обусловленных разными способностями и профессиональными интересами.

Сравнительный анализ не выявил значимых различий по показателям эмоционального интеллекта у студентов филологического факультета и факультета информатики и экономики. По-видимому, эмоциональный интеллект не определяется профессиональными предпочтениями испытуемых. Хотя имеются некоторые различия на незначимом уровне по общему показателю внутриличностного эмоционального интеллекта и его составляющими «понимание своих эмоций» и «управление своими эмоциями» ($p \leq 0,2$). Эти показатели выше у студентов факультета информатики и экономики. У них несколько более развита способность распознавать, идентифицировать свои эмоции, понимать их причины, а также вызывать и поддерживать желательные эмоции и держать под контролем нежелательные.

Выводы

Эмоциональный интеллект может выступать как внутренний индивидуальный ресурс человека, позволяющий регулировать собственное поведение, эффективно взаимодействовать с окружением, быть более успешным в деятельности.

У студентов с высоким уровнем эмоционального интеллекта показатель жизнестойкости значимо выше, они более активны и уверены, способны справляться со стрессом. Студенты с низким эмоциональным интеллектом более чувствительны к неудачам в деятельности и общении, чаще испытывают ощущение неуверенности и тревоги.

Высокий показатель самоэффективности характеризуется высоким уровнем эмоционального интеллекта. Испытуемые с высокими показателями эмоционального интеллекта более уверены в себе, быстро принимают решения, берутся за более сложные задачи и ставят перед собой более высокие цели, с оптимизмом смотрят в будущее. Студенты с низким эмоциональным интеллектом обладают низкими показателями самоэффективности, склонны к беспокойству и пессимистическим мыслям о собственных достижениях.

Специфика профессиональной направленности студентов не определяет характеристики эмоционального интеллекта. Имеет место тенденция к большей выраженности показателей внутриличностного эмоционального интеллекта у студентов, обучающихся на факультете информатики и экономики. Они проявляют большую способность к пониманию и управлению собственными эмоциональными состояниями по сравнению со студентами филологического факультета.

Список литературы

1. Александрова Н.П., Богданов Е.Н. Эмоциональная саморегуляция и личностные факторы стрессоустойчивости // Прикладная и юридическая психология. – 2014. – № 1. – С. 22–30
2. Андреева И.Н. О становлении понятия «эмоциональный интеллект» // Вопросы психологии. – 2015. – № 5. – С. 83–95.
3. Бодров В.А. Проблема преодоления стресса. Ч. 2. Процессы и ресурсы преодоления стресса // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27, № 2. – С. 113–122.
4. Бреус Ю.В. Эмоциональный интеллект как личный ресурс профессионального становления специалистов социэкономических профессий // Общество. Интеграция. Образование: материалы междунар. науч. конф. (2015 г., июль). – DOI: 10.17770 / sie2014vol1.793
5. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. – СПб.: Питер, 2009. – 336 с.
6. Иванова Т.Ю. Теория сохранения ресурсов как объяснительная модель возникновения стресса // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10, № 3. – С. 119–135.
7. Иванова Т.Ю. Функциональная роль личностных ресурсов в обеспечении психологического благополучия: дис. ... канд. психол. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2016. – 16 с.
8. Калашникова С.А. Личностные ресурсы как интегральная характеристика личности // Молодой ученый. – 2011. – № 8, т. 2. – С. 84–87.
9. Краснопольская Н.С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и жизнестойкости студентов вуза // Вестник Брянского госуниверситета. – 2012. – № 1. – С. 150–154.
10. Куликов Л.В. Психогигиена личности. – СПб., 2004. – 464 с.
11. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 1 / под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – С. 56–65.
12. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова; Ин-т психологии РАН. – М., 2004. – С. 29–36.
13. Мадди С.Р. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26, № 6. – С. 87–101.
14. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, № 1. – С. 16–24.

15. Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – С. 102–112.
16. Солодкова Т.И. Эмоциональный интеллект как личностный ресурс преодоления синдрома выгорания и его развитие у педагогов: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – Иркутск, 2011. – 23 с.
17. Столярчук Е.А. Эмоциональный интеллект как ресурс преодоления организационного стресса в профессиональной деятельности менеджеров туризма // Вестник Тверского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 200–205.
18. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R. Models of emotional intelligence // Handbook of human intelligence / ed. R.J. Sternberg. – 2nd ed. – New York: Cambridge University Press, 2000. – P. 396–422.

УДК 159.923

DOI: 10.24412/2308-717X-2021-1-63-71

Баландина Людмила Леонидовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Сибирская, 24, (342) 215-18-49
e-mail: ludbal23@yandex.ru*

Панькова Анна Алексеевна

магистрант II курса кафедры педагогики и психологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия
614045, Пермь, Пушкина, 44, (342) 215-19-40 (доб. 409)
e-mail: 61579@pspu.ru*

**КОПИНГ-СТРАТЕГИИ В СВЯЗИ С САМООТНОШЕНИЕМ
СТУДЕНТОВ****Lyudmila L. Balandina**

Ph. D., Associate Professor at Department of Pedagogy and Psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaya, 614990, Perm, Russia
e-mail: ludbal23@yandex.ru*

Anna A. Pankova

Second-year Master's Student of the Department of Pedagogy and Psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
44, Pushkin, 614990, Perm, Russia
e-mail: 61579@pspu.ru*

**COPING STRATEGIES IN CORRELATION
WITH STUDENTS' SELF-ATTITUDE**

Аннотация. Представлен анализ теоретических положений исследований самоотношения В.С. Столина, С.Р. Пантеева, копинг-стратегий Р. Лазаруса

и других авторов в рамках изучаемой проблемы. Описываются результаты, подтверждающие связь показателей самоотношения и совладающего поведения: представление личности о себе оказывает воздействие на выбор копинг-стратегии. Рассматриваются данные исследования копинг-стратегий испытуемых юношеского возраста с высоким и низким уровнем самоотношения. Установлено, что специфика выбора копинг-стратегий может определяться уровнем самоотношения. Выявлены и обоснованы некоторые отличия в показателях самоотношения у студентов, обучающихся на разных факультетах.

Ключевые слова: самоотношение, копинг-стратегии, юношеский возраст.

Abstract. The analysis of theoretical statements of self-attitude studies carried out by V.S. Stolin, S.R. Pantileeva and coping strategies by R. Lazarus and other authors is presented. The results that prove the correlation between the indicators of self-attitude and coping behaviour – the former affects the choice of a coping strategy – are described. The article highlights the outcomes of the study of coping strategies among teenagers with high and low level of self-attitude. It is confirmed that the level of self-attitude can define the specifics of selecting a coping strategy. Some differences in self-attitude indicators are revealed and justified among students of various faculties.

Key words: self-attitude, coping strategies, teenage.

Юность – это период становления человека как личности, в этом возрасте система самоотношения претерпевает существенные изменения и затрагивает важнейшие сферы жизни человека, те, которые определяют его будущее и дальнейшие жизненные перспективы.

Термин «самоотношение» был введен психологом Н.И. Сарджвеладзе (1974). Автор рассматривает самоотношение как установку, под которой понимает отношение субъекта потребности к ситуации его удовлетворения.

Наиболее разработанной в отечественной психологии является концепция самоотношения, предложенная В.В. Столиным (1983). Автор понимает самоотношение как лежащее на поверхности сознания непосредственно феноменологическое выражение (или представленность) личностного смысла «Я» для самого субъекта. Эмоционально-ценностное отношение личности к себе, являющееся результатом и интегратором механизмов личностного самосознания, обладает сложной психологической структурой [9].

В.В. Столин (совместно с С.Р. Пантилеевым) выделил три основные подсистемы в структуре отношения к себе: систему самооенок, обозначаемую термином «самоуважение»; систему эмоциональных отношений, совпадающую с термином «аутосимпатия»; систему, служащую защитным механизмом самосознания, определяемую термином «самоуничижение» [7].

Разрабатывая теоретические положения и структуру самоотношения, С.Р. Пантилеев показал, что оно лежит на поверхности сознания и является

непосредственно феноменологическим выражением или представленностью личностного смысла «Я» для самого субъекта [4].

Стоит отметить исследования И.И. Чесноковой (1977), которая определяет самоотношение как эмоционально-ценностное отношение к себе, один из внутренних процессов самосознания, отражающий единство момента самопознания и системы переживаний [10].

Исследованию *самоотношения в юношеском возрасте* посвящены работы Л.Е. Адамовой (2003), А.Н. Чернобровиной (2009), Е.А. Евтушенко (2014), Т.К. Слабко (2016), Н.В. Степановой (2017), М.Н. Шагалиной (2018) [11] и др. Авторами изучалось самоотношение в контексте различных психологических феноменов.

В учебной деятельности, согласно исследованиям Л.Е. Адамовой (2003), изменение самоотношения личности в наибольшей степени детерминировано ситуацией успеха и неуспеха, а также зависит от пола. Для абитуриентов важен не факт переживания успеха при сдаче вступительных экзаменов, а переход в новое качество – студента, которое дает преимущества взрослой жизни. В зависимости от пола в ситуации неуспеха у девушек проявляется склонность в большей степени винить себя в собственных неудачах, тогда как юноши склонны обвинять других людей или ситуацию [1]. Исследуя взаимосвязь самоотношения и адаптации юношей и девушек к обучению, Т.К. Слабко (2016) получает подтверждение о связи самоотношения и адаптации студентов. Чем выше их адаптированность, тем более выражено положительное отношение к собственному «Я» [8].

В ходе исследований, проведенных Е.А. Евтушенко (2014), изучалось влияние самоотношения на профессиональное самоопределение. Было выявлено, что у подростков проявляется наличие склонности отдавать предпочтение определенным типам профессий в зависимости от качественного своеобразия в эмоционально-ценностном и когнитивном компонентах самоотношения.

По мнению А.Н. Чернобровиной (2009), самоотношение оказывает влияние на особенности поведения и общения юношей и девушек, а также подтверждает взаимосвязь между структурными компонентами самоотношения и проблемами в установлении эмоциональных отношений. Изучая особенности самоотношения и жизненной удовлетворенности в юношеском возрасте, Н.В. Степанова (2017) отмечает, что для испытуемых характерен средний уровень сформированности всех компонентов самоотношения (самоуважения, аутосимпатии, внутренней устойчивости), что свидетельствует о стабильности и зрелости самоотношения в данном возрасте. Также существует взаимосвязь между жизненной удовлетворенностью и компонентами самоотношения, что подтверждает понимание самоотношения и жизненной удовлетворенности как сложной системы отношений, характеризующей личность.

Вопрос о взаимосвязи самоотношения и копинг-стратегий представляет исследовательский интерес в рамках проблемы поиска жизненных ресурсов человека.

Понятие «копинг» происходит от английского *cope* – преодолевать. По одной из версий, понятие было введено Р. Лазарусом и С. Фолкманом, которые сделали акцент на осознанном характере стратегий совладания со стрессовыми нагрузками, в отличие от психологических защит. Основная заслуга в изучении проблемы стресса и копинга принадлежит Р. Лазарусу (1984). Им были разработаны теоретические идеи, классификация копинг-стратегий. Р. Лазарус определяет копинг как «стремление к решению проблем, которое предпринимает индивид, если требования имеют огромное значение для его хорошего самочувствия, поскольку эти требования активируют адаптивные возможности». В своей теории автор исходит из субъективного переживания стресса (в большей степени) и уделяет особое внимание когнитивным процессам и когнитивной оценке [12].

В отечественной психологической литературе существует широкая дифференциация термина *coping*. Психологи говорят о «преодолении» (В.А. Бодров, 2006), «совладании» (Т.Л. Крюкова, 2005; В.М. Ялтонский, 1995).

В.М. Ялтонский (1995) понимает *coping* как индивидуальный способ совладания субъекта с затруднительной ситуацией, в соответствии с ее значимостью в жизни индивида и его личностно-средовыми ресурсами, которые во многом определяют поведение человека. Рассматривая в русле когнитивно-поведенческого подхода, Т.Л. Крюкова (2005) понимает совладание как социальное поведение или комплекс осознанных адаптивных действий (когнитивных, аффективных, поведенческих), которые позволяют человеку справляться с внутренним напряжением и дискомфортом адекватными личностным особенностям и ситуации способами. В работах В.А. Бодрова (2006) процесс «поведения преодоления» является проявлением индивидуальных способов взаимодействия с окружающим миром, в котором проявляются особенности (возможности) субъекта и характеристики ситуации, отраженные в его сознании в категориях ценности, значимости, сложности и последствий конкретного события.

Актуальность изучения *копинг-стратегий в юношеском возрасте* определяется особенностями социальной ситуация развития, которая связана с выбором своего жизненного пути, адаптацией к новым условиям жизнедеятельности и может рассматриваться как стрессогенная. Умение справиться с такой ситуацией определяет решение задач данного возрастного периода.

При исследовании специфики копинг-стратегий в юношеском возрасте Е.Е. Бочаровой (2015) отмечается присутствие склонности к проблемно ориентированному копингу [3]. Молодые люди и девушки редко уходят от проблем, к возникшей трудной ситуации относятся как к задаче и пытаются сосредоточиться на ее решении. А.Г. Илюхин (2011) говорит о том, что развитие копинг-стратегий происходит за счет расширения и усложнения выбираемых копинг-стратегий, улучшения их контроля, а также появления новых. И.П. Стрельцовой (2003) отмечает, что к концу ранней юности появляется возрастающее доминирование относительно проверенных личным опытом стратегий, составляющих общую направленность на разрешение проблем.

Факторами, которые влияют на выбор копинг-стратегии, могут выступать не только особенности возникшей ситуации, ее восприятие, но и особенности личности. *Взаимосвязь между самоотношением и выбираемыми копинг-стратегиями* существует, что находит свое подтверждение в ряде отечественных исследований.

А.В. Жигалова рассматривала проблему взаимосвязи копинг-стратегий и особенностей самоотношения у людей с ограниченными возможностями здоровья и людей, не имеющих инвалидности. Автор пришла к выводу, что представление личности о себе оказывает существенное воздействие на форму поведения человека в стрессовой ситуации и выбор копинг-стратегии [5].

Особенности самоотношения и его влияния на копинг-стратегии у юношей и девушек, придерживающихся и не придерживающихся разных религиозных канонов, обсуждались в работе Э.И. Муртазиной (2016). Для групп, придерживающихся религиозных канонов, характерна «самоценность», показывающая высокую оценку своего духовного потенциала. Для тех, кто не придерживается каких-либо религиозных канонов, присуще «саморуководство», они считают свое «Я» внутренним стержнем, который организует их личность, деятельность, общение [6].

Изучению самоотношения в связи с защитно-совладающим поведением в юношеском возрасте посвящена работа К.Ю. Ануфриюк. Выявлены различия у юношей и девушек с разным уровнем самоотношения. С высоким уровнем самоотношения в большей степени понимают и одобряют себя, интересуются собственными чувствами и мыслями, но при этом они имеют склонность к самообвинению: принятие себя не мешает им видеть в себе недостатки, обвинять себя в чем-либо. В то время как испытуемым с низким уровнем самоотношения свойственно вымещать негативные эмоции на более слабых и безопасных объектах, возвращаться в стрессовой ситуации к более незрелым онтогенетическим паттернам поведения и избегать проблем, в то же время они готовы принимать ответственность на себя за возникновение проблемной ситуации. Практически все копинг-стратегии, за исключением планирования и переоценки, сопряжены с негативными аспектами самоотношения [2].

Особый интерес и актуальность представляет исследование особенностей самоотношения и копинг-стратегий на новом этапе социализации в юношеском возрасте – этапе окончания школы и профессиональной подготовки в педагогическом университете. Теоретическую основу проведенного исследования определяет концепция самоотношения В.С. Столина, положения о структуре самоотношения С.Р. Пантилеева, теоретические идеи Р. Лазаруса, К.Ю. Ануфриюк. Целью исследования стало изучение копинг-стратегий у студентов с высоким и низким уровнем самоотношения, обучающихся на разных факультетах.

Организация и методы исследования

В исследовании, проводимом на базе педагогического университета, принимали участие студенты второго курса филологического факультета и факультета информатики и экономики. Для изучения поставленной проблемы использовалась методика исследования самоотношения (МИС)

С.Р. Пантилеева; опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, С. Фолкмана (стандартизирована в НИПНИ им. Бехтерева). Результаты исследования были подвергнуты статистической обработке с применением кластерного анализа и *t*-критерия Стьюдента.

Результаты исследования и их обсуждение

Для проверки предположения о специфике в выборе копинг-стратегий студентами с разными значениями самооотношения было сформировано две группы испытуемых: с высоким (кластер 1) и низким (кластер 2) уровнем самооотношения. Для выявления различий по изучаемым показателям использовался *t*-критерий Стьюдента.

Сравнительный анализ показателей копинг-стратегий в двух кластерах выявил некоторую специфику их проявления (табл. 1).

Таблица 1

Статистически значимые различия копинг-стратегий студентов с высоким и низким уровнем самооотношения

Показатели	Средние значения		Достоверность различий	
	Высокий уровень самооотношения	Низкий уровень самооотношения	<i>t</i>	<i>p</i>
Конфронтация	54,90	51,27	1,21	0,233
Принятие ответственности	51,41	55,90	-2,14*	0,037
Планирование решений	54,28	47,73	2,86**	0,006
Бегство / избегание	58,34	62,53	-1,66	0,102

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Испытуемые первого кластера с высоким уровнем самооотношения, по сравнению с испытуемыми второго кластера, чаще выбирают стратегию «планирование решений» ($p \leq 0,01$). Они предпринимают попытки преодолевать проблемы за счет целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, выработки стратегии разрешения проблемы, планирования собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов. Скорее всего, положительное отношение к себе придает уверенность в своих силах, возможностях и позволяет занимать активную позицию в сложных ситуациях и успешно преодолевать возникающие трудности.

Установлено также, что у студентов с высоким уровнем самооотношения преобладает на незначимом уровне стратегия «конфронтации» ($p \leq 0,2$), которая предполагает импульсивность в поведении, трудности планирования действий, прогнозирования их результата, коррекции стратегии поведения, неоправданное упорство.

В свою очередь, испытуемые с низким уровнем самооотношения предпочитают стратегию «принятие ответственности» ($p \leq 0,05$), что предполагает признание своей роли в возникновении проблемы

и ответственности за ее решение. Они стремятся понять зависимость между собственными действиями и их последствиями и готовы анализировать свое поведение, искать истоки актуальных трудностей в личных недостатках и ошибках. Это может приводить к неоправданной самокритике и самобичеванию, переживанию чувства вины и хронической неудовлетворенности собой. Вероятно, у студентов, выбирающих эту копинг-стратегию, существует высокий риск необоснованной самокритики и развития депрессивных состояний.

У студентов второго кластера также прослеживается некоторая склонность к стратегии «бегство / избегание» ($p \leq 0,1$), что говорит о возможности инфантильных форм поведения в стрессовых ситуациях: отрицание либо полное игнорирование проблемы, уклонение от ответственности и действий по разрешению возникших трудностей, пассивность, нетерпение, погружение в фантазии, формирование «вредных» привычек, компенсирующих эмоциональное напряжение.

Наши данные об особенностях выбора копинг-стратегий испытуемыми с разным уровнем самоотношения аналогичны результатам исследования, представленным в работе К.Ю. Ануфриюк и А.В. Постаниной [2].

Для проверки гипотезы о возможной специфике совладающего поведения и показателей самоотношения студентов с разными профессиональными предпочтениями, обучающимися на разных факультетах (филологическом и факультете информатики и экономики), было проведено сравнение средних значений изучаемых показателей (табл. 2).

Таблица 2

Статистически значимые различия показателей самоотношения студентов разных факультетов

Показатели	Филологи	«Информатики»	Достоверность различий	
			t	p
Замкнутость	5,46	6,05	-1,56	0,126
Самоуверенность	5,04	6,00	-1,75	0,087
Внутренняя конфликтность	6,32	4,70	2,77**	0,008

Примечание. ** $p < 0,01$.

Выявлены некоторые отличия в показателях самоотношения, а именно: у студентов-филологов, по сравнению со студентами-«информатиками», на значимом уровне выше показатель «внутренняя конфликтность и самообвинение» ($p \leq 0,01$). То есть они более склонны к самокопанию, рефлексии, имеют место внутренние конфликты, сомнения, несогласия с собой, а также выраженность отрицательных эмоций в адрес своего «Я».

В то же время у студентов-«информатиков» на незначимом уровне выше такие показатели, как «замкнутость» ($p \leq 0,1$), т.е. выраженное защитное

поведение, желание соответствовать общепринятым нормам; «самоуверенность» ($p \leq 0,08$) – ощущение силы собственного «Я», высокая смелость в общении.

Полученные данные о некоторых особенностях самоотношения студентов, обучающихся на разных факультетах, согласуются с результатами исследования Е.А. Евтушенко [4], что, по мнению автора, находит свое отражение в их профессиональном самоопределении, а также может быть обусловлено спецификой их профессиональной подготовки.

Исследование копинг-стратегий студентов разных факультетов значимых различий не выявило. На уровне тенденции обнаружено различие по двум копинг-стратегиям – «дистанцирование» и «принятие ответственности», которые несколько чаще используют студенты филологического факультета. В стрессовой ситуации они стремятся преодолевать негативные переживания за счет субъективного снижения ее значимости и эмоциональной вовлеченности, а также более склонны нести ответственность за собственные решения.

Выводы

1. Специфика выбора копинг-стратегий в юношеском возрасте в определенной степени определяется уровнем самоотношения испытуемых. Студенты с высоким уровнем самоотношения в стрессовых ситуациях более конструктивны в выборе копинг-стратегии «планирование решения», позволяющей анализировать ситуацию, просчитывать возможные варианты поведения и планировать собственные действия. Студенты с низким уровнем самоотношения чаще используют стратегию «принятие ответственности», они осознают связь между собственными действиями и их последствиями, но в то же время склонны к самокритике и хронической неудовлетворенности собой.

2. Имеют место некоторые отличия в показателях самоотношения у студентов, обучающихся на разных факультетах. Студенты филологического факультета более склонны к внутренней конфликтности и самообвинению, а у студентов факультета информатики и экономики имеется тенденция к проявлениям защитного поведения и желание соответствовать общепринятым нормам, а также более выражено ощущение силы собственного «Я». Специфика профессиональной направленности студентов не обуславливает выбор копинг-стратегий.

Список литературы

1. Адамова Л.Е. Изменение самоотношения личности в ситуациях успеха и неуспеха в учебной и профессиональной деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – Ставрополь, 2003. – 24 с.

2. Ануфриюк К.Ю., Постанина А.В. Самоотношение в связи с защитно-совладающим поведением в юношеском возрасте [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2019. – № 26. – URL: <https://moluch.ru/archive/264/61302/>

3. Бочарова Е.Е. Стратегии совладающего поведения личности различных возрастных групп [Электронный ресурс] // Russian Journal of Education and Psychology. – 2015. – № 5 (49). – С. 580–589. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-sovladayuschego-povedeniya-lichnosti-razlichnyh-vozrastnyh-grupp>

4. Евтушенко Е.А. Профессиональные предпочтения подростков с разными характеристиками самоотношения [Электронный ресурс] // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2014. – № 39-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-predpochteniya-podrostkov-s-raznymi-harakteristikami-samootnosheniya>
5. Жигалова А.В. Исследование взаимосвязи копинг-стратегий и особенностей самоотношения людей с ограниченными возможностями: автореф. магистер. раб.: 37.04.01. – Саратов, 2016. – 14 с.
6. Муртазина Э.И., Дроздикова-Зарипова А.Р., Касимова Р.Ш. Взаимосвязь самоотношения и копинг-стратегий в юношеском возрасте // Проблемы современного педагогического образования. Сер. Педагогика и психология. – Ялта: РИО ГПА, 2016. – Вып. 51, ч. 7. – С. 368–374.
7. Пантилеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система // Психология самосознания: хрестоматия. – Самара: Бахрах-М, 2020. – С. 208–242.
8. Слабко Т.К., Чернявская В.С. Особенности самоотношения у студентов с разными уровнями адаптированности к вузу [Электронный ресурс] // Концепт. – 2016. – № S11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samootnosheniya-u-studentov-s-raznymi-urovnyami-adaptirovannosti-k-vuzu>
9. Столин В.В. Самосознание личности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 288 с.
10. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. – М.: Наука, 1977. – 109 с.
11. Шагалина М.Н. Особенности копинг-поведения в юношеском возрасте [Электронный ресурс] // Международный студенческий научный вестник. – 2018. – № 5. – URL: <http://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=19052>
12. Lazarus R., Folkman S. Stress, Appraisal and Coping. – N.Y., 1984.

УДК 796.01:159.9

DOI: 10.24412/2308-717X-2021-1-72-77

Барковская Дарья Валерьевна

магистрант I курса кафедры педагогики и психологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Сибирская, 24, (342) 215-18-76 (доб. 418)
e-mail: silina.dv@mail.ru*

ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ ПОДРОСТКОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ СПОРТОМ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Darya V. Barkovskaya

First-year Master's Student of the Department of Pedagogy and Psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaya, 614990, Perm, Russia
e-mail: silina.dv@mail.ru*

PERSONAL RESOURCES OF TEENAGERS ENGAGED IN SPORTS (TO THE PROBLEM STATEMENT)

Аннотация. Представлен теоретический анализ исследований личностных ресурсов подростков, занимающихся спортом. Рассмотрена специфика некоторых аспектов психологии спорта. Изучены взгляды отечественных и зарубежных исследователей на данную проблему: ресурсная концепция С. Хобфолла, концепция личностного потенциала Д.А. Леонтьева, теоретические идеи системно-деятельностного подхода А.Г. Асмолова, модель структуры личности спортсменов Л.К. Серовой.

Ключевые слова: личностные ресурсы, психология спорта, подростковый возраст, ресурсная концепция.

Abstract. The article presents a theoretical analysis of the research of personal resources of teenagers engaged in sports. The specifics of some aspects of sports psychology are considered. The views of domestic and foreign researchers on this problem are studied: the resource concept of S. Hobfall, the concept of personal potential of D.A. Leontiev, the theoretical ideas of the system-activity approach of A.G. Asmolov, the model of the structure of the personality of athletes by L.K. Serova.

Key words: personal resources, sports psychology, adolescence, resource concept of S. Hobfall.

Проблема исследования особенностей личностных ресурсов спортсменов-подростков в настоящее время является ведущей в спортивно-психологической проблематике. Сейчас подрастающему поколению важно понимать, как спортивная деятельность оказывает воздействие на их социальное и личностное развитие. Данная тематика строится на универсальных подходах отечественной и зарубежной психологии в изучении личностных ресурсов.

С психологической точки зрения понятие «ресурс» рассматривается как фактор преодоления кризисных ситуаций, вызываемых различными внешними факторами. В последние годы широкое распространение в психологии приобрел ресурсный подход, зародившийся в гуманистической психологии, в рамках которой важное место заняло изучение конструктивного начала личности, позволяющего преодолевать трудные жизненные ситуации.

Проблема ресурсов неоднократно поднималась в работах как отечественных психологов (Б.Г. Ананьев, Д.А. Леонтьев, В.А. Бодров, А.Г. Асмолов, Н.Е. Водопьянова, В.А. Толочек), так и зарубежных (П. Балтеса, Э. Динера, Р. Лазаруса, С. Фолкман, С. Мадди, С. Хобфолла, Р. Баумейстера и др.).

Одним из первых отечественных психологов, обративших внимание на актуальность вопроса о личностных ресурсах, стал Б.Г. Ананьев, предполагающий, что в будущем можно будет построить «общую модель резервов и ресурсов личности, которые проявляют себя в самых различных направлениях в зависимости от реального процесса взаимодействия человека с жизненными условиями внешнего мира и от структуры личности самого человека» [2].

Продолжая идею влияния внешних и внутренних факторов среды на деятельность человека и его психологическое благополучие, Д.А. Леонтьев подробно описывает ее в концепции личностного потенциала, в которой личностные ресурсы рассматриваются в русле системно-деятельностного подхода. В рамках данной концепции личностные ресурсы понимаются как относительно стабильные свойства личности (черты, когнитивные и поведенческие стратегии, атрибутивные схемы), способствующие решению актуальных для личности задач, в том числе в сложных условиях деятельности.

Д.А. Леонтьев выделяет четыре вида ресурсов: психологические ресурсы устойчивости; психологические ресурсы саморегуляции; мотивационные ресурсы; инструментальные ресурсы. Именно личностный потенциал определяет, насколько психологическое благополучие и качество жизни личности зависит от нее самой, а не от благоприятного стечения обстоятельств [1].

Продолжая изучение личностных ресурсов в рамках системно-деятельностного подхода, А.Г. Асмолов утверждает, что вклад различных психологических образований (в нашем случае – ресурсов личности) в процесс и результат деятельности не фундаментален, а определяется их местом в структуре деятельности и системными связями с другими переменными (факторами среды и мотивации).

О ресурсах как о процессах актуализации внешних и внутренних условий, способствующих вовлечению новых составляющих в активность субъекта, установлению связей между новыми и прежними составляющими

и приводящих к порождению новых структур и состояний, говорит В.А. Толочек. Автор выделяет: внесубъектные ресурсы – условия среды; интересубъектные ресурсы – процессы взаимодействия людей; интрасубъектные – индивидуальные особенности субъекта [11].

Научный интерес вызывает изучение понятия «ресурсы» в рамках развития теории психологического стресса. В.А. Бодров определяет его следующим образом: «Ресурсы являются теми физическими и духовными возможностями человека, мобилизация которых обеспечивает выполнение его программы и способов (стратегий) поведения для предотвращения или купирования стресса». По мнению Н.Е. Водопьяновой, ресурсы – это внутренние и внешние переменные, способствующие психологической устойчивости в стрессогенных ситуациях; это эмоциональные, мотивационно-волевые, когнитивные и поведенческие конструкты, которые человек актуализирует для адаптации к стрессогенным / стрессовым трудовым и жизненным ситуациям, это средства (инструменты), используемые им для трансформации взаимодействия со стрессогенной ситуацией [8].

В зарубежной психологической науке значимой теоретической базой по изучению личностных ресурсов является ресурсная концепция С. Хобфолла. Согласно его концепции, *ресурсы – это ценности, которыми обладает индивид или сообщество, а также средства, способствующие развитию, сохранению и преумножению этих ценностей.*

Ядром данной концепции и основой для работы с человеком по выявлению и аккумуляции ресурсов личности является принцип «консервации» ресурсов: человек стремится получить и сохранить то, что ценно для него, и старается оптимально использовать свои ресурсы; вместе с этим человек стремится восстановить потерянные и приобрести новые ресурсы.

Рассматривая ресурсную концепцию С. Хобфолла, можно говорить о следующей классификации ресурсов:

- 1) *материальные ресурсы* – материальный ценности, которыми обладает индивид, например, квартира, машина или земля;
- 2) *нематериальные ресурсы* – это желания личности, его цели;
- 3) *внешние ресурсы* – совокупность всех социальных статусов индивида, которые обеспечивают его определенное положение в обществе и дают доступ к другим ресурсам;
- 4) *внутренние ресурсы* – нематериальные ресурсы, такие как время или знания, которые могут быть инвестированы в какую-либо деятельность для получения других ресурсов, а также личностные ресурсы, такие как персональные качества человека, которые отражают его индивидуальные особенности [7].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что личностный ресурс содержит в себе потенциальные возможности реагирования, которые могут актуализироваться в конкретной ситуации в соответствии с требованиями определенной деятельности. В соответствии с проблематикой данной статьи нами рассматриваются взаимосвязи личностных ресурсов и требований спортивной деятельности.

Один из современных подходов к пониманию структуры личности спортсменов – это разработанная Л.К. Серовой модель личности, которая состоит из следующих компонентов: поведенческий, мотивационный, интеллектуальный, эмоционально-волевой, коммуникативный, гендерный (рисунок) [10].

Обобщенная модель личности спортсмена

Спортивная деятельность обеспечивает особенности социального и личностного развития, в том числе в подростковом возрасте. Она является видом общественно полезной деятельности, в которой реализуется потребность подростков в самоопределении, самовыражении, признании взрослыми.

В межпредметной области психологии личности, спортивной психологии и психологии подростков исследованы различные аспекты ресурсов на основе методологии гуманистической, глубинной психологии, бихевиоризма, деятельностного подхода [9].

Подростковый возраст обычно характеризуется как переломный, переходный, критический, трудный, возраст полового созревания. В настоящее время в работах Г.Б. Горской, Л.П. Грибковой, И.И. Бойко изучены психологические новообразования личности подростков, занимающихся различными видами спорта на уровне массового спорта и спорта высших достижений.

Л.П. Грибкова выделила три личностных фактора, обеспечивающих надежность (эффективность и стабильность) спортивной деятельности у представительниц художественной гимнастики (испытуемые 13–23 лет): волевой; мотивационный (особенности развития потребности в достижении);

показатели свойств нервной системы (возбуждение и уравновешенность) и темперамента.

У более надежных гимнасток выявлена выраженная ориентация на успех, высокий адекватный уровень притязаний, активность в достижении поставленных целей в сочетании с невысокой тревожностью, силой, подвижностью и уравновешенностью нервной системы, развитые волевые качества, направленность на решение сложных и трудных задач. Менее надежные спортсменки характеризуются активностью и волей, направленными на решение простых задач и избегание неудачи. У данных спортсменок слабо развита выдержка и самообладание, в их мотивационной сфере доминирует страх перед неудачей, для них более характерны слабость и неуравновешенность нервных процессов, эмоционально-волевая нестабильность и личностная тревожность [6].

Если рассматривать мотивационный компонент спортивной деятельности согласно И.И. Бойко, то развитие мотивации достижения у спортсменов-подростков, обучающихся в детско-юношеских спортивных школах, это одна из самых главных задач учебно-воспитательной, тренерской и педагогической работы; ее успешное решение позволяет развивать спортивные способности школьников и формировать их личность. Выявление уровня выраженности этих компонентов и установление их взаимосвязи позволяет осуществлять изучение мотивации достижения с позиций системного подхода [3].

Проблемы дисгармонии в личностном развитии подростков, которые могут возникнуть в ответ на углубленные занятия спортом, в своих работах обсуждает Г.Б. Горская. Автор считает, что необходимо учитывать особенности адаптации юных спортсменов к жизни вне спорта и после завершения спортивной карьеры.

В этой связи существенна проблема формирования самосознания спортсменов-подростков как сужение Я-концепции до представления о себе только как спортсмене, как правило, происходящего под влиянием взрослых, концентрирующих внимание юных спортсменов на самоутверждении через спорт.

Другая проблема – дефицит общения со сверстниками, поскольку спорт для спортсменов-подростков является практически единственным институтом социализации. Как отмечает Г.Б. Горская, юные спортсмены в интервью говорят о том, что у них нет друзей, что они опасаются корыстных мотивов интереса сверстников к общению с ними [4, 5].

Таким образом, несмотря на то, что термин «личностные ресурсы» стал популярным и активно используется в психологических исследованиях, вопрос о функциональном значении личностных ресурсов в области спорта подростков поднимается редко, и к настоящему времени попыток объемного теоретического осмысления конкретных функций личностных ресурсов и механизмов их действия сделано не было. Данная постановка вопроса является важным шагом в изучении психологических процессов и роли личностных ресурсов в регуляции спортивной деятельности подростков.

Планируя проведение собственного исследования у подростков-спортсменов, мы предполагаем, что подростки, регулярно занимающиеся спортом, имеют наиболее высокий уровень личностных ресурсов, по сравнению с подростками, не практикующими спортивные виды деятельности.

Теоретической основой предстоящего эмпирического исследования являются: ресурсная концепция С. Хобфолла, концепция личностного потенциала Д.А. Леонтьева о влиянии внешних и внутренних факторов среды на деятельность человека и психологическое благополучие, теоретические идеи системно-деятельностного подхода А.Г. Асмолова (факторы среды и мотивации), модель структуры личности спортсменов Л.К. Серовой.

Результаты исследования данной проблемы могут помочь спортивным психологам, тренерам, педагогам спортивных и общеобразовательных учебных заведений в формировании свойств личности подростков, которые будут способствовать его успешной реализации в спортивной деятельности и в жизни.

Список литературы

1. Александрова Л.А. Субъективная витальность как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – С. 382–403.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с. – (Сер. «Мастера психологии»).
3. Бойко И.И. Мотивация достижения у подростков-спортсменов и ее развитие в процессе проведения коррекционно-тренинговых занятий: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Иркутск, 2006.
4. Горская Г.Б. Психологические факторы самореализации профессионалов высокого класса (на материале спортивной деятельности): дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. – Краснодар, 1999. – 322 с.
5. Горская Г.Б. Психологическое обеспечение многолетней подготовки спортсменов. – Краснодар, 1995. – 186 с.
6. Грибкова Л.П. Влияние личностных особенностей гимнасток на надежность спортивной деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Л.: ГДОИФК, 1986. – 16 с.
7. Иванова Т.Ю. Теория сохранения ресурсов как объяснительная модель возникновения стресса // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013 – Т. 10, № 3. – С. 119–135.
8. Калашникова С.А. Личностные ресурсы как интегральная характеристика личности // Молодой ученый. – 2011. – № 8 (31), т. 2. – С. 84–87.
9. Новицкая М.С. Личностные факторы успешности подростков в танцевальном спорте: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – М., 2016. – 27 с.
10. Серова Л.Л. Личностные качества спортсмена // Ученые записки: науч.-теор. журн. – 2006. – Вып. № 20. – С. 75–78.
11. Толочек В.А. Стили деятельности: ресурсный подход. – М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2015. – 366 с.

УДК 159.9.072.43

DOI: 10.24412/2308-717X-2021-1-78-88

Попова Татьяна Ананьевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия**614990, Пермь, Букирева, 15, (342)239-65-75**e-mail: permtan@yandex.ru***ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛОКУСА РОЛЕВОГО КОНФЛИКТА И ЛИЧНОСТНЫХ СВОЙСТВ В СРЕДНЕМ И ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ****Tatyana A. Popova**

Ph. D., Associate Professor at Department of Developmental Psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education**«Perm State National Research University»**15, Bukireva, 614990, Perm, Russia**e-mail: permtan@yandex.ru***THE RELATIONSHIP BETWEEN THE LOCUS OF ROLE CONFLICT AND PERSONALITY TRAITS IN MIDDLE AND OLD AGE**

Аннотация. Представлены результаты исследования локуса ролевого конфликта и его взаимосвязи с самоотношением, смысложизненными ориентациями и свойствами личности в среднем и пожилом возрасте. В условиях пандемии социальная вовлеченность пожилых людей в активную профессиональную и социальную жизнь резко ограничивается. Эксклюзия пожилых людей может переживаться ими как ролевой конфликт и влиять на особенности ролевого поведения в целом. Выявлено, что характер и плотность корреляций между показателями в выборках среднего и пожилого возраста различны. Выяснилось, что локус ролевого конфликта в выборке респондентов 50–63 лет коррелирует с самопринятием, самоуважением, аутосимпатией, социальной смелостью, смысложизненными ориентациями, а в выборке 64–80-летних – с самопринятием, нормативностью, чувствительностью.

Ключевые слова: локус ролевого конфликта, самоотношение, смысложизненные ориентации, свойства личности, зрелый и пожилой возраст, пандемия COVID-19.

Abstract. The article presents the results of the study of the locus of role conflict and its relationship with self-attitude, life-meaning orientations and

personality traits in middle and old age. In the context of the pandemic, the social involvement of older people in active professional and social life is sharply limited. The exclusion of older people can be experienced by them as a role conflict and affect the features of role behavior in general. It is revealed that the nature and density of correlations between the indicators in the middle-aged and elderly samples are different. It was found that the locus of role conflict in the sample of respondents aged 50–63 years correlates with self-acceptance, self – esteem, autosympathy, social courage, life orientations, and in the sample of 64–80 years-with self-acceptance, normativity, sensitivity.

Key words: locus of role conflict, self-attitude, life orientations, personality traits, mature and elderly age, COVID-19 pandemic.

В 2020 г., когда человечество столкнулось с новой реальностью – коронавирусной инфекцией, люди пожилого возраста (65+) стали группой высокого риска, особой защиты и вынужденной изоляции. Пандемия, охватившая мир, выходит за рамки нормального человеческого опыта, угрожая жизни и здоровью людей [8]. Являясь экстремальной и кризисной ситуацией жизнедеятельности, она изменяет модели социального поведения [6]. Концепции «успешного», «позитивного», «благополучного», «эффективного старения» в позднем онтогенезе и такие личностные ресурсы, как удовлетворенность жизнью и контроль над ней, способность к адаптации и совладанию [1, 2, 9, 10] в условиях реальной угрозы жизни и здоровью требуют экзистенциального переосмысления.

Появляются работы, в которых обсуждается проблема кризиса концепции социальной включенности (инклюзии) пожилых людей, которая сменяется временной эксклюзией во время пандемии, правомерно ставятся вопросы о формировании новых концепций старения в социальных науках [5]. Длительная самоизоляция во время карантина ограничила социальную активность пожилых людей, сузила их личностные контакты, сформировала осознание уязвимости, тревоги и страха за собственную жизнь и жизнь своих близких [8]. Кризисные переживания могут проявляться в подобных ситуациях как ролевые конфликты, которые П.П. Горностай рассматривает как устойчивую тенденцию личности, а склонность человека выбирать интернальную или экстернальную стратегию поведения называет локусом ролевого конфликта [3, 4].

Ролевые конфликты в пожилом возрасте могут проявляться как социальная и личная дезориентация, конфликт гендерной роли [7], отход от решения насущных проблем, отрицание жизненных ценностей и ориентиров, «жизни одним днем» [7].

Источником ролевого конфликта может быть «перегрузка роли», в частности, переход работающего пожилого человека «на удаленку», овладение новыми онлайн-технологиями либо длительное «отлучение» от работы во время карантина и вынужденное бездействие, ограничение общения с близкими людьми, социальная изоляция. Во время карантина резко ограничиваются возможности социальной самореализации пожилых людей, которую Л.А. Головей

и др. [2] рассматривают как продуктивное средство преодоления социально-ролевых конфликтов.

Роловые конфликты занимают в изменившейся жизненной ситуации во время пандемии COVID-19 особое место. Пожилые люди испытывают большие сложности при переживании ролевых конфликтов, поисках новых смыслов, меняющегося отношения к себе, страха за свое здоровье и здоровье родных и близких людей.

В то же время средний возраст – возраст зрелости, рассматриваемый традиционно как продуктивный, как возраст акме, вершины личностного и профессионального развития, в сегодняшнем изменившемся мире также сталкивается с серьезными экономическими и социальными проблемами. В ситуации локдауна это и смена образа жизни (работа в режиме онлайн), и страх болезни, и реальная потеря работы и здоровья могут переживаться как кризисные противоречия психологических ролей человека. Выбор интернальной или экстернальной стратегии поведения в ролевом конфликте во многом определяется качествами самой личности, ее системой ценностей и смысложизненных ориентаций, а также отношением человека к самому себе.

Именно с этих позиций изучение ролевых конфликтов, смысложизненных ориентаций, самоотношения и свойств личности на разных этапах онтогенеза нам представляется весьма актуальным.

Актуальность проблемы определила цель и гипотезы исследования.

Основная цель исследования состояла в изучении особенностей локуса ролевого конфликта, личностных свойств, самоотношения и смысложизненных ориентаций у людей среднего и пожилого возраста.

Цель исследования определила следующие гипотезы.

1. Существуют различия показателей локуса ролевого конфликта, свойств личности, смысложизненных ориентаций и самоотношения в среднем и пожилом возрасте.

2. Существует взаимосвязь показателей локуса ролевого конфликта, свойств личности, смысложизненных ориентаций и самоотношения в среднем и пожилом возрасте.

3. Характер взаимосвязей между показателями локуса ролевого конфликта, личностными свойствами, смысложизненными ориентациями и самоотношением в изучаемых выборках различен.

Основные задачи исследования:

1) изучить особенности локуса ролевого конфликта у людей среднего и пожилого возраста;

2) изучить личностные свойства, отношение к себе и смысложизненные ориентации людей среднего и пожилого возраста;

3) сравнить показатели личностных свойств, смысложизненных ориентаций, отношения к себе и локуса ролевого конфликта в изучаемых выборках;

4) исследовать и сравнить характер взаимосвязей данных показателей в изучаемых выборках.

Для проверки гипотез были выбраны следующие методики:

1. Шкала локуса ролевого конфликта П.П. Горностая
2. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева
3. Сокращенный вариант личностного опросника Р. Кеттелла 16PF
4. Опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантеев)

Для проверки гипотез был применен следующий диагностический инструментарий:

1. Вариант С личностного опросника Р. Кэттелла 16 PF
2. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева
3. Опросник «Шкала локуса ролевого конфликта» П.П. Горностая
4. Опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантеев)

Были использованы следующие методы математической статистики: критерий Колмогорова – Смирнова (для выявления подчинения данных закону нормального распределения), критерий Манна – Уитни (для сравнения изучаемых показателей в разных возрастных группах); ранговый коэффициент корреляции Спирмена (для выявления взаимосвязей между свойствами изучаемых показателей внутри групп разного возраста). Расчет проводился с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 22.

Общая выборка испытуемых составила 70 человек, живущих в г.Березники Пермского края (из них 36 респондентов в возрасте от 50 до 63 лет; 34 респондента – в возрасте от 64 до 80 лет).

Исследование проходило частично с помощью интернет-ресурса Online Test Pad.

Обсуждение результатов

Для проверки первой гипотезы о том, что существуют различия показателей локуса ролевого конфликта, свойств личности, смысложизненных ориентаций и самоотношения в среднем и пожилом возрасте, было произведено сравнение показателей между собой по двум группам. Для проведения анализа был использован непараметрический *U*-критерий Манна – Уитни. Непараметрическая статистика была выбрана в силу того, что с помощью критерия Колмогорова – Смирнова было доказано, что часть переменных не подчиняется закону нормального распределения.

Мы обнаружили только одно значимое различие по шкале «Q1» Кеттелла (консерватизм – радикализм) в изучаемых выборках ($U = 712,5$, $p < 0,05$). Респонденты среднего возраста менее консервативны, более критичны и более гибко решают проблемы и ролевые конфликты, чем респонденты пожилого возраста.

Таким образом, гипотеза о существовании различий между показателями в группах респондентов, выделенных по возрасту, подтвердилась лишь частично.

Для проверки второй и третьей гипотез был проведен корреляционный анализ показателей по Спирмену. Результаты специфики корреляций в группе респондентов среднего возраста представлены на рис. 1.

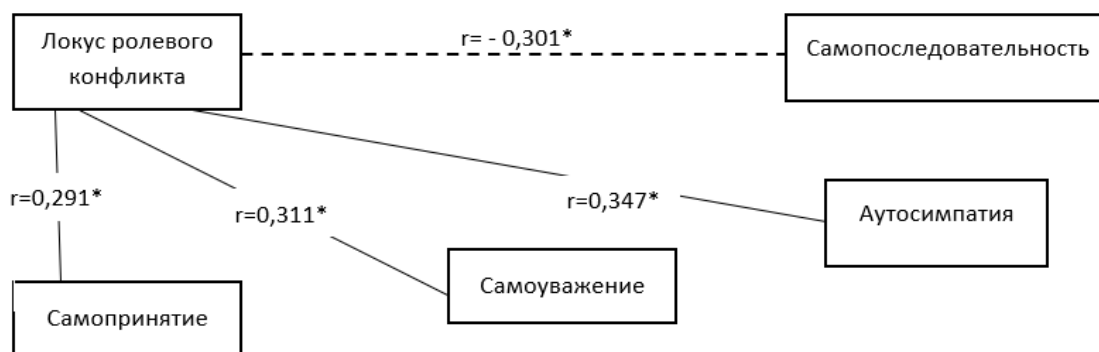

Рис. 1. Взаимосвязь показателей локуса ролевого конфликта и самооотношения в выборке испытуемых среднего возраста

Рассмотрим корреляции между показателями локуса ролевого конфликта и показателями самооотношения МИС в выборке испытуемых среднего возраста (50–63 года). Выявлена значимая умеренная положительная взаимосвязь между шкалой «локус ролевого конфликта» и шкалой МИС «самоуважение» ($r = 0,311^*$, $p < 0,05$). Данная корреляция предполагает, что при интернальном переживании ролевого конфликта человек уверен в себе, в том, что он разрешит внутриличностную проблемную ситуацию, реалистично оценив свои возможности и сохранив самоконтроль.

И наоборот, у человека с экстернальным локусом ролевого конфликта снижается уровень самооценки, повышается неверие в собственные силы, его поведение зависит от внешних обстоятельств и оценок.

Также выявлена значимая умеренная положительная взаимосвязь ($r = 0,347^*$, $p < 0,05$) между шкалой «локус ролевого конфликта» и шкалой МИС «аутосимпатия». Мы интерпретируем данную взаимосвязь следующим образом: поведение человека, переживающего ролевой конфликт, связано с положительным либо негативным отношением к собственному «Я». Экстерналы строят отношение к себе, ориентируясь на внешние социальные оценки, в ситуации ролевого конфликта их самооценка и аутосимпатия понижается. Люди с явно выраженным интернальным типом конфликта социальных ролей доверяют себе, собственной идентичности и одобряют свои поступки и выборы.

Была выявлена значимая слабая положительная взаимосвязь между шкалой «локус ролевого конфликта» и шкалой МИС «самопринятие» ($r = 0,291^*$, $p < 0,05$).

О чем может говорить данная корреляция? Стратегия поведения человека в социальном конфликте ролей связана с уровнем его самопринятия. Чем более личность принимает себя, тем чаще выбирает интернальную ориентацию в ситуациях выбора, осознавая личностную ответственность за свой выбор.

Выявлена значимая умеренная отрицательная взаимосвязь ($r = -0,301^*$, $p < 0,05$) между шкалой «локус ролевого конфликта» и шкалой МИС «самопоследовательность». Человек выбирает стратегию социального

поведения, понимая, что он сам является источником активности в различных видах деятельности и социальных отношений.

В то же время нами обнаружен противоречивый факт. С возрастанием показателей по шкале «локус ролевого конфликта» у испытуемых среднего возраста снижаются показатели по шкале МИС «самопоследовательность».

Чем объяснить это кажущееся (или реальное) противоречие? С одной стороны, при разрешении ролевых конфликтов интерналы опираются на понимание того, что способны управлять своей судьбой, организуя собственную деятельность и жизнь. С другой стороны, в условиях пандемии, глобальных социальных и личностных ограничений, реальной опасности смертельной инфекции у человека может возникать ощущение неспособности влиять на внешние обстоятельства и противиться им.

Таким образом, человек, у которого выражен интернальный локус, в ситуации ролевого конфликта попадает в условия, препятствующие актуализации внутреннего потенциала личности, ее потребностей и мотивов. В этих ситуациях исключаются способы ухода от ожиданий и требований относительно норм исполнения человеком социальных ролей. Уважение к себе и самопринятие сталкиваются с невозможностью личного влияния и управления, тогда включаются защитные механизмы. Наши данные совпадают с исследованием О.Ю. Стрижицкой, которая отмечает, что в отдельных случаях, когда у человека отсутствует контроль над ситуацией, экстернальный локус может иметь преимущества [11].

Рассмотрим далее характер корреляций между показателями локуса ролевого конфликта и свойствами личности (по методике 16 PF Кеттелла) в выборке испытуемых среднего возраста (рис. 2).

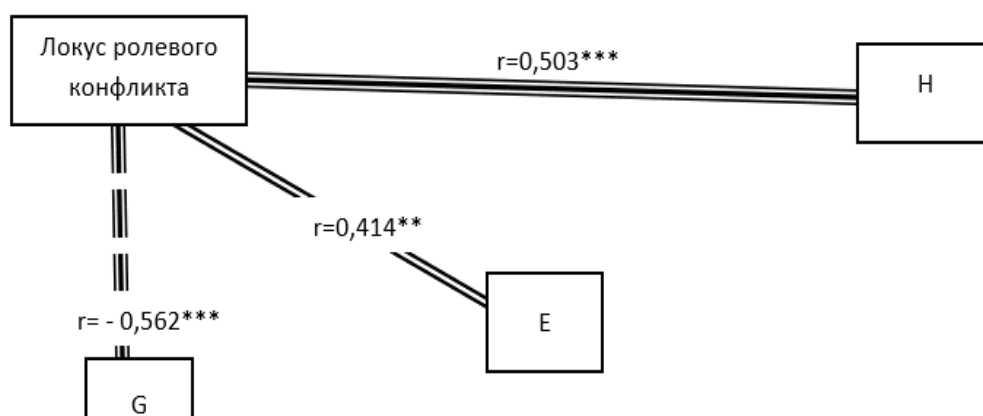

Рис. 2. Взаимосвязь показателей локуса ролевого конфликта и свойств личности (16 PF Кеттелла) в выборке испытуемых среднего возраста

Из рис. 2 видно, что существует значимая умеренная положительная взаимосвязь между шкалой «локус ролевого конфликта» и шкалой «Е» (подчиненность – доминантность) Кеттелла ($r = 0,414^{**}$, $p < 0,01$). Данная корреляция может говорить о том, что интернальная стратегия поведения человека в условиях ролевого конфликта связана с уровнем его доминантности.

Чем более доминантна и уверена в себе личность, тем более интернально она поступает в ситуации ролевых конфликтов. И наоборот, такие свойства, как подчиненность, застенчивость, коррелируют с экстернальным поведением в ситуации ролевого выбора.

Между шкалой «локус ролевого конфликта» и шкалой «Н» (робость – смелость) Кеттелла выявлены значимые средние положительные взаимосвязи ($r = 0,503^{***}$, $p < 0,001$). Интернальная стратегия поведения человека в условиях ролевого выбора связана с социальной смелостью и активностью личности во взаимодействии с другими людьми.

Обнаружены значимые средние отрицательные взаимосвязи между шкалой «локус ролевого конфликта» и шкалой «G» (низкое – высокое супер-эго) Кеттелла ($r = -0,562^{***}$, $p < 0,001$). Чем более выражена интернальность ролевого конфликта, тем более гибок и адаптивен человек к социальным нормам и правилам. Чем выше показатель G Кеттелла, тем более нормативен человек в своем поведении, тем более придерживается правил и норм, действуя порой негибко консервативно.

Рассмотрим далее характер корреляций между показателями ролевого конфликта и СЖО (смыслоразностных ориентаций личности) (рис. 3).

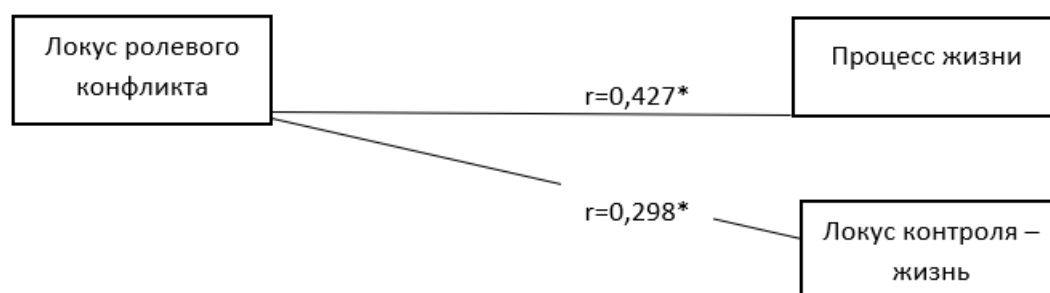

Рис. 3. Взаимосвязь показателей локуса ролевого конфликта и смыслоразностных ориентаций в выборке испытуемых среднего возраста

Как показывает рисунок, существуют значимые умеренные положительные взаимосвязи между шкалой «локус ролевого конфликта» и шкалой СЖО «процесс жизни» ($r = 0,427^{**}$, $p < 0,01$). Стратегия интернального поведения личности в ситуации ролевого конфликта коррелирует положительно с восприятием процесса собственной жизни как эмоционально насыщенного и наполненного смыслом. Личность с экстернальным локусом ролевого конфликта чаще переживает неудовлетворенность своей жизнью в настоящем. Также обнаружены значимые слабые положительные взаимосвязи между шкалой «локус ролевого конфликта» и шкалой СЖО «локус контроля – жизнь» ($r = 0,298^*$, $p < 0,05$). Чем более интернален локус ролевого конфликта, тем более способен человек самостоятельно и сознательно принимать решения и контролировать собственную жизнь. Люди с экстернальным локусом ролевого конфликта, наоборот, уверены, что жизнь далеко не всегда поддается сознательному

контролю, что свобода иллюзорна, и бессмысленно что-либо загадывать на будущее.

Рассмотрим далее характер интеркорреляций между показателями локуса ролевого конфликта, самооотношения, свойств личности и смысложизненных ориентаций в группе респондентов пожилого возраста.

При анализе взаимосвязей между показателями локуса ролевого конфликта и самооотношения в данной выборке обнаружена только одна среднестатистическая положительная взаимосвязь между шкалой «локус ролевого конфликта» и шкалой «самопринятие» МИС ($r = 0,618^{**}$, $p < 0,01$) (рис. 4).

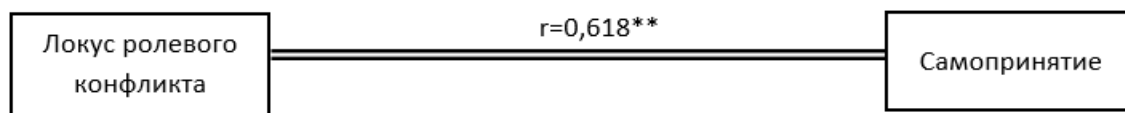

Рис. 4. Взаимосвязь показателей локуса ролевого конфликта и самооотношения в выборке испытуемых пожилого возраста

О чем она говорит? Прежде всего о том, что стратегия поведения человека в условиях выбора, борьбы мотивов коррелирует с аутосимпатией или антипатией человека к себе, согласием (или несогласием) со своими внутренними побуждениями. Чем более интернален локус ролевого конфликта, тем более позитивно человек воспринимает себя, критично оценивая свои достоинства и недостатки. Человек с экстернальным локусом ролевого конфликта не склонен воспринимать себя критично, не принимает все стороны собственного «Я».

Рассмотрим далее характер корреляций между показателями локуса ролевого конфликта и свойствами личности (по методике 16 PF Кеттелла) в выборке пожилых испытуемых (рис. 5).

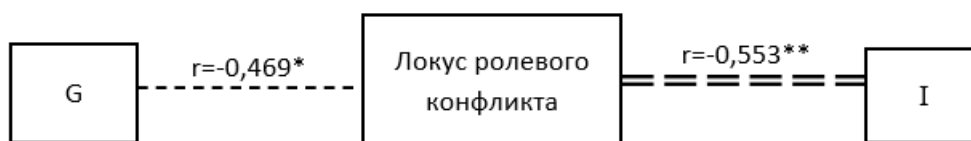

Рис. 5. Взаимосвязь показателей локуса ролевого конфликта со свойствами личности (16 PF Кеттелла) в выборке испытуемых пожилого возраста

Выявлена значимая умеренная отрицательная взаимосвязь между шкалой «локус ролевого конфликта» и шкалой «G» (низкое – высокое супер-эго) Кеттелла ($r = -0,469^*$, $p < 0,05$). Данные интеркорреляты выявлены и в выборке людей среднего возраста, что говорит о сходных тенденциях. Чем выше локус экстернальности, тем выше показатель G Кеттелла, тем более человек ориентирован на социальные нормы и правила, что в условиях социальных ограничений может выступать защитным механизмом личности.

Выявлена значимая средняя отрицательная корреляция ($r = -0,553^{**}$, $p < 0,01$) между локусом ролевого конфликта и шкалой «I» (жесткость – чувствительность) Кеттелла, что говорит о связи ролевого конфликта

с чувственной сферой человека, эмпатией или рациональностью. Пожилые люди с экстернальным локусом ролевого конфликта чаще могут проявлять чувствительность, эмпатию, а порой непрактичность. У людей с интернальным локусом ролевого конфликта ярче проявляются такие черты, как рациональность, рассудочность, гибкость в суждениях.

В то же время в выборке пожилых людей не обнаружены корреляты показателей локуса ролевого конфликта и смысловых ориентаций. Как можно интерпретировать этот факт? Вероятно, в реальных условиях жестких ограничений и самоизоляции, неопределенности и реальных страхов за жизнь новые ролевые паттерны не согласуются со сложившейся системой ценностей и смыслов жизни в пожилом возрасте.

Выводы

1. В результате исследования выявлено значимое различие по шкале «Q1» Кеттелла (консерватизм – радикализм), между группами испытуемых среднего и пожилого возраста. Пожилые люди более консервативны, более устойчивы к традициям и склонны принимать все на веру, менее восприимчивы к новым идеям и переменам.

2. Была выявлена взаимосвязь локуса ролевого конфликта со шкалами МИС «самопринятие / аутосимпатия» и «самоуважение» в обеих выборках. Тот факт, что локус ролевого конфликта положительно связан с самопринятием, согласуется с мнением О.Ю. Стрижицкой о том, что самопринятие является предиктором локуса контроля. В выборке людей среднего возраста шкала «локус ролевого конфликта» дополнительно коррелирует со шкалами МИС «самоуважение» и «самопоследовательность» («саморуководство»).

3. В выборке испытуемых среднего возраста была выявлена отрицательная взаимосвязь локуса ролевого конфликта со шкалой МИС «самопоследовательность» («саморуководство»), вступающая в диссонанс с коррелятами локуса ролевого конфликта и шкалами МИС «самопринятием / аутосимпатией» и «самоуважением», что, по нашему мнению, является следствием кризисной ситуации пандемии.

4. В выборке испытуемых среднего возраста выявлены интеркорреляции показателей локуса ролевого конфликта и смысловых ориентаций. У испытуемых пожилого возраста связей между данными показателями не обнаружено.

5. В выборке испытуемых среднего возраста обнаружены корреляции между локусом ролевого конфликта и свойствами личности (факторы *H*, *E*, *G* Кеттелла). В выборке пожилых людей отсутствует корреляция между локусом ролевого конфликта и фактором *H* (социальная робость – смелость) Кеттелла. В целом взаимосвязь между локусом ролевого конфликта и личностными свойствами подтверждает мнение П.П. Горностая [3], что интернальная и экстернальная ориентации ролевого конфликта являются не только поведенческой реакцией, но и личностной характеристикой.

6. Таким образом, характер взаимосвязей между изучаемыми показателями в обеих группах является различным. У испытуемых среднего возраста наблюдается более высокая плотность интеркорреляций локуса

ролевого конфликта со свойствами личности, системой ценностей и отношением к себе, нежели в выборке респондентов пожилого возраста, что предполагает более устойчивый симптомокомплекс свойств, и может выступать более эффективным ресурсным фактором (либо защитным механизмом) в кризисных условиях жизни.

7. На основании полученных результатов мы можем утверждать, что выявленные нами гипотезы частично и в целом подтвердились.

Заключение

В последние десятилетия проблема пожилого возраста активно обсуждается в многочисленных исследованиях. 2020 г. оказался не только годом испытаний для человечества, но и триггером к переосмыслению парадигмы старения человека.

Поздний онтогенез, который рассматривался как возраст развития, позитивного, благополучного, успешного старения, ученые с осторожностью называют возрастом риска, временной эксклюзии, вынужденной изоляции из-за его большей уязвимости к коронавирусной инфекции, психосоциальной дезадаптации и травматизации. Становится весьма актуальным не только изучение психологических особенностей и проблем развития человека в поздних возрастах в кардинально изменившихся условиях жизни во время пандемии, но и экзистенциальное переосмысление концепций старения.

Список литературы

1. Басов И.А. Взаимосвязь смысла жизни и субъективного благополучия в позднем возрасте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2018. – Т. 7, № 5А. – С. 3–12.
2. Головей Л.А., Криулина А.В. К вопросу о характеристиках субъективного мира личности в период поздней взрослости // Вестник С.-Петербург. ун-та. Психология и педагогика. – 2014. – № 2. – С. 41–50.
3. Горностай П.П. Измерение локуса ролевого конфликта // Психологическая диагностика. – 2004. – №. 3. – С. 88–95. 4
4. Горностай П.П. Личность и роль: Ролевой подход в социальной психологии личности. – Киев: Интерпресс ЛТД, 2007. – 312 с. 3
5. Григорьева И.А., Богданова Е.А. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: Журнал Социальных Исследований. – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 187–211.
6. Касьянов В.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Особенности и проблемы социального поведения в условиях режима самоизоляции российского населения // Гуманитарий Юга России. – 2020. – Т. 9, № 2. – С. 51–63. – DOI: 10.18522/2227-8656.2020.2.3
7. Клецина И.С. Гендерная социализация в пожилом возрасте // Социальная психология и общество. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 22–34. – DOI: 10.17759/sps.2020110302
8. Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Исследования психического состояния людей в условиях пандемии COVID-19 // Современная зарубежная психология. – 2021. – Т. 10, № 1. – С. 48–56.

9. Мелёхин А.И. Психологические модели успешного старения (обзор зарубежных исследований) // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна» (Dubna Psychological Journal). – 2014. – № 2. – С. 44–61.

10. Сергиенко Е.А., Харламенкова Н.Е. Психологические факторы благополучного старения // Вестник С.-Петерб. ун-та. Психология и педагогика. – 2018. – Т. 8, вып. 3. – С. 243–257.

11. Стрижицкая О.Ю. Воспринимаемый стресс, локус контроля и самопринятие: теоретические и эмпирический подходы // Вестник С.-Петерб. ун-та. Психология. – 2019. – Т. 9, вып. 1. – С. 21–31.

УДК 159.947.5:378.14

DOI: 10.24412/2308-717X-2021-1-89-94

Силина Елена Алексеевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии

*e-mail: silina_ea@pspu.ru***Димухаметова Анна Сергеевна**

магистрант II курса кафедры психологии и педагогики

e-mail: annadimukhametova@yandex.ru

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Сибирская, 24, (342) 215-18-49
e-mail: postmaster@pspu.ru*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ У СТУДЕНТОВ РАЗЛИЧНЫХ ПРОФИЛЕЙ

Elena A. Silina

Ph. D., Associate Professor at Department of Pedagogy and Psychology

*e-mail: silina_ea@pspu.ru***Anna S. Dimukhametova**

Second-year Master's Student of the Department of Psychology and Pedagogy

e-mail: annadimukhametova@yandex.ru

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaya, 614990, Perm, Russia
e-mail: postmaster@pspu.ru*

THE CONNECTION OF PERFECTIONISM AND LEARNING MOTIVATION IN STUDENTS OF DIFFERENT PROFILES

Аннотация. В рамках данной статьи выполняется анализ результатов экспериментального исследования, проводимого с целью выявления перфекционистских тенденций и особенностей мотивации достижения у студентов разных направлений подготовки двух вузов – Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета и Пермского государственного научного исследовательского университета.

Ключевые слова: перфекционизм, мотивация достижения, совершенствование, идеализация.

Abstract. Within the framework of this article, the analysis of the results of the experimental study conducted in order to identify the connection of perfectionist tendencies and peculiarities of motivation for achievement of students in different areas of training of two universities – Perm State Humanitarian Pedagogical University and Perm State Scientific Research University is carried out.

Key words: perfectionism, achievement motivation, improvement, idealization.

Феномен перфекционизма в последние десятилетия активно изучается как зарубежными (А. Адлер [1], P.L. Hewitt, G.L. Flett [8], D. Hamachek [7] и др.), так и отечественными учеными (Н.Г. Гаранян [2], А.Б. Холмогорова [6], А.А. Золотарева [4] и др.).

Актуальность исследований связана с развитием современного общества и социальными изменениями, в результате которых личность испытывает различные качественные и количественные модификации. Возрастание требований социума к молодым людям, в которых хотят видеть активных, конкурентоспособных людей, ориентированных на достижение успеха во всех жизненных сферах, создает перспективу для сопоставления собственных персональных потребностей с требованиями современного общества. В связи с этим становится распространенным явление идеализации личности и совершенствования собственной деятельности. В научной литературе такое явление обозначается термином перфекционизм.

Современные исследователи выделяют не только разные типы, но и разную структуру перфекционизма. В настоящее время феноменологическая структура перфекционизма признается многомерной. Вслед за психологами (Д. Хамачек, Н.Г. Гаранян, А.А. Золотаревой и др.) понятие «перфекционизм» нами понимается как сложное явление, которое может иметь как здоровую, так и патологическую форму.

Несмотря на то, что существует несколько теоретических моделей феномена «перфекционизм», многие теоретические аспекты проблемы на сегодняшний день малоизученны. Например, остается малоизученным феномен перфекционизма в контексте мотивации достижения, ввиду того, что ранее данный феномен, изучался с позиций когнитивного подхода или теории личностных черт [3]. Также существует немногочисленное количество исследований о взаимосвязи перфекционизма с мотивацией достижения в студенческой среде.

В этой связи особый интерес нашего эмпирического исследования представляло рассмотрение феномена перфекционизма в контексте мотивации достижения в период студенческой жизни. Поскольку студенты, руководствуясь мотивом достижения, ставят для себя сложные задачи и цели, стараясь решить их наиболее эффективно, опираясь на высокие требования и личные стандарты.

Теоретическое значение нашего исследования состоит в том, что полученные данные позволяют расширить представление об особенностях нормальной формы перфекционизма во взаимосвязи с мотивацией достижения

в студенческой среде. Результаты исследования позволят теоретически обосновать проявления конструктивной формы перфекционизма у студентов вуза.

Практическое значение заключается в информировании студентов об их индивидуальных особенностях, развитии их самосознания, рефлексии действий, а также в учете данных особенностей кураторами групп, заместителями деканов и другими лицами с целью дальнейшей оптимизации учебного процесса.

Целью проводимого нами исследования являлось выявление перфекционистских тенденций и особенностей мотивации достижения у студентов разных вузов и различных профилей.

На основании вышеизложенных положений в нашем исследовании мы предположили, что: 1) показатели перфекционизма могут различаться в зависимости от высших учебных заведений (в нашем случае это студенты Пермского государственного научного исследовательского университета (ПГНИУ) и Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ)); 2) возможно наличие различий в показателях перфекционизма у студентов в зависимости от курсов; 3) в показателях перфекционизма могут быть различия в группах студентов разных направлений подготовки.

Для эмпирического подтверждения наших гипотез мы определили диагностический инструментарий, а также выборку испытуемых. В нашем исследовании приняли участие 73 студента двух разных вузов, различных профилей. В ПГНИУ это студенты первых и третьих курсов направления геофизики и гидрогеологии, в ПГГПУ – студенты первых и вторых курсов групп биологов, математиков и физиков.

Эмпирические методы нашего исследования включали диагностирование формы, уровня перфекционизма и учебной мотивации, с помощью психологических методик, а также методы статистической обработки первичных данных.

Для измерения уровня перфекционизма и определения характера соотношения его составляющих у испытуемого была использована методика «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта в адаптации И.И. Грачевой. В качестве дифференциальной диагностики перфекционизма, использовалась методика «Краткий дифференциальный тест перфекционизма» (А.А. Золотаревой). Учебная мотивация изучалась с помощью методики «Шкала академической мотивации» (Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева и Е.Н. Осина).

В результате исследования после первичной обработки опросников в программе Excel мы осуществили сравнение показателей данных методик у студентов ПГНИУ и ПГГПУ с использованием *t*-критерия Стьюдента, в качестве различительного метода для сравнения независимых выборок.

Проведенный анализ результатов среди групп разных профилей у студентов ПГГПУ не выявил существенно значимых отличий по всем

показателям наших методик, поэтому наше исследование в ПГГПУ будет продолжено.

При сравнительном анализе показателей методик опросников «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта, «Краткий дифференциальный тест перфекционизма» у студентов ПГНИУ значимых различий не было выявлено. Тем не менее значимые отличия показала методика «Шкала академической мотивации», согласно которой студенты первых курсов имеют значительно более выраженную внутреннюю мотивацию в учебе, проявляющуюся в стремлении к высоким результатам, к развитию своих способностей, компетентности в рамках учебной деятельности, чем студенты третьих курсов.

Также стоит отметить, что сравнительный анализ показателей перфекционизма и учебной мотивации у студентов ПГНИУ и ПГГПУ не выявил значимых отличий, тем не менее не значимым, но близким к уровню значимости, оказался показатель внутренней мотивации достижения, который выше у студентов ПГНИУ. Данный показатель свидетельствует о том, что студенты ПГНИУ в большей степени проявляют стремления к высоким результатам в учебной деятельности, чем студенты ПГГПУ.

Таким образом, первая гипотеза нашего исследования не нашла своего подтверждения. (Вероятно, это связано с проведением эксперимента в режиме дистанта, значительная часть студентов не были охвачены диагностикой.)

Вторая гипотеза подтвердилась. Студенты первых и третьих курсов имеют различия в мотивации достижения. Студенты первых курсов имеют значительно более выраженную внутреннюю мотивацию в учебе, которая проявляется в стремлении к высоким результатам, к развитию своих способностей, компетентности в рамках учебной деятельности, чем студенты третьих курсов. При этом незначительный, но близкий к уровню значимости, показатель внешней мотивации указывает на то, что в некоторых случаях у студентов первых курсов существует ситуация вынужденности выполнения учебной деятельности ради повышения самооценки, благодаря достижениям в учебе.

Третья гипотеза нашего исследования частично подтвердилась, но на незначимом уровне. Сравнительный анализ показателей групп внутри вузов, среди студентов разных профилей, позволил выявить ряд незначимых, но наиболее выраженных индивидуальных отличий.

Так, при сравнении студентов ПГГПУ – биологов и математиков – по показателям методик нами установлено, что студентам группы математического факультета более свойственны перфекционистские тенденции, проявляющиеся в чрезвычайно высоких требованиях к окружающим. Также эти студенты обладают более выраженным стремлением к развитию своих способностей, своего потенциала в рамках учебной деятельности и осмысленностью учебной деятельности по сравнению со студентами группы биологов. Согласно *t*-критериальным значениям студентам группы биологов более присущи познавательные мотивы, связанные с интересом к учебной деятельности.

Сравнительный анализ той же группы биологов и студентов факультета физики ПГГПУ также показал более высокую степень выраженности показателя мотивации познания в учебе у биологов. Согласно большей степени выраженности показателя социально предписанного перфекционизма можно сделать вывод, что студенты-биологи в большей степени испытывают потребность соответствовать ожиданиям значимых других, чем студенты-физики.

Сравнительный анализ показателей методик у двух групп математиков и физиков ПГГПУ позволил сделать вывод, что студенты-математики, по сравнению со студентами-физиками, имеют более высокий показатель мотива стремления к совершенству, они склонны к проявлению высоких стандартов к значимым другим. При этом данной группе присуще здоровое стремление к совершенству, проявляющееся в установлении высоких, но достижимых стандартов.

Тем не менее по результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что выявленные показатели высокой внутренней мотивацией достижения и показатели перфекционизма положительно коррелируют, что говорит о здоровом проявлении перфекционизма у студентов и согласуется с результатами исследований Н.Г. Гараян, А.А. Низовцевой [3], Е.Т. Соколовой и П.В. Цыганковой, проведенных на выборке здоровых испытуемых [5].

Также на основании результатов нашего исследования можно дать общую характеристику некоторым группам исследуемых студентов. Так, например, группе биологов свойственна потребность соответствовать стандартам и ожиданиям значимых других, они склонны расценивать требования, предъявляемые окружающими как завышенные и нереалистичные. Эти студенты проявляют желание получать новые знания и понимать изучаемый материал, но испытывают отсутствие интереса и ощущение осмысленности в учебной деятельности.

Студенты математического факультета имеют мотив стремления к совершенству. Им свойственно предъявлять высокие требования как к себе, так и к окружающим, при этом стремление к совершенству у данных студентов имеет высокие, но достижимые стандарты. Они стремятся к развитию своего потенциала, учатся ради ощущения собственной значимости и повышения самооценки за счет достижений в учебе.

Студенты первого курса группы гидрогеологии стремятся добиваться максимально высоких результатов в учебе, испытывают удовольствие в учебном процессе. Обладают высокой мотивацией на развитие своих способностей, на достижение мастерства и компетентности в учебной деятельности.

Геофизики первого курса испытывают отсутствие интереса и осмысленности в учебе. Побуждение к учебе может быть обусловлено чувством долга перед собой и другими значимыми людьми. Существует ситуация вынужденности учебной деятельности, которая может быть связана с необходимостью следовать требованиям, диктуемым социумом. Тем не менее студенты стремятся к достижению успеха.

Студенты-геофизики третьего курса учебную деятельность оценивают как вынужденную необходимость, учатся во избежание возможных проблем, но тоже стремятся к высоким результатам в учебе.

Гидрогеологи третьего курса имеют слабую внутреннюю мотивацию, желание учиться существует ради ощущения собственной значимости и повышения личной самооценки.

Ограничения. Ввиду небольшого объема выборок и статистических критериев результаты нашего исследования нельзя считать окончательными. Необходимо продолжить исследование в направлении увеличения эмпирической выборки и расширения способов статистической обработки для достоверной верификации взаимосвязи показателей перфекционизма и академической мотивации студентов.

Список литературы

1. Адлер А. О стремлении к превосходству. – СПб.: Астер-Х, 2017. – 44 с.
2. Гаранян Н.Г. Перфекционизм и психические расстройства (обзор зарубежных эмпирических исследований) // Терапия психических расстройств. – 2006. – № 1. – С. 31–40.
3. Гаранян Н.Г., Низовцева А.А. Структура мотива достижения у студентов с разным уровнем перфекционизма [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование: электрон. науч. журн. – 2012. – № 1. – URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n1/50229.shtml
4. Золотарева А.А. Краткий дифференциальный тест перфекционизма: проверка кросс-культурной устойчивости факторной структуры и психометрических характеристик [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. – 2018. – Т. 14, № 1. – С. 107–115. – URL: [doi:10.17759/chp.2018140112](https://doi.org/10.17759/chp.2018140112)
5. Соколова Е.Т., Цыганкова П.В. Структура перфекционной мотивации у лиц с нарушением адаптации и суицидальным поведением [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2011. – № 5 (19). – URL: <http://psystudy.ru>
6. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Нарциссизм, перфекционизм и депрессия [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. – 2004. – № 1. – С. 18–35. – URL: <http://cognit-therapy.ru/index.php?id=47> (дата обращения: 26.12.2020).
7. Hamachek D. Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism // Psychology. – 1978. – №. 15.
8. Hewitt P.L., Flett G.L. Perfectionism in the self and social contexts: Conceptualization, assessment, and association with psychopathology // Journal of Personality and Social Psychology. – 1991. – № 60 (3). – P. 456–470.

РАЗДЕЛ 3. КЛИНИЧЕСКАЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.96

DOI: 10.24412/2308-717X-2021-1-95-108

Игнатова Екатерина Сергеевна

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии

Спехова Арина Владимировна

студентка III курса специальности «Клиническая психология»

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Россия, Пермь
614990, Пермь, Букирева, 15
e-mail: 131013@mail.ru*

ВЗАИМОСВЯЗЬ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАЩИХСЯ КОРРЕКЦИОННЫХ КЛАССОВ

Ekaterina S. Ignatova

Ph. D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology

Arina V. Spekhova

Third-year Student of the Specialty «Clinical Psychology»

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia
e-mail: 131013@mail.ru*

THE RELATIONSHIP BETWEEN AGGRESSIVE BEHAVIOR AND EMOTIONAL SAFETY OF CORRECTIONAL CLASS SCHOOLCHILDS

Аннотация. Исследуются показатели эмоциональной безопасности и их взаимосвязь с агрессивным поведением учащихся коррекционных классов. Конкретизируется содержание представлений подростков об эмоционально-безопасных и эмоционально НЕбезопасных ситуациях. Процедура организована в логике корреляционного дизайна. Полученные факты подтверждают эволюционную функцию эмоциональной безопасности. Обнаружено, что спокойствие и удовлетворения являются определяющими

в ходе переживания эмоциональной безопасности. Учащиеся коррекционных классов значимо чаще фиксируют ситуации, содержащие различные угрозы. Им в большей мере свойственно агрессивное поведение, которое обусловлено негативными реакциями и установками в отношении себя и других.

Ключевые слова: эмоциональное состояние, эмоциональная безопасность, агрессивное поведение, подростки, умственная отсталость, коррекционные классы.

Abstract. The indicators of emotional security and their relationship with the aggressive behavior of students of correctional classes are studied. The content of adolescents' ideas about emotionally safe and emotionally unsafe situations is concretized. The procedure is organized in the logic of correlation design. The obtained facts confirm the evolutionary function of emotional security. It was found that calmness and satisfaction are crucial in the course of experiencing emotional security. Students of correctional classes are significantly more likely to fix situations containing various threats. They are more characterized by aggressive behavior, which is caused by negative reactions and attitudes towards themselves and others.

Key words: emotional state, emotional security, aggressive behavior, adolescents, mental retardation, correctional classes.

Агрессивное поведение имеет ряд важных эволюционно обусловленных функций, связанных с сохранением и защитой организма. Являясь, с одной стороны, поведенческим паттерном, активизирующимся в ответ на воспринимаемую угрозу, оно в силу растущего возбуждения выступает как защитная реакция на возникшую опасность. С другой стороны, такая импульсивная демонстрация транслирует окружающим угрозу. Наиболее ярко эмоциональная лабильность проявляется в подростковом возрасте. Каждый второй подросток сталкивается с агрессивным поведением сверстников, которое выражается в толчках, драках, оскорблениях [7]. Чаще к агрессивной модели поведения прибегают подростки с диагнозом умственная отсталость легкой степени ($F 70$). Они ощущают себя в постоянной опасности. Недоразвитие психических функций и усугубление сложности в оценке собственных действий, прогнозировании последствий поведения, саморегуляции; непродуктивно выстроенные детско-родительские отношения и отношения со сверстниками, основанные на игнорировании, раздражении и отвержении, препятствуют формированию чувства безопасности и способствуют демонстрации агрессивного поведения.

Признаки и факторы эмоциональной безопасности

В контексте метапарадигмы чувство безопасности, или эмоциональная безопасность, представляет собой чувство принятия и уверенности в том, что человек находится в правильном месте в окружении нужных людей [8], так как от субъекта могут исходить и угроза, и защита [2]. Восприятие опасности и уровень переживания напряжения связаны с проявлениями человека как индивида, субъекта, личности, индивидуальности (Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев), со степенью удовлетворенности его потребности

в безопасности [9]. Источниками опасности / безопасности выступают окружающая среда и сам человек. Указанное психологическое образование способствует отражению адекватного ситуации состояния, сочетающего в себе защищенность и открытость. Достижение безопасности возможно только при условии переживания человеком состояния, когда ему и его потребностям ничего не угрожает [12]. В оценке значимости возникающей потребности активно участвует эмоциональная сфера [4]. Эмоциональная безопасность как состояние связана с уверенностью человека в обладании внутренними ресурсами для противостояния новым угрозам и опасным ситуациям [8]. Для этого необходимо учиться взаимодействовать с миром и оценивать возможные перспективы.

Признаками отсутствия эмоциональной безопасности выступают: высокая тревожность, эмоциональная гиперреактивность, дисфункциональное совладение с ситуацией потенциальной угрозы и искажение восприятия (последствия ситуации могут быть преувеличены), внутренние убеждения о степени потенциальной угрозы и собственной уязвимости. Соответственно, важно уметь адаптироваться к внешней и внутренней ситуации, сохранять внутреннюю целостность, принимая себя, и регулировать собственное эмоциональное состояние на уровне комфорта.

Факторами эмоциональной безопасности являются: наличие доверительных отношений с миром и другими людьми (К.А. Абульханова-Славская, В.М. Бехтерев, А.А. Кроник, Э. Эриксон) и надежный тип привязанности (Дж. Боулби) [3]; опыт, которым обладает человек, позволяющий оценить уровень безопасности актуальной ситуации [10]; его эмоциональная устойчивость [5] и эмоциональный интеллект [1].

Таким образом, представляется важным исследовать состояние эмоциональной безопасности в ситуационном контексте, определив выраженность ее признаков и факторов у подростков с разным уровнем психического развития.

Психологические особенности учащихся коррекционных классов, особенности поведения

В России деятельность специальных (коррекционных) образовательных учреждений регламентируется положением «О специальном (коррекционном) образовательном учреждении для обучающихся, воспитанников с отклонением в развитии» (1997) и письмом «О специфике деятельности специальных (коррекционных) образовательных учреждений I–VIII видов» от 04.09.1997 № 48 (ред. от 26.12.2000). Классы коррекционного обучения являются формой дифференциации образования. Важнейшей задачей таких классов является охрана и укрепление физического и нервно-психического здоровья детей указанной категории, а также их социально-трудовая адаптация.

Диагноз «умственная отсталость» является врожденным или приобретенным в детстве (до 3 лет), проявляется общим недоразвитием психики с выраженной интеллектуальной недостаточностью. Ее причинами могут быть этиологические и патогенетические факторы, действующие в перинатальный период развития, родов и в первые годы жизни. В МКБ-10

умственная отсталость классифицируется по выраженности недостаточности интеллектуальных способностей: легкая степень умственной отсталости ($F 70$), умственная отсталость умеренная ($F 71$), умственная отсталость тяжелая и умственная отсталость глубокая ($F 73$).

У людей с умственной отсталостью структура дефекта обусловлена недоразвитием мозга с преимущественной незрелостью коры. В первую очередь недоразвиты ассоциативные лобные и теменные доли, отвечающие за целевые установки и программы поведенческих реакций, узнавание и смысловую оценку предметов и явлений, за понимание речи и логическое мышление, а также за анализ смыслового значения поступающих сигналов. Наблюдаются нарушения в замыкательной функции коры, что препятствует формированию новых форм поведения. Таким образом, лица с умственной отсталостью испытывают трудности при оценке воспринимающих стимулов и формировании адекватной ответной реакции [10].

У подростков с умственной отсталостью мышление конкретно, снижен уровень обобщения, отмечается лабильность и инертность мыслительных процессов, а также нарушение критичности. Дети с умственной отсталостью быстро забывают воспринятое; все новое они усваивают очень медленно. По мнению Л.С. Выготского, им свойственна слабая интеллектуальная регуляция чувств [6]. Соответственно, большинство действий человек совершает импульсивно. Эмоции детей с этим диагнозом часто неадекватны и непропорциональны воздействиям внешнего мира по своей динамике и уровню переживания. С.Я. Рубинштейн отмечает, что чувства умственно отсталых детей недостаточно дифференцированы: они могут испытывать только переживание удовольствия и неудовольствия [17]. Поведение детей с умственной отсталостью импульсивное и слабоконтролируемое.

Ребенок с интеллектуальной недостаточностью часто встречается с отчужденностью родителей, сверстников. Родители при общении с детьми, которым поставлен диагноз «умственная отсталость», испытывают раздражение и нетерпимость. Они эмоционально отвергают своих детей. В то же время сверстники, у которых отсутствует диагноз, демонстрируют агрессивное поведение, которое часто является ответным и носит спонтанный характер. У таких подростков накапливается негативный опыт взаимодействия с окружающим миром. Они не чувствуют себя в безопасности. Формируются негативизм и подозрительность. Учащиеся коррекционных классов, как правило, воспринимают свои неудачи как результат проявления недоброжелательности, несправедливости со стороны окружающих и склонны к агрессивному поведению. До сих пор не проводилось исследований, оценивающих контекст переживания эмоциональной безопасности у подростков с умственной отсталостью в связи с агрессивностью.

Агрессивное поведение как признак переживания состояния эмоциональной НЕбезопасности

Человек, демонстрирующий агрессивное поведение, преследует цель защиты занимаемой территории или ответной реакции на враждебную действительность [14]. Идея применения агрессивного поведения для своей защиты в ситуациях угрозы, неудовлетворения своих нужд и потребностей описана представителями неопрейдизма К. Хорни и Э. Фроммом. Э. Фромм называет подобное поведение оборонительным или доброжелательным. В соответствии с филогенетической программой человек при угрозе чувствует себя незащищенным и для обеспечения безопасности прибегает к агрессивному поведению, которое сопровождают эмоции гнева, страха и ярости. Согласно учению А. Бандуры, демонстрировать агрессивное поведение в небезопасных ситуациях человек учится в ходе социализации. Со временем изменить обретенную модель поведения становится трудно. Прежде всего на формирование агрессивного поведения детей влияют их родители, степень сплоченности семьи, близости между родителями и ребенком, характер взаимоотношения между братьями и сестрами, а также стиль семейного руководства. Из этого следует, что окружающие не только создают угрозу для учащихся коррекционных классов, но и через демонстрацию агрессивного поведения учат их ему, что порождает новые опасности для тех, против кого будет направлено агрессивное поведение. Отчужденность не только со стороны общества, но и со стороны членов семьи становится причиной проявляющейся враждебности, что приводит к неадекватной оценке и даже преувеличению опасности ситуации. Такие дети не чувствуют свою безопасность и стремятся ее достичь, прибегая к агрессивному поведению.

Таким образом, *целью настоящего* исследования является изучение взаимосвязи агрессивного поведения и эмоциональной безопасности учащихся коррекционных классов. Эмоциональная безопасность эмпирически определяется нами как (1) эмоциональное состояние спокойствия, удовлетворенности, уверенности, (2) переживание знакомого опыта, надежного доверительного контакта и эмоционального комфорта, (3) способность адаптироваться к ситуации, принимать ее и себя в ней, регулировать свое эмоциональное состояние.

На основании результатов исследований Н.И. Акопян, О.Ю. Зотовой, Я.Н. Николаенко [15], Н.В. Реутовой [16] выдвигаются следующие гипотезы

1. Содержание представлений об «эмоциональной безопасности» и «эмоциональной небезопасности» у подростков, обучающихся в коррекционном и традиционном классах, обладают как общностью, так и специфичностью. Общность заключается в использовании одинаковых категорий при описании «эмоциональной безопасности» и «эмоциональной небезопасности». Специфичность – в порядке и частоте использования (значимости) каждой категории при описании эмоциональной безопасности.

2. Если «эмоциональная безопасность» – это чувство принятия и уверенности, что вы находитесь в правильном месте в окружении нужных людей [8], то существует отрицательная взаимосвязь между такими признаками эмоциональной безопасности, как адаптивность, эмоциональный комфорт, принятие себя, принятие других и формами агрессивного поведения. Для

учащихся коррекционных классов характерны более высокие показатели по агрессивному поведению и более низкие показатели по адаптивности, эмоциональному комфорту, принятию других, принятию себя в сравнении с учащимися традиционных классов.

Организация и методы исследования

Участники

Первоначальная выборка – 81 человек, учащиеся 7–9-х классов МАОУ «Култаевская средняя школа» Пермского района. Возраст участников колебался в диапазоне от 13 до 16 лет ($M = 14$). Испытуемые разделены на группы в соответствии с типом класса, в котором они обучаются: 12 человек – учащиеся коррекционного класса (6 юношей и 6 девушек) и 69 человек – учащиеся традиционных классов (27 юношей и 42 девушки). Для выравнивания выборок из учащихся традиционного класса с помощью генератора случайных чисел (<https://randomus.ru/>) отбирались 12 человек. Таким образом, часть результатов исследования представлена на выборке из 24 учащихся, из них 12 юношей и 12 девушек (50 %) в возрасте от 13 до 16 лет ($M = 14$).

Процедура

Сбор диагностических данных осуществлялся в ходе одной групповой сессии. Каждый участник получал ссылку на платформу GoogleForms. Диагностический инструментарий содержал общую вводную инструкцию, инструкцию для заполнения свободного самоотчета, а также материалы опросников

Диагностический инструментарий

Метод свободного самоотчета

Для получения описания содержания представлений об эмоциональной безопасности испытуемым была дана следующая инструкция: «1. Пожалуйста, постарайтесь вспомнить о ситуациях, которые Вы бы могли охарактеризовать / назвать как эмоционально безопасные. Расскажите, что это была / были за ситуация / ситуации, что происходило с Вами в этот момент (опишите как минимум одну ситуацию, при желании – две, три). Опишите Ваши ощущения, переживания, эмоции, чувства, рассуждения, мысли, решения, воспоминания – все, что считаете нужным. 2. А теперь, пожалуйста, постарайтесь вспомнить о ситуациях, которые Вы бы могли охарактеризовать / назвать как эмоционально НЕБЕЗОПАСНЫЕ. Расскажите, что это была / были за ситуация / ситуации, что происходило с Вами в этот момент (опишите как минимум одну ситуацию, при желании – две, три). Опишите Ваши ощущения, переживания, эмоции, чувства, рассуждения, мысли, решения, воспоминания – все, что считаете нужным. 3. Для меня – эмоциональная безопасность – это... 4. Для меня эмоционально НЕбезопасное – это...».

Полученные ответы на вопросы были обработаны с помощью контент-анализа. При обработке полученных данных мы опирались на современную феноменологию эмоциональной безопасности (И.А. Баева, О.Ю. Зотова, Т.М. Краснянская) и связанные с ней подходы к привязанности (Дж. Боулби), границам в межличностных отношениях (С.К. Нартова-Бочавер [13]), эмоциональным состояниям (Е.П. Ильин) (табл. 1).

Таблица 1

Общая категориальная сетка для описаний феноменов эмоциональной безопасности и эмоциональной небезопасности

Категория	Описание феномена эмоциональной безопасности
Межличностные конфликты (в семье, со сверстниками)	Единицы, описывающие ситуации, в которых у респондентов возникали межличностные конфликты со сверстниками, участников конфликта, причины конфликта
Привязанность	Единицы, описывающие ситуации, в которых описываются люди, выступающие / НЕ выступающие источником чувства успокоения и защиты, к кому сформирована / НЕ сформирована привязанность
Ситуации, представляющие опасность / НЕ представляющие опасность	Единицы, описывающие хорошо знакомые респондентам ситуации, те, в которых респондент получил положительные эмоции / ситуации, в которых можно пострадать физически или психически; которые являются значимыми для человека, но их исход заранее неизвестен; новые, ранее незнакомые человека ситуации
Управление эмоциями	Единицы, описывающие ситуации, в которых респонденты демонстрировали умение контролировать свои мысли и эмоции, поведение / в которых сложно сдерживать свои эмоции, возможно совершение импульсивных, часто противоречащих социальным нормам поступков
Эмоциональное состояние «Воодушевление»	Единицы, описывающие эмоциональные состояния, характеризующиеся подъемом чувств, повышенной готовностью к деятельности
Эмоциональное состояние «Смущение / стыд»	Единицы, описывающие эмоциональные состояния замешательства, неловкости; с одной стороны – протекающие на фоне интереса к людям, с другой стороны – страха перед социальным действием и обратной связи в отношении такого действия
Эмоциональное состояние «Спокойствие»	Единицы, описывающие эмоциональные состояния, описывающее среднюю психическую активность, отсутствие сильных эмоциональных проявлений
Эмоциональное состояние «Удовлетворение»	Единицы, описывающие эмоциональные состояния, связанные с достижением или НЕдостижением цели, с переживанием предвкушения или удовлетворения желания и / или потребности
Эмоциональное состояние «Фрустрация»	Единицы, описывающие эмоциональные состояния, возникающие после неудачи, неудовлетворения острой потребности, сопровождающиеся враждебностью, гневом, виной, досадой
Эмоциональные состояния «Тревога и страх»	Единицы, описывающие эмоциональные состояния, связанные с прогнозом и ожиданием; с острым мучительным бессодержательным беспокойством, с переживанием реальной или мнимой опасности для здоровья и благополучия
Эмоциональный комфорт / дискомфорт	Единицы, описывающие внутренний дискомфорт, отсутствие уюта, рассредоточенность внимания, снижение воли и мотивации

Общая категориальная сетка для описаний эмоциональной безопасности включает 11 категорий. Перечень категорий наблюдаемых психических явлений позволяет сформировать ряд характеристик эмоциональной безопасности и психических явлений, ее сопровождающих: 1) эмоциональное состояние личности, переживающей эмоциональную безопасность; 2) возможность управления текущим эмоциональным состоянием; 3) коннотацию ситуации,

в которой происходит переживание эмоциональной безопасности – комфортность / знакомость ситуации, контекст переживания эмоциональной ситуации; 4) участие других людей в аспекте взаимодействия с контекстом и потенциальный риск конфликтогенной ситуации; 5) анамнестический аспект переживания личностью эмоциональной безопасности – опыт и тип сформированной привязанности [9].

Результаты экспертной оценки

Для повышения достоверности и объективности результатов исследования проведена процедура экспертной оценки – совокупность эмпирических процедур, направленных на оценку объекта в определенной шкале путем его экспозиции экспертом с последующей регистрацией оценочных мнений. Группа экспертов состояла из четырех человек – студентов IV–V курсов специальности «Клиническая психология», обучающихся на философско-социологическом факультете ПГНИУ. Для анализа экспертам была предложена таблица с выделенными категориями, а также распределенными ответами респондентов.

Перед экспертами ставились следующие задачи: 1) на предоставленных данных произвести идентификацию критериев с представлениями участников об эмоциональной безопасности и эмоциональной небезопасности; 2) согласиться или не согласиться с соотношением лексических единиц с пунктами описаний. Экспертам предлагались таблицы с уже выделенными в ответах респондентов представлениями об эмоциональной безопасности, категориями контент-анализа и кодировочная инструкция.

Кодировочная инструкция: а) выборка: ответы респондентов на вопросы; б) качественные категории: слова, неделимые словосочетания, рассматриваемые с точки зрения их предметно-понятийного содержания; в) индикаторы категорий: слово, синтаксически неделимое словосочетание; г) единицы контекста: ответы на вопросы, полученные от одного испытуемого; д) частота упоминания категорий: сегментарная, тематическая и одновременно, для повышения числа возможных математико-статистических процедур обработки, полученных в ходе исследования данных, сплошная.

В результате экспертизы была установлена степень согласованности экспертов по выделенным категориям контент-анализа (табл. 2).

Таблица 2

Степень согласия экспертов с выделением категорий свободных самоотчетов

Эксперт:	Эксперт 1	Эксперт 2	Эксперт 3	Эксперт 4
Процент совпадений	98 %	88,6 %	94 %	95,3 %

Общий процент совпадений у 4 экспертов составил 93,98 %, т.е. за незначительным исключением эксперты были согласны с выделенными категориями свободных самоотчетов, что позволяет нам использовать данную категориальную сетку при обработке и интерпретации полученных в ходе исследования текстов испытуемых.

Для определения отношения человека с самим собой и окружающими, для оценки показателей эмоциональной безопасности использовалась *Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и К. Даймонда (опросник СПА)* в адаптации Т.В. Снегиревой. В основе инструмента – модель отношения человека с социальным окружением и самим собой, которая исходит из понимания личности как субъекта собственного развития, способного отвечать за свое поведение. Социально-психологическая адаптация рассматривается в данной методике как приспособленность человека к гармоничной жизни в обществе. Опросник состоит из 101 утверждения, касающегося переживаний, мыслей, привычек, стиля поведения человека. Утверждения распределяются по 13 шкалам. Респондентам предлагается оценивать по 7-балльной шкале свое согласие с каждым утверждением: от 1 («это ко мне совершенно не относится») до 7 («это точно про меня»). Данные по шкалам «Адаптивность», «Принятие себя», «Принятие других», «Эмоциональный комфорт» позволяют оценить выраженность показателей эмоциональной безопасности. Люди, у которых отсутствует эмоциональная безопасность, плохо адаптируются к условиям окружающей среды [11].

Опросник агрессивности Басса – Дарки в адаптации С.Н. Ениколопова направлен на диагностику агрессивных и враждебных реакций. Оценка агрессивных и враждебных проявлений позволяет дифференцировать эмоциональную реакцию и реакцию отношения, сопутствующие негативным чувствам и негативным впечатлениям окружающих людей и событий. Опросник состоит из 75 утверждений, на которые респондент отвечает «да» или «нет». Утверждения распределяются по 8 шкалам.

Исследовательский дизайн и анализ данных

Полученные результаты анализировались в логике корреляционного дизайна. Статистическая обработка осуществлялась с применением метода контент-анализа, ранжирования, подсчета ϕ^2 -углового преобразования Фишера; *U*-критерия Манна – Уитни и корреляционного анализа Спирмена в программе Statistica 8.0.

Результаты

Представления об эмоциональной безопасности

Анализ частоты встречаемости показал, что подростки с нормальным развитием при описании эмоциональной безопасности чаще обращаются к категориям: «Эмоциональное состояние “Спокойствие”» (10 ранг), «Привязанность» (9 ранг) и «Эмоциональное состояние “Удовлетворение”» (8 ранг). Подростки с умственной отсталостью при описании эмоциональной безопасности чаще используют категории: «Ситуации, НЕ представляющие опасность» (10 ранг), «Эмоциональное состояние “Спокойствие”» (9 ранг), «Привязанность» (8 ранг). Описание эмоциональных состояний удовлетворения (23,19 %) и воодушевления (2,9 %) как эмоционально безопасных присутствует только в самоотчетах учащихся традиционных классов.

Сравнительный анализ частоты встречаемости общих категорий, описывающих эмоционально безопасные ситуации, показал, что для учащихся коррекционных классов характерно более частое фиксирование в самоотчетах

ситуаций, НЕ представляющих опасности ($\phi^* = 4,15$; $p \leq 0,05$), т.е. они чувствуют себя в безопасности, если им знакома ситуация, у них сформирована модель поведения, которой они следуют.

Представления об эмоциональной НЕбезопасности

Анализ частоты встречаемости показал, что подростки с нормальным развитием при описании эмоциональной НЕбезопасности чаще обращаются к категориям: «Эмоциональное состояние “Тревога и страх”» (8 ранг), «Управление эмоциями» (7 ранг). Подростки с умственной отсталостью при описании эмоциональной безопасности чаще используют категории: «Ситуации, представляющие опасность» (7,5 ранг), «Управление эмоциями» (7,5 ранг), «Эмоциональное состояние “Тревога и страх”» (6 ранг). Описание эмоциональных состояний смущения и стыда (10,14 %) как эмоционально НЕбезопасных присутствует только в самоотчетах учащихся традиционных классов.

Сравнительный анализ частоты встречаемости общих категорий, описывающих эмоционально НЕбезопасные ситуации, не выявил статистически значимых различий. Следовательно, независимо от типа класса обучения подростки с одинаковой частотой используют категории при описании эмоциональной НЕбезопасности.

Выраженность признаков и факторов эмоциональной безопасности у учащихся традиционных и коррекционных классов

В табл. 3 приводятся результаты различий в показателях эмоциональной безопасности, а также агрессивного поведения учащихся традиционных и коррекционных классов.

Таблица 3

Различия в выраженности показателей эмоциональной безопасности и агрессивного поведения учащихся традиционных и коррекционных классов (по данным U-критерия Манна – Уитни)

Показатель	Сумма рангов (традиционный класс)	Сумма рангов (коррекционный класс)	Значение U-критерия Манна – Уитни	$p \leq$
Адаптивность	138	162	60	0,507
Принятие себя	159	141	63	0,624
Принятие других	132	167,5	54,5	0,326
Эмоциональный комфорт	135,5	164,5	57,5	0,419
Физическая агрессия	136	164	58	0,436
Косвенная агрессия	145,5	154,5	67,5	0,817
Раздражение	109	191	31	0,019**
Негативизм	119	181	41	0,078**
Обида	98	202	20	0,003**
Подозрительность	124	176	46	0,41
Вербальная агрессия	165,5	134,5	56,5	0,386
Угрызение совести, чувство вины	104	196	26	0,009**

Примечание. ** – $p \leq 0,01$.

Как видно из таблицы, показатели признаки и факторы эмоциональной безопасности среди учащихся традиционных и коррекционных классов представлены в равной степени. Возможно, это связано с тем, что исследование проводилось в школьной среде, которую подростки воспринимают как знакомую и привычную.

В то же время анализ показал большую выраженность у учащихся коррекционных классов вспыльчивости, грубости, готовности проявлять негативные чувства при любом возбуждении; оппозиционного поведения разной степени активности; негативного отношения к окружающим за реальные и вымышленные поступки. Также более часто представлена установка «Я плохой человек», «Я поступаю зло», при том, что при описании эмоционально НЕбезопасных ситуаций подростки с умственной отсталостью не обращались к категории «Эмоциональное состояние “Смущение / стыд”».

Взаимосвязь агрессивного поведения и эмоциональной безопасности у учащихся традиционных и коррекционных классов

Полученные в ходе корреляционного анализа результаты обнаруживают наличие 7 значимых взаимосвязей между агрессивным поведением и показателями эмоциональной безопасности в группе подростков, обучающихся в традиционных классах, и только 1 значимой взаимосвязи в группе подростков, обучающихся в коррекционных классах.

Установлены значимые обратные корреляционные связи между раздражением и адаптивностью ($r = -0,239$; $p \leq 0,05$), принятием себя ($r = -0,299$; $p \leq 0,01$). Положительные корреляционные связи обнаружены между показателями обиды и дезадаптивностью ($r = 0,265$; $p \leq 0,05$), неприятием себя ($r = 0,276$; $p \leq 0,05$); подозрительностью и дезадаптивностью ($r = 0,238$; $p \leq 0,05$), неприятием себя ($r = 0,222$; $p \leq 0,05$), неприятием других ($r = 0,253$; $p \leq 0,05$). Выявлена умеренная отрицательная связь между принятием себя и раздражением ($r = -0,581$; $p \leq 0,05$) у учащихся коррекционных классов.

Обсуждение результатов

Показано, что доминирующей эмоциональной составляющей переживания чувства безопасности для подростков выступает состояние спокойствия и удовлетворения. Значимой составляющей эмоционально безопасных отношений является привязанность. Обозначенный чувственный тон формирует устойчивое состояние, уверенность в своих возможностях справиться с вызовами действительности и собственными реакциями. Он эволюционно обусловлен имеющимся опытом взаимодействия со средой, параметрами принятия себя и других, переживанием эмоционального комфорта. Обнаружены следующие детерминанты эмоциональной безопасности: принятие себя и других, способность адаптироваться и продуктивно взаимодействовать с миром в условиях возможных рисков.

В силу специфики развития для учащихся коррекционных классов для переживания эмоциональной безопасности ключевым являются привычность и имеющееся знакомство со средой.

Подтверждена большая выраженность у подростков с умственной отсталостью агрессивных реакций, которые определяются в том числе психофизиологически обусловленной усиленной сложностью саморегуляции, повышенной импульсивностью и лабильностью. Изначально у таких подростков нарушен механизм интеграции как целостности, слабо выражена адаптивная функция состояния. Возникают сложности в установлении соответствия между потребностями личности, ее возможностями и ресурсами. Соответственно, на первый план выходят негативные реакции, связанные с дезадаптивными личностными установками и ненадежными, неверительными отношениями с миром.

Заключение

Наше исследование было направлено на изучение показателей эмоциональной безопасности у подростков в зависимости от типа класса обучения и их взаимосвязи с агрессивным поведением. С помощью свободных самоотчетов конкретизированы характеристики эмоциональной безопасных и НЕбезопасных ситуаций. Вместе с малым количеством участников исследования ограничения выступают субъективные суждения подростков относительно названия и описания отношений в контексте эмоционального аспекта безопасности, а также их рефлексивные способности и открытость. Обнаружено также отсутствие инструментария для оценки эмоциональной безопасности, поэтому для оценки выраженности признаков и факторов эмоциональной безопасности выбран содержательно наиболее близкий личностный опросник. Однако главный конструктор этого опросника другой. Возможно, это стало причиной отсутствия различий в показателях эмоциональной безопасности у подростков, обучающихся в классах разных типов, либо их сформированные отношения со школьной средой.

Полученные результаты свидетельствуют об эволюционной и социальной функции эмоциональной безопасности, ее многоплановой структуре, которую еще предстоит сконструировать, а также о роли доминирующего состояния, психологических особенностей и опыта при переживании эмоциональной безопасности и выражении отношений с собой, другими и миром в целом.

Перспективой исследования выступают: конкретизация содержания понятия эмоциональной безопасности, проведение метаанализа факторов эмоциональной безопасности, создание и апробация психодиагностического инструментария для оценки показателей эмоциональной безопасности.

Список литературы

1. Акопян Н.И. Формирование эмоциональной безопасности у учащихся младшего школьного возраста с легкой интеллектуальной недостаточностью: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Минск, 2020. – 30 с.
2. Баева А. Психология безопасности: история, становление, перспективы // Национальный психологический журнал. – 2007. – № 1 (2). – С. 65–69.

3. Боулби Дж. Привязанность. – М.: Гардарики, 2003. – 447 с.
4. Бутузова Ю.А. Психологическая сущность эмоционального состояния личности [Электронный ресурс] // Омский научный вестник. – 2011. – № 5 (101). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskayasuschnost-emotsionalnogo-sostoyaniya-lichnosti> (дата обращения: 15.06.2021).
5. Вербина Г.Г. Эмоциональная устойчивость как фактор формирования психологической безопасности личности [Электронный ресурс] // Социальный психолог. – 2013. – № 2 (26). – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29773590_17530801.pdf (дата обращения: 21.02.2021).
6. Выготский Л.С. Основы дефектологии. – СПб.: Лань, 2003. – 654 с.
7. Дергачев В. Каждый второй подросток заявил об агрессии в школе [Электронный ресурс] // РБК: [сайт]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/10/2019/5db06c549a794759933165b2> (дата обращения: 24.06.2021).
8. Зотова О.Ю. Эмоциональная безопасность личности в контексте жизненного пути [Электронный ресурс] // Дискуссия. – 2015. – № 9 (61). – С. 76–84. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-bezopasnostlichnosti-v-kontekste-zhiznennogo-puti> (дата обращения: 11.01.2021).
9. Игнатова Е.С. Эмоциональный аспект безопасности // Медицина. Философия. Социология. Прикладные исследования. – 2020. – № 6. – С. 161–165.
10. Ильин Е.П. Психофизиология состояний человека. – СПб.: Питер, 2005. – 412 с.
11. Инденбаум Е.Л. Психосоциальное развитие подростков с легкой интеллектуальной недостаточностью // Психологическая наука и образование. – 2010. – Т. 15, № 2. – С. 72–81.
12. Краснянская Т.М., Урмагова А.А. Психологическая безопасность в школьной среде // Результаты современных научных исследований и разработок: сб. ст. победителей II Междунар. науч.-практ. конф., 2017. – Пенза: Наука и просвещение, 2017. – С. 216–218.
13. Нартова-Бочавер С.К. Жизненная среда как источник стресса и ресурс его преодоления: возвращаясь к психологии повседневности // Психологический журнал. – 2019. – Т. 40, № 5. – С. 15–26.
14. Невенчаный С.В. Понятие агрессивного поведения в современной психологии [Электронный ресурс] // Наука и современность. – 2011. – № 10-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-agressivnogo-povedeniya-v-sovremennoy-psihologii> (дата обращения: 06.04.2021).
15. Николаенко Я.Н. Агрессивное поведение старших школьников с нарушением интеллекта при различных типах акцентуаций характера [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 105. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agressivnoe-povedenie-starshih-shkolnikovs-narusheniem-intellekta-pri-razlichnyh-tipah-aktsentuatsiy-haraktera> (дата обращения: 06.05.2021).

16. Реутова Н.В. Взаимосвязь уровня поведенческих стратегий у подростков с умственной отсталостью [Электронный ресурс] // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 3 (9). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-urovnyaagressivnostipovedencheskih-strategiy-u-podrostkov-s-umstvennoyotstalostyu> (дата обращения: 19.03.2021).

17. Рубинштейн С.Я. Психология умственно отсталого школьника. – М.: Просвещение, 1986. – 192 с.

УДК 159.94

DOI: 10.24412/2308-717X-2021-1-109-121

Харламова Татьяна Михайловна

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии

*e-mail: okpsychology@mail.ru***Канюкова Юлия Максимовна**

студентка IV курса специальности «Клиническая психология»

e-mail: okpsychology@mail.ru

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15, (342) 239-66-17*

**СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИОННОГО СТРЕССА
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕЛЬДШЕРОВ СКОРОЙ
МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ****Tatiana M. Kharlamova**

Ph. D., Associate Professor at Department of General and Clinical Psychology

*e-mail: okpsychology@mail.ru***Julia M. Kanyukova**

Post-baccalaureate (Year 4) Student Majoring in Clinical Psychology

e-mail: okpsychology@mail.ru

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia*

SPECIFICITY OF OCCUPATIONAL STRESS IN PARAMEDICS

Аннотация. Представлены результаты исследования специфики организационного стресса в профессиональной деятельности фельдшеров скорой медицинской помощи. В современной науке и практике данная проблема активно изучается, поскольку практически все профессии в той или иной степени способны вызвать стресс на рабочем месте у субъекта трудовых отношений. Деятельность фельдшеров скорой помощи представляет собой одну из наиболее экстремальных, напряженных профессий, вызывающих стресс, но на сегодня остается недостаточно изученной, так как основные исследовательские акценты делаются на профессиональном стрессе врачей

разного профиля. В качестве испытуемых выступили фельдшеры скорой медицинской помощи Пермского краевого центра медицины катастроф, всего – 65 человек, в том числе 30 мужчин и 35 женщин. Результаты эмпирического исследования показали, что мужчины-фельдшеры менее восприимчивы к организационным стресс-факторам и обладают более высоким уровнем работоспособности, чем женщины. В свою очередь, женщины-фельдшеры более подвержены реакциям истерического типа и профессиональной утомляемости. Для обеих выборок показатель организационного стресса является системообразующим.

Ключевые слова: организационный стресс, психическое здоровье, работоспособность, фельдшеры скорой медицинской помощи.

Abstract. This paper presents the findings of an investigation into the specific characteristics of occupational stress that affects paramedics. Occupational stress has been the focus of many previous studies given that nearly all occupations can lead to employees experiencing a certain degree of work-related stress. Providing emergency medical services is one of the most extreme, tense, and stressful occupations; however, occupational stress in paramedics has not yet received full attention in the literature as previous research has focused primarily on doctors. Participants of the current study included 65 paramedics from the Perm Regional Center for Disaster Medicine (30 male, 35 female). Results showed that male workers were less susceptible to occupational stress-inducing factors, and they also demonstrated higher levels of productivity. In turn, female paramedics were more prone to hysterical reactions and more susceptible to professional fatigue. For both samples, occupational stress was found to be a foundational factor.

Key words: occupational stress, mental health, productivity, paramedics.

Практически все профессии в той или иной степени способны вызвать профессиональный стресс. Трудовая деятельность медицинских работников в целом и фельдшеров скорой медицинской помощи в частности не только не является исключением, но и представляет собой одну из наиболее экстремальных, тяжелых, напряженных профессий, вызывающих стресс. Причин тому много, в их числе – высокие нервно-психические и физические перегрузки, возникающие из-за постоянного дефицита времени и ресурсов; необходимости нести ответственность за жизнь и здоровье пациентов; взаимодействия с маргинальным и криминогенным контингентом, с инфицированными COVID-19 людьми и людьми, имеющими другие инфекционные заболевания; из-за ненормированного рабочего графика; недостаточной оценки труда; отсутствия карьерного роста и т.д. [1, 2, 6].

Перечисленные условия труда предъявляют повышенные требования к психоэмоциональной устойчивости и уровню профессионализма данных специалистов, к их способности справляться с деструктивными эффектами организационного стресса [5, 7, 8]. Вместе с тем, как показывает анализ теоретических источников и эмпирических исследований по проблеме организационного стресса у фельдшеров скорой помощи, обозначенная

проблема остается недостаточно изученной и это подтверждает своевременность данной работы.

Целью нашего исследования стало выявление специфики организационного стресса в профессиональной деятельности фельдшеров скорой медицинской помощи.

Гипотезы исследования заключались в следующем:

- существуют различия в степени выраженности показателей психического здоровья и работоспособности у мужчин и женщин – фельдшеров скорой помощи;

- существуют различия в характере взаимосвязей показателей организационного стресса с показателями невротических состояний и состояний сниженной работоспособности в выборках мужчин и женщин – фельдшеров скорой помощи;

- у фельдшеров скорой медицинской помощи (далее – СМП) существует стабильный личностный конструкт, не зависящий от их пола, связанный с организационным стрессом.

Выборку составили фельдшеры СМП ГБУЗ «Пермский краевой территориальный центр медицины катастроф» в количестве 65 человек, в том числе 30 мужчин (средний возраст – 36 лет, стаж работы в СМП – 13,6 лет) и 35 женщин (средний возраст – 36,8 лет, стаж работы в СМП – 14,1 лет).

В сформированный нами диагностический комплекс вошли следующие методики:

1. Для измерения уровня организационного стресса был применен опросник «Шкала организационного стресса» (ШОС) К. Мак-Лина в адаптации Н.Е. Водопьяновой [3].

2. Для выявления невротических расстройств использовался «Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний» К.К. Яхина и Д.М. Менделевича [9].

3. Для оценки субъективной работоспособности и определения дифференцированной оценки состояний сниженной работоспособности применялся «Опросник дифференциальной диагностики состояний сниженной работоспособности» (ДОРС) А.Б. Леоновой и С.Б. Величковской [3].

4. Объективная работоспособность измерялась с помощью методики «Сложная зрительно-моторная реакция» (СЗМР) [4].

Содержание диагностического комплекса было согласовано с психологом центра медицины катастроф.

При обработке первичных данных мы использовали программы Microsoft Excel и STATISTICA 8.0, а также следующие математические методы:

1. Одновыборочный критерий Колмогорова – Смирнова для проверки данных на соответствие закону нормального распределения.

2. Сравнительный анализ: при нормальном распределении сравнение показателей проводили с помощью параметрического T -критерия Стьюдента, при ненормальном – с помощью непараметрического U -критерия Манна – Уитни. При установленном уровне значимости различий в пределах 0,05.

3. Корреляционный анализ – r -критерий Спирмена для нахождения и анализа статистических зависимостей.

Исследовательский акцент сделан на изучении системообразующих показателей как наиболее значимых для понимания параметров специфики организационного стресса в выборках мужчин-фельдшеров и женщин-фельдшеров СМП.

В результате проведенной работы были получены данные, подтверждающие гипотезы нашего исследования. Например, сравнительный анализ степени выраженности исследуемых показателей по T -критерию Стьюдента и U -критерию Манна – Уитни позволил установить, что статистически значимые различия имеют показатели «истерический тип реагирования» (t -value = 2,25, p = 0,03) и «скорость сложной зрительно-моторной реакции» (Z = 2,13, p -level = 0,03; далее – «скорость реакции»). При этом средние показатели проявления истерического типа реагирования ниже у мужчин, и это значит, что для женщин в большей степени характерны туннельное восприятие, избирательность внимания, проявление иррациональности, демонстративности, эмоциональности и чувствительности. Возможно, это связано с повышенной восприимчивостью женщин-фельдшеров к различным стресс-факторам, в том числе организационным. Полученный нами результат частично соотносится с данными исследования Е.А. Бодаговой и Н.В. Говорина [2], в котором авторы утверждают, что у женщин, по сравнению с мужчинами, преобладают невротическая депрессия, истерические и обсессивно-фобические нарушения. В свою очередь значения показателя «скорость реакции» ниже у женщин, чем у мужчин. Это свидетельствует о том, что у мужчин-фельдшеров более динамичны нервные процессы возбуждения и торможения, а также ниже степень утомляемости и выше уровень работоспособности, чем у женщин.

Значимых различий по показателям организационного стресса между мужчинами и женщинами выявлено не было. Полученный результат не соотносится с результатами исследования О.В. Венцуновой и Е.М. Семёновой (2014), возможно, это связано с временным интервалом между работами и спецификой нашей выборки.

Далее мы провели корреляционный анализ с помощью r -критерия Спирмена, который позволил выявить общие и специфичные системообразующие показатели для каждой из выборок и в каждой из методик, а также наиболее важные и статистически значимые взаимосвязи данных показателей. Например, установлено, что в выборке мужчин-фельдшеров системообразующим показателем, т.е. тем, который имеет наибольшее количество корреляций, является «уровень организационного стресса», имеющий 10 взаимосвязей при уровнях значимости $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,001$. Однако 5 из 10 данных взаимосвязей относятся к «внутриметодическим», поэтому мы также решили отметить показатели «монотония» и «стресс», имеющие по 9 взаимосвязей, из которых лишь 2 и 1 взаимосвязи соответственно являются «внутриметодическими» (табл. 1).

Таблица 1

Корреляционный анализ системообразующих показателей в выборке мужчин-фельдшеров ($n = 30$)

Переменные	Уровень организационного стресса	Монотония	Стресс
Уровень организационного стресса (ШОС)		0,62***	0,48**
Способность самопознания (когнитивность; ШОС)	0,63***	0,48**	
Широта интересов (ШОС)	0,49**		
Принятие ценностей других (ШОС)	0,72***	0,49**	
Гибкость поведения (ШОС)	0,67***	0,63***	0,60***
Активность и продуктивность (ШОС)	0,52**		
Невротическая депрессия (Яхин, Менделевич)	-0,62***		-0,55**
Астения (Яхин, Менделевич)	-0,47**		-0,48**
Истерический тип реагирования (Яхин, Менделевич)		-0,64***	-0,57**
Обсессивно-фобические нарушения (Яхин, Менделевич)	-0,48**	-0,61***	-0,63***
Уровень здоровья (Яхин, Менделевич)		-0,54**	-0,53**
Утомление (ДОРС)		0,48**	
Монотония (ДОРС)	0,62***		0,63***
Стресс (ДОРС)	0,48**	0,63***	
Скорость реакции (СЗМР)			-0,56**

Примечание. ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

При интерпретации данных, полученных с помощью «Опросника выявления и оценки невротических состояний» К.К. Яхина и Д.М. Менделевича, необходимо учитывать ее специфику. Авторами установлено, что чем меньше значение показателей, тем сильнее выражено диагностируемое свойство.

Системообразующими показателями в каждой из применяемых методик в выборке мужчин-фельдшеров (табл. 2) являются следующие:

- в методике «Шкала организационного стресса» – интегративный показатель «уровень организационного стресса» (10 взаимосвязей);

- в «Клиническом опроснике для выявления и оценки невротических состояний» – показатели «невротическая депрессия» и «обсессивно-фобические нарушения» (по 9 взаимосвязей);

- в «Опроснике дифференциальной диагностики состояний сниженной работоспособности» – показатели «монотония» и «стресс» (по 9 соответственно);

- в методике «Сложная зрительно-моторная реакция» – показатель «Скорость реакции» (1).

Таблица 2

Корреляционный анализ системообразующих показателей в каждой из применяемых методик в выборке мужчин-фельдшеров ($n = 30$)

Переменные	Уровень организ. стресса	Невротич. депрессия	Обсессивно-фобические нарушения	Монотония	Стресс	Скорость реакции
Уровень организационного стресса (ШОС)		-0,62***	-0,48**	0,62***	0,48**	
Способность самопознания (ШОС)	0,63***			0,48**		
Широта интересов (ШОС)	0,49**					
Принятие ценностей других (ШОС)	0,72***			0,49**		
Гибкость поведения (ШОС)	0,67***			0,63***	0,60***	
Активность и продуктивность (ШОС)	0,52**	-0,58***				
Тревога (Яхин, Менделевич)			0,74***			
Невротическая депрессия (Яхин, Менделевич)	-0,62***		0,62***		-0,55**	
Астения (Яхин, Менделевич)	-0,47**		0,51**		-0,48**	
Истерический тип реагирования (Яхин, Менделевич)		0,63***	0,77***	-0,64***	-0,57**	
Обсессивно-фобические нарушения (Яхин, Менделевич)	-0,48**	0,62***		-0,61***	-0,63***	
Вегетативные нарушения (Яхин, Менделевич)		0,63***	0,68***			
Уровень здоровья (Яхин, Менделевич)		0,79***	0,82***	-0,54**	-0,53**	
Монотония (ДОРС)	0,62***		-0,61***		0,63***	
Стресс (ДОРС)	0,48**	-0,55**	-0,63***	0,63***		-0,56**
Утомление (ДОРС)				0,48		
Скорость реакции (СЗМР)					-0,56**	

Примечание. ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

В выборке мужчин-фельдшеров наиболее значимые взаимосвязи ($p \leq 0,001$) выявлены между следующими показателями примененных методик

```
graph TD;
    A((депрессия)) -.- B((ОС));
    B -.- C((ИТР));
    C -.- D((ОФН));
    D -.- E((МОНОТОНИЯ));
    E -.- F((стресс));
    F -.- G((ГП));
    G -.- H((АиП));
    H -.- B;
    B --- I((МОНОТОНИЯ));
    G --- I;
```

————— – положительная корреляционная связь
- - - - - – отрицательная корреляционная связь

115

внутреннем конфликте между жесткими профессиональными требованиями и адаптационным потенциалом специалиста, тем слабее самоконтроль, тем более выражено стремление к смене деятельности и тем менее они подвержены затяжным депрессивным состояниям, вызванным внешними факторами. Возможна и обратная тенденция: чем больше у мужчин-фельдшеров выражена невротическая депрессия, проявляющаяся в сниженном, пессимистичном настроении, заторможенности движений, тем ниже уровень организационного стресса и тем менее они способны к самопознанию и познанию окружающего мира, активности и продуктивности в деятельности, неординарному выполнению значимых профессиональных задач.

Обнаружено также, что чем более у мужчин-фельдшеров выражено состояние монотонии, при котором наблюдаются сниженный самоконтроль, чувство скуки, стремление к смене деятельности, тем менее им свойственны острые реакции на стресс, склонность драматизировать обычные ситуации, навязчивость мыслей, страхи и тем более они способны найти выход из сложившейся ситуации. Возможна и обратная тенденция: чем более мужчины-фельдшеры подвержены истерическим реакциям, навязчивостям в мыслях и действиях, тем менее им свойственно состояние монотонии.

Интересен и тот факт, что чем выше в мужской выборке значение показателя стресса, тем выше у данных испытуемых возможность расширить границы привычного профессионального реагирования, в том числе в плане развития способности добиваться неожиданными, новыми методами значимого результата. Соответственно, чем выше у мужчин-фельдшеров уровень психического напряжения, тем менее выражена склонность к навязчивым мыслям, идеям и патологическим страхам.

В свою очередь в выборке женщин-фельдшеров системообразующими являются показатели «уровень организационного стресса» и «уровень здоровья» (по 10 взаимосвязей, из них 5 и 6 соответственно – «внутриметодиковые»). Стоит также обратить внимание на показатели «утомление» и «психическое пресыщение», которые имеют по 9 взаимосвязей, в том числе по 2 «внутриметодиковые».

Корреляционный анализ системообразующих показателей в каждой из применяемых методик позволил установить следующее. В женской выборке в опроснике «Шкала организационного стресса» наибольшее количество взаимосвязей (10) имеет показатель «уровень организационного стресса». В методике «Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний» – показатель «уровень здоровья» (10). В методике «Опросник дифференциальной диагностики состояний сниженной работоспособности» – показатели «утомление» и «пресыщение» (по 9 взаимосвязей). Таким образом, в выборке женщин системообразующие показатели в целом по всем методикам и отдельно в каждой из них, за исключением методики «Сложная зрительно-моторная реакция», совпадают (табл. 3).

Таблица 3

Корреляционный анализ системообразующих показателей в выборке женщин-фельдшеров ($n = 35$)

Переменные	Уровень организационного стресса	Уровень здоровья	Утомление	Психическое пресыщение
Уровень организационного стресса (ШОС)		-0,43**	0,64***	0,56***
Способность самопознания (когнитивность; ШОС)	0,64***		0,46**	
Широта интересов (ШОС)	0,73***		0,63***	0,45**
Принятие ценностей других (ШОС)	0,72***			0,55***
Гибкость поведения (ШОС)	0,66***			0,50**
Активность и продуктивность (ШОС)	0,74***		0,44**	
Тревога (Яхин, Менделевич)		0,83***		
Невротическая депрессия (Яхин, Менделевич)	-0,46**	0,67***	-0,48**	-0,56***
Астения (Яхин, Менделевич)		0,71***	-0,55***	-0,45**
Истерический тип реагирования (Яхин, Менделевич)	-0,43**	0,83***		
Обсессивно-фобические нарушения (Яхин, Менделевич)		0,74***		
Вегетативные нарушения (Яхин, Менделевич)		0,77***		
Уровень здоровья (Яхин, Менделевич)	-0,43**		-0,50**	-0,47**
Утомление (ДОРС)	0,64***	-0,50**		0,58***
Монотония (ДОРС)				0,51**
Психическое пресыщение (ДОРС)	0,56***	-0,47**	0,58***	
Стресс (ДОРС)		-0,59***	0,58***	

Примечание. ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

Далее мы обратились к анализу наиболее значимых взаимосвязей исследуемых показателей в группе женщин-фельдшеров (рис. 2).

Установлено, что между показателями примененных методик наиболее значимыми ($p \leq 0,001$) являются следующие взаимосвязи: шкала «уровень организационного стресса» положительно коррелирует с показателями «психическое пресыщение» ($r = 0,56***$) и «утомление» ($r = 0,64$).

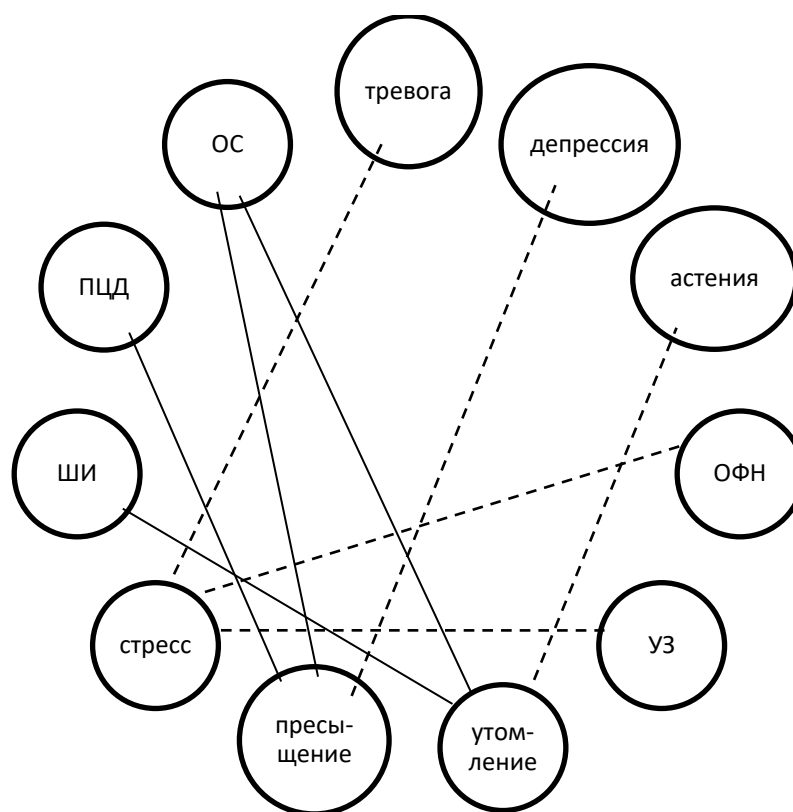

Рис. 2. Схема наиболее значимых взаимосвязей ($p \leq 0,001$) исследуемых показателей в группе женщин-фельдшеров:

ОС – уровень организационного стресса; ШИ – широта интересов; ПЦД – принятие ценностей других; ОФН – обсессивно-фобические нарушения; УЗ – уровень здоровья;

————— – положительная корреляционная связь

----- – отрицательная корреляционная связь

В свою очередь показатель «психическое пресыщение» положительно взаимосвязан с показателем «принятие ценностей других» ($r = 0,55$) и отрицательно – с показателем «депрессия» ($r = -0,56$), а шкала «утомление» – положительно с показателем «широта интересов» ($r = 0,63$) и отрицательно с показателем «астения» ($r = -0,55$). Соответственно, шкала «стресс» отрицательно коррелирует с показателями «тревога» ($r = -0,56$), «обсессивно-фобические нарушения» ($r = -0,64$) и «уровень здоровья» ($r = -0,59$). Отсюда можно сделать вывод, что наибольшее количество взаимосвязей (по 3) при уровне значимости $p \leq 0,001$ имеют шкалы «утомление», «пресыщение» и «стресс».

Полученные данные позволяют утверждать, что чем более у испытуемых выражены психологические признаки организационного стресса, проявляющегося в напряжении адаптационных механизмов личности в ответ на внутренний конфликт между профессиональными требованиями и/или ситуациями и реальными возможностями женщин-фельдшеров, тем выше у них показатели истощения организма и дискоординации действий, тем сильнее желание прекратить работу или отказаться от нее. По мнению А.Б. Леоновой и С.Б. Величковой – авторов методики ДОРС, исследующей параметры сниженной работоспособности, данное состояние развивается в результате длительного и интенсивного воздействия трудовых нагрузок, актуализирующих потребность в завершении работы и отдыхе.

Обнаружено также, что чем более у женщин-фельдшеров выражено психическое пресыщение, при котором наблюдается неприятие рутинных действий, сочетающееся с желанием внести в них разнообразие, тем толерантнее они относятся к инвариантным мировоззренческим позициям, ценностям других людей и тем слабее у данных испытуемых выражена невротическая симптоматика, сопровождающаяся сниженным настроением, общей вялостью и заторможенностью. Соответственно, чем более у женщин-фельдшеров выражен показатель утомления, характеризующий состояние сниженной работоспособности, тем более данные испытуемые ориентированы на новые знания, впечатления и тем шире поле их интересов, в которое включаются новые элементы труда и отдыха, обогащающие жизнь и деятельность. При этом имеет место и снижение астенических синдромов, в том числе чувствительности к раздражителям.

Интересными нам кажутся в данной выборке и отрицательные корреляции показателя уровня стресса. Их наличие позволяет предположить, что чем более у женщин-фельдшеров выражено состояние повышенной мобилизации ресурсов организма в ответ на необходимость решения актуальной проблемы, тем менее им свойственны внутренняя напряженность, навязчивость мыслей и действий и тем ниже показатели уровня психического здоровья в целом.

Сравнительный анализ результатов исследования особенностей отражения профессионального стресса на работоспособности и психическом здоровье мужчин и женщин – фельдшеров скорой медицинской помощи позволяет утверждать следующее. Общим системообразующим показателем для обеих выборок является показатель «уровень организационного стресса». Данный факт говорит о том, что организационный стресс не зависит от пола фельдшеров СМП. При этом специфичными, т.е. зависящими от пола, для каждой из выборок являются системообразующие показатели «депрессия», «обсессивно-фобические нарушения», «монотония», «стресс», «скорость реакции» для выборки мужчин, и показатели «уровень здоровья», «утомление», «пресыщение» для выборки женщин.

При сравнении наиболее значимых корреляционных связей в выборках мужчин и женщин была выявлена одна общая отрицательная взаимосвязь обсессивно-фобических нарушений со стрессом. Остальные взаимосвязи являются специфичными для каждой из выборок.

Таким образом, полученные нами данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Мужчины-фельдшеры, по сравнению с женщинами-фельдшерами, менее подвержены реакциям истерического типа и обладают более высокой работоспособностью. В свою очередь женщины-фельдшеры, по сравнению с мужчинами, проявляют повышенную эмоциональность, чувствительность, склонность к туннельному восприятию, что проявляется в концентрации на отдельных аспектах профессиональной деятельности в ущерб ее целостной картине. Также у женщин-фельдшеров снижена работоспособность. Данный факт можно объяснить повышенной восприимчивостью женщин к различным стресс-факторам, в том числе и организационным.

2. В качестве системообразующего показателя (имеет наибольшее количество корреляций) в обеих выборках выступает показатель организационного стресса, что указывает на наличие стабильного личностного конструкта, не связанного с полом испытуемых. Вместе с тем наиболее значимыми детерминантами данного стресса в выборке мужчин выступают монотонная работа, стереотипность действий, а в женской выборке – субъективное восприятие простых профессиональных действий как бессмысленных и интенсивность нагрузок, что приводит данных испытуемых к физическому и психическому истощению. Обнаружено также, что чем выше у мужчин-фельдшеров уровень организационного стресса, тем менее они подвержены затяжным депрессивным состояниям, вызванным внешними факторами.

3. Общей для обеих выборок является и отрицательная взаимосвязь показателя обсессивно-фобических нарушений с показателем стресса как состояния повышенной мобилизации адаптационных ресурсов организма. Данный факт позволяет утверждать, что, независимо от пола испытуемых, при возрастании сложности их профессиональной деятельности и усилении мотивации, направленной на преодоление трудностей, у фельдшеров СМП снижается склонность к невротическим навязчивым состояниям.

4. Специфичными системообразующими показателями в мужской выборке являются показатели невротической депрессии, обсессивно-фобических нарушений, монотонии, стресса и скорости реакции, а в женской выборке – показатели уровня здоровья, утомления и психического пресыщения. Также специфичны для каждой из выборок и все другие, кроме обозначенной выше, взаимосвязи системообразующих показателей.

Прикладное значение полученных данных состоит в возможности их применения в разработке программ психологического сопровождения фельдшеров скорой медицинской помощи и специалистов других экстремальных профессий. Также результаты исследования могут быть применены в подготовке специалистов профиля «Психологическое обеспечение в чрезвычайных и экстремальных ситуациях».

Список литературы

1. Барыкина А.И., Кашеева А.В. Влияние стресс-факторов в профессиональной деятельности медицинских работников // Мир педагогики и психологии. – 2017. – № 8 (13). – С. 107–116.
2. Бодагова Е.А., Говорин Н.В. Психическое здоровье врачей разного профиля // Социальная и клиническая психиатрия. – 2013. – Т. 23, № 1. – С. 21–26.
3. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. – СПб.: Питер, 2009. – 336 с.
4. Зрительно-моторные реакции как индикатор функционального состояния центральной нервной системы / Ю.П. Игнатова, И.И. Макарова, К.Н. Яковлева, А.В. Аксенова // Ульяновский медико-биологический журнал. – 2019. – № 3. – С. 38–51.
5. Корехова М.В., Новикова И.А., Соловьев А.Г. Профессиональный стресс в деятельности фельдшеров скорой медицинской помощи // Медицина труда и промышленная экология. – 2019. – Т. 59, № 7. – С. 417–423.

6. Первичко Е.И., Конюховская Ю.Е. Психологическое благополучие врачей и медицинского персонала в условиях пандемии COVID-19: обзор зарубежных исследований // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 595–608.

7. Профессиональное выгорание и его факторы у медицинских работников, участвующих в оказании помощи больным COVID-19 на разных этапах пандемии / А.Б. Холмогорова, С.С. Петриков, А.Ю. Суроегина и др. // Журнал им. Н.В. Склифосовского «Неотложная медицинская помощь». – 2020. – № 9 (3). – С. 321–337.

8. Стресс и общий адаптационный синдром у сотрудников станций скорой медицинской помощи: разные регионы, одинаковые проблемы / А.Л. Баранов, С.М. Колесникова, Е.В. Вакулова и др. // Здоровоохранение Дальнего востока. – 2017. – № 3. – С. 11–15.

9. Яхин К.К., Менделевич Д.М. Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний [Электронный ресурс]. – URL: <https://vsetesti.ru/226/>

Электронное издание

**ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия № 1
Психологические и педагогические науки

ВЫПУСК 1, 2021

Электронный научный журнал

Ответственный редактор выпуска
Силина Елена Алексеевна

Ответственный секретарь выпуска
Баландина Людмила Леонидовна

Дата размещения на сайте: 14.10.2021

Компьютерная верстка выполнена *Д.Г. Григорьевым*

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, оф. 115
тел. (342) 215-18-52 (доб. 394)
e-mail: rio@pspu.ru